

**ОЛЬГА
МИХАЙЛОВА**

СВЯТОЙ В МИРУ

2017

Annotation

Время действия — Викторианская Англия. Герои любят и ненавидят, творят подлости и раскаиваются... Обычная жизнь, и только главный герой не делает почти ничего, но именно он является движущей силой всех событий романа.

Ольга Николаевна Михайлова
Святой в миру

Глава 1. Мистер Патрик Доран

Отец Доран приехал в свой дом, когда совсем вечерело. Он бывал здесь только по приходским делам, остальное время живя у друга в Хэммондсхолле. Бог весть по какой причине, но сегодня его жилище, которое обычно нравилось ему, непритязательное, но живописное, показалось каким-то бедным, почти нищенским. Навстречу выскочил большой полосатый кот Тихоня, которого священник приютил котёнком в прошлом году, и стал тереться о ноги, довольно мурлыкая. Он редко видел хозяина и сейчас выражал радость встречи откровенно и искренне. Доран наклонился и почесал серое кошачье ушко.

Господи, только кот ему и рад...

Тридцать семь... Как быстро мелькают годы. Патрик вздохнул, приготовился к завтрашней службе и сел в своё любимое кресло у обшарпанного камина. Кот примостился рядом. Доран опустил глаза и нахмурился. Что-то произошло. Случилось что-то такое, что он не обозначил бы как событие, но что вдруг сдвинуло в нём какие-то потаённые пласты души — иначе откуда эта странная тоска, ощущение, что всё не так, что время безнадёжно уходит? Не потому ли, что последние дни столкнули его в Хэммондсхолле с молодыми леди? Привыкший к одиночеству, он втайне взволновался юной свежестью лиц и девичьими фигурками, мелькавшими перед глазами.

Патрик Доран вообще-то думал о женщинах нечасто. Четырнадцать лет назад ему хладнокровно предпочли другого. Предпочли потому, что между ним и его соперником была пятикратная разница в годовом доходе. Девица даже имела простодушную жестокость сказать ему об этом. Тогда Дорану показалось, что он пережил это со спокойным достоинством, и если на минуту в его душу вошёл дурной помысел о смерти — это было лишь минутным малодушием. Он перенёс потерю, со временем пришёл в себя, любовь истаяла, боль ушла. Правда, Доран всё чаще стал замечать, что уже не может смотреть на женщин с подлинным интересом и искренним уважением.

Нет, он не думал о них дурно. Но и не любил. Разлом души с годами не расширялся, но и не срастался.

Но то, что Патрик ощущал сейчас, было помыслом, в его понимании, просто скотским. Душа его отяжелела, отяжелела и плоть. Скотской же в его желании была рассеянная блудность самого искушения. Он хотел женщину. Любую. Какую-нибудь. В памяти туманно всплывали поворот головки мисс Хэммонд, волосы мисс Нортон, ямочки на щеках мисс Морган. Всё то, что в эти дни незаметно для него самого запечатлелось в памяти, теперь проступило и томило.

Викторианская эпоха была сдержана, и если развращённому и пресыщенному человеку нужны для возбуждения сцены невиданной разнузданности, то тому, кто, подобно Дорану, жил в одиночестве и лишь иногда урывками, воровски получал впотьмах наслаждение, хватало для того, чтобы вспыхнула кровь, совсем немного. Самые ничтожные соблазны манили запретностью, леденя душу греховностью. До дрожи возбуждали и случайно мелькнувшая женская щиколотка, и вырез платья, и даже обтянувшая руку перчатка.

Доран неимоверным усилием подавил муку плоти, ибо знал, чем будет чревато противное. Безнаказанно удовлетворить похоть в окрестностях, вплоть до Гластонбери, было немыслимо — если бы его узнали, при его сане мог выйти скандал. Только в Бате или Бристоле, и то с оглядкой... Патрик поморщился, вспомнив, как в прошлом ноябре пришлось

лгать Хэммонду, выдумывая лживую причину поездки в Бат, как он метался по городу, стремясь найти притон поукромнее, и каким дерьмом чувствовал себя по возвращении, когда Лайонелл поинтересовался его больным другом, на необходимость посетить которого Доран сослался в оправдание поездки.

Будь всё проклято.

К его чести, Доран и мысли не допускал о возможности интрижки в Хэммондсхолле. Но понимая, что возвращение туда неизбежно, мрачнел. Чтобы отвлечься, стал думать о том, что никаких плотских желаний возбудить не могло. Вообще-то современная молодёжь, съехавшаяся к Хэммонду, ему не понравилась — ни внешним обликом, ни ничтожеством помыслов. Нет, он не сетовал, подобно старикам, на никчёмность молодых. Вздор это всё. В зрелости каждое новое поколение повторяет предыдущее и жалуется на своих детей. В своём поколении Доран видел и откровенных негодяев, и примеры душевного благородства. Но в гостях и родственниках Лайонелла благородства было мало. Настолько мало, что оно не ощущалось вообще.

Его друг, милорд Лайонелл Хэммонд, старший сын богатейшего человека, имел наследственную вотчину в Сомерсетшире, неподалёку от Гластонбери, графский титул и солидный капитал, приносящий около двадцати тысяч годовых. Кроме того, он когда-то имел на попечении двух младших сестёр и брата. Но, увы, словно злой рок навис над родом. Его брат Сирил выразил желание пойти в армию, и ему был приобретён патент на чин лейтенанта в гренадёрском полку, потом он неожиданно женился, причём, весьма опрометчиво. Девица, оставив ему дочь, вскоре сбежала с полковым офицером. Через год Сирил погиб в пьяной потасовке, оставив семилетнюю дочь Софи на попечение брата.

Старшая сестра Хэммонда, Люси, вышла замуж за состоятельного человека, мистера Гилберта Стэнтона, но десять лет спустя овдовела. Вскоре и сама она умерла от неизлечимого недуга лёгких, осиротив двух детей — сына Клэмента и дочь Бэрил. Младшая сестра милорда Лайонелла, Энн, двадцати лет стала женой мистера Эдмонда Коркорана, чей облик истинного джентльмена настолько покориł её сердце, что она закрыла глаза на его ирландское происхождение и бедность. Она умерла в первых же родах, однако мастерство врача извлекло из умершей женщины наследника рода Коркоранов. Несчастный малыш был назван Кристианом. Четырёх лет по появлении на свет он потерял и отца.

Безвременная и горестная смерть брата и сестёр была для Хэммонда, человека безупречных правил и чести, источником постоянной скорби. Сам он женился поздно, детей не имел, а незадолго до пятидесяти овдовел. Он держался, ибо вынужден был заботиться о племянниках, но не мог не сетовать на судьбу, оказавшуюся столь жестокой к его роду. Свои жалобы милорд изливал только ему, своему единственному другу Патрику Дорану.

Шли годы, и ныне уже племянницы милорда достигли возраста невест, а в тот год, когда королева подарила стране последнего ребёнка, Хэммонд узнал, что его племянник Кристиан вскоре должен приехать в Англию из Италии, где жил и работал последние годы. Именно тогда ему пришла в голову мысль нарушить унылое уединение Хэммондсхолла и пригласить к себе всю свою молодую родню. Клэменту Стэнтону исполнилось уже двадцать восемь, Кристиану Коркорану — двадцать семь лет. Бэрил и Софи было по двадцать два.

Для приглашения племянников у милорда Хэммонда была и тайная причина. Доктор Гилфорд, выполняя давнее обещание, не скрыл от его сиятельства, что здоровье его пошатнулось и едва ли позволит ему рассчитывать на длительное пребывание в этом мире.

Граф Хэммонд воспринял слова врача философски, ибо не видел смысла в своей жизни — но тем острее становилась необходимость распорядиться с завещанием. Граф написал Клэменту и Бэрил, Кристиану и Софи, попросив их навестить его, и по их желанию распространить приглашение и на своих друзей и друзей. Будет ли им удобно приехать на Иоаннов день и погостить у него до конца лета?

Софи Хэммонд ответила дяде первой, сообщив, что привезёт свою подругу Эстер Нортон и её брата Стивена. Клэмент и Бэрил Стэнтоны тоже уведомили дядю о своём приезде и сообщили, что в числе их гостей будут мистер Чарльз Кэмпбелл и мисс и мистер Розали и Гилберт Морган. Кристиан Коркоран откликнулся последним. Он искренне сожалел, что письму дяди пришлось поплутать за ним по Италии, извинялся, что сможет приехать только с недельным опозданием — он договорился о встрече в Венеции и уже не может её отменить. Ни о каких друзьях он не упомянул.

Милорд Лайонелл оживился. Приезд молодёжи сулил ему свежие впечатления и радость общения. Доран подумывал было покинуть друга на время визита гостей, но тот и слышать не хотел об этом. Хэммонд настолько привязался к своему другу, что и мысли не допускал о его отъезде, пусть и в приходской дом за две мили.

Весь Хэммондсхолл пришёл в движение: помимо десяти человек обычной домашней прислуги — лакеев, горничных, экономок и поваров, были заняты каменщик, садовод, библиотекарь и хранитель коллекций. В итоге были подготовлены комнаты для приезжих с мебелью Томаса Чиппендейла, придававшей интерьерам особый дух старины и величия, засияло столовое серебро, были начищены запыхавшиеся напольные канделябры, приведены в порядок беседки и садовые дорожки, всюду наведён лоск. Поместье вело свою историю с XVI века, когда из темно-жёлтого кирпича был выстроен особняк в стиле Тюдоров, отделённый от мира плотной стеной из стриженного тиса и бронзовой решёткой, оплетённой плющом. Сад в итальянском стиле начинался газоном, отороченным цветочными бордюрами из хосты и ирисов, продолжался разделённой на пролёты помпейской стеной. Вдоль другой границы сада тянулась галерея с каменными колоннами, а за ней темнели поросшие мхом гроты. Оттуда открывался вид на озеро, к воде спускались мраморные ступени, пробуждая в памяти прелестные стихи Китса. Хэммондсхолл был богатейшим имением, выстроенным с некоторой даже излишней роскошью, а за века обретшим ещё и патинный налёт благородной старины. Это был оазис красоты среди болот и лесов дельты Брю.

Клэмент и Бэрил с друзьями приехали из Лондона первыми. Доран, волей случая оказавшийся в момент их приезда в парке с другом, с интересом оглядывал племянника и племянницу Хэммонда. Он слышал многочисленные рассказы милорда Лайонелла и теперь сравнивал их с собственными впечатлениями. Священник был разочарован. Мистер Клэмент Стэнтон оказался высоким молодым человеком с неподвижным лицом, холодными светлыми глазами и жестким квадратным подбородком. Его сестра была девицей с красивой осанкой и горделивым поворотом головы. У Бэрил были такие же, как у брата, большие голубые глаза, нос с заметной горбинкой, излишне крупный для женщины. Взгляд нёс печать тоски и ума, но чтобы назвать её красавицей, нужно было сильно отклониться от истины. Странной была и причёска девицы — туго скрученные сзади волосы, кажется, чуть вьющиеся. Одета очень скромно, она не носила никаких украшений. Отец Доран, слышавший, что Стэнтоны вовсе не бедны, подивился этому обстоятельству.

Их друг Чарльз Кэмпбелл, бледный шатен с невыразительным лицом, почти не

поднимал на собеседников глубоко посаженных серых глаз, на его тонких, почти бескровных губах то и дело мелькала улыбка — не то растерянности, не то — вежливой скуки. Над губой его чернела родинка, мало украшавшая молодого человека. По контрасту с остальными брат и сестра Морганы привлекали взгляд: Гилберт — приятным открытым лицом, правда, его правая бровь была заметно рассечена шрамом, следствием неудачных упражнений в фехтовальном зале, а его сестра Розали, блондинка с излишне пухлыми губами и игривыми карими глазами, — любезностью поведения. Она, в отличие от Бэрил, была одета с вызывающей и безвкусной роскошью.

Спустя три часа прибыли Софи Хэммонд и её друзья. Все остальные к этому времени были уже в столовой, и представление прошло при свечах, чей свет обычно украшает девиц. Вторая племянница мистера Хэммонда, дочь его брата, унаследовала итальянскую кровь матери, была жгучей брюнеткой с оливковой кожей. Отец Доран подумал, что она намного привлекательнее своей кузины, но сильно утомлена дорогой — под глазами её темнели круги, губы были бескровны. Что ж, отсюда до Лондона — двести миль. Было заметно, что двоюродные сестры не преисполнены взаимной любви: Бэрил едва кивнула Софи, заметив пренебрежительную гримаску на лице кузины. Стэнтон приветствовал Софи куда любезнее, на его щеках неровными пятнами выступил пунцовый румянец.

Подруга Софи, мисс Эстер Нортон, в этом обществе была заметнее всех благодаря удивительным волосам — выющимся пышным кудрям цвета красного дерева. Свечное пламя в кенкетах падало на них, рассыпаясь сотней искр, и молодые люди, как заметил мистер Доран, то и дело украдкой бросали взгляды на подобное чудо. Лицо девушки было симпатичным, разве что его несколько портили разбросанные по носу и щекам веснушки. Её брат Стивен имел черты довольно привлекательные, но не особо не запоминающиеся.

К всеобщему удивлению оказалось, что мистер Стивен Нортон знаком с мистером Морганом и с мистером Кэмпбеллом, хотя их взаимное приветствие было достаточно сдержанным. Встреча их не обрадовала, это было заметно, но и не огорчила. После обмена любезностями мистер Нортон учтиво задал милорду Хэммонду вопрос о его племяннике Кристиане Коркоране. Они вместе учились в Кембридже — до того, как Кристиан уехал в Италию. «Он ведь будет в числе гостей, не правда ли?» Милорд Лайонелл любезно подтвердил это, сообщив о письме племянника. Он сам с нетерпением ждал его, ведь они не виделись почти пять лет.

— Хорошо ли вы знаете его, сэр? — вопрос графа Хэммонда был исполнен неподдельного любопытства.

Мистер Нортон немного замялся и заметил, что мистер Кристиан Коркоран немногих удостаивал чести общения, и почти ни с кем не был откровенен, поэтому он не может иметь счастье сказать, что принадлежит к числу тех, кто хорошо знал его. Но сам мистер Коркоран, безусловно, человек замечательных дарований и выдающегося ума, а уж его актёрское дарование и музыкальная одарённость просто поразительны! Он член Тревеллерс-клуба, Клуба Гаррик, прибежища известных журналистов и театральных деятелей, Карлтон-клуба и Клуба Консерваторов. Его часто до отъезда видели и на Пэлл-Мэлл в Реформ-Клуб, и в Атенеуме...

Тут, достаточно резко перебив Нортон, в разговор вмешался Гилберт Морган.

— Мистер... мистер Коркоран... собирается... приехать сюда? — В его голосе сквозила растерянность. К разговору неожиданно присоединился и мистер Чарльз Кэмпбелл, проигнорировавший вопрос Моргана и заметивший, что мистеру Коркорану большое

будущее прочили ещё в школе, при этом бросил весьма странный взгляд на приятеля. Гилберт Морган, тут же взяв себя в руки, уже спокойней проронил, что любой, кто хоть раз в жизни... имел удовольствие сталкиваться с мистером Коркораном, этой встречи не забудет.

Священник несколько удивился тому обстоятельству, что за столом милорда Хэммонда волей случая собрались трое тех, кто знаком с племянником графа, притом, что кузен Коркорана, Клэмент Стэнтон, поморщившись, ядовито заметил, что, несколько он помнит своего двоюродного брата в детские годы, тот никогда и ничем не блистал, кроме внешности.

— Так он красив? — с некоторым удивлением тихо спросила Бэрил брата.

Тот с изумлением взглянул на сестру, но тут же, усмехнувшись, кивнул.

— Я и забыл, что когда он приезжал, ты была в пансионе. Да, он красавчик. Эдакий холёный хлыщ-денди, лощёный джентльмен, модник, подражающий лорду Браммелу.

— Простите, сэр, — осторожно заметил мистер Нортон, — но я замечал, что он никогда не уделял моде никакого внимания, и был весьма консервативен в одежде.

— Коркоран слишком умён для хлыща, — обронил сидящий по правую руку от Стэнтона Чарльз Кэмпбелл, при этом выражение его лица, несмотря на оброненный комплимент, было недоброжелательным и хмурым. Он словно извинялся перед пригласившим его Стэнтоном за то, что вмешивается в разговор, но тон его голоса был тверд.

— Мистер Коркоран никому не подражает. Он слишком своеобразен. — Это суждение Гилберта Моргана было высказано веско, но Дорану, внимательно слушавшему гостей его сиятельства, снова не показалось, что мистер Морган восторгается Коркораном. Скорее, в голосе его промелькнуло то-то досадливое, тоскливое и — несколько глумливое. С той минуты, как он услышал об ожидаемом приезде Коркорана, Морган словно потух, казался больным и усталым.

Отвечая далеко не на всё услышанное, Клэмент Стэнтон ядовито заметил, что Коркорану франтить и не на что. Его отец оставил его ни с чем.

Стивен Нортон не мог скрыть удивления.

— Как я понял, мистер Стэнтон, вы не очень близки с братом? Дело в том, что лорд Чедвик, — он познакомился с мистером Коркораном в «Атенеуме», оставил ему всё своё состояние, свыше двухсот тысяч фунтов, всё, кроме неотчуждаемой собственности! — И, видя, как побледнел при этих словах Клэмент Стэнтон, мистер Нортон продолжил. — Я в курсе этой истории, потому что считался одним из наследников лорда Чедвика. Я просто оказался в числе наименее обиженных, ибо лорд Чедвик всегда говорил... — тут мистер Нортон неожиданно смутился, — он... он считал меня достаточно состоятельным и без того. Но шок, испытанный остальными... — Нортон с грустной улыбкой покачал головой. — Вы ведь тоже были в числе наследников, Чарльз, и вы, Гилберт?

Надо заметить, что ни мистер Морган, ни мистер Кэмпбелл не были благодарны болтуну и окинули его далеко не дружелюбными взглядами. Стэнтон же, казалось, был просто шокирован услышанным, но проявилось это только изумлённым восклицанием.

— Свыше двухсот тысяч!

— Да. Эти средства дали ему возможность учиться в Италии, путешествовать, и, разумеется, он мог бы позволить себе — я возвращаюсь к теме нашего разговора — франтить как угодно.

— Говорили, что в Италии он перешёл в католицизм, жил в монастыре. Вот уж

глупость. С такими-то деньжищами... — эту фразу неожиданно уронила, ни к месту вмешавшись в мужской разговор, мисс Морган, но тут же и умолкла, поймав гневный взгляд брата.

— Может, его терзает совесть, за то, что оставил других без гроша? Замаливает грехи? — иронично проронил мистер Кэмпбелл, но тут же и осёкся. Было заметно, что он жалеет о сказанном, сорвавшемся с языка, и чтобы сгладить резкость, которая могла бы показаться бестактной хозяину дома, торопливо дополнил, — он всегда был необычным. Ещё в школьные годы был странным.

— Станным? — тихо спросил священник.

Кэмпбелл пожал плечами.

— Его трудно было понять, — спеша искупить неловкость, торопливо ответил Кэмпбелл. — Он где-то вычитал, что опиумное опьянение устраняет все тревоги, примиряет с ближним, делает самолюбие неуязвимым к уколам, вы начинаете любить даже ваших врагов, — и интересовался, не является ли опиум быстрорастворимым христианством? То рассуждал о ричардсоновской «царственной воле человека», то говорил, что любовь к женщине лишает-де собственного образа, и что желание основано на стремлении исследовать запретное и сродни преступлению. Философ, проводящий свои дни в поисках любовницы, говорил он, смешон. Что полюбить иного врага — это антихристианство... Он часто болтал невзвед что...

Слова Кэмпбелла вызвали странный блеск в глазах мистера Нортон и спровоцировали резкую фразу мистера Моргана.

— Ну, он не только болтал. Та чертовщина, что вечно творится вокруг него, совсем не безобидная болтовня.

Однако, на вопрос Клэмента Стэнтон, что он имеет в виду, Морган лишь махнул рукой, не пожелав ничего объяснять. Впрочем, помолчав, он проронил.

— Чего стоит только случай с девицей, пославшей ему любовное письмо...

Граф Хэммонд напрягся. Он напряжённо и внимательно слушал разговор гостей и теперь спросил у мистера Моргана:

— Вы хотите сказать, что мой племянник... ослабил девушку?

Мистер Морган не поднял перчатку.

— Ну, что вы! Это Коркорану несвойственно. Он передал письмо влюблённой девицы — её же отцу, обругал его на чём свет стоит за дурное воспитание дочери и рекомендовал задать ей порцию розог. Во-первых, за глупость и отсутствие девичьей скромности, а во-вторых, за сорок шесть орфографических ошибок в двадцати строчках...

Мисс Стэнтон тихо прыснула. Его сиятельство широко раскрыл глаза. Поступок этот в его глазах на безнравственный никак не тянул, хоть и удивлял.

Этот разговор весьма заинтересовал Дорана, он подумал, что ему будет весьма любопытно взглянуть на мистера Коркорана. При этом, сидя по правую руку от друга, он заметил, как напряглось при известии о скором приезде Кристиана Коркорана лицо Моргана, как побледнел — до потери румянца — Кэмпбелл и как серьёзно и внимательно слушала разговор мужчин мисс Софи Хэммонд.

Доран погладил кота и снова вздохнул. Именно красота младшей племянницы Лайонелла была во многом причиной его сегодняшней муки. Игривая и очаровательная, она неосознанно, радуясь молодости и жизни, кокетничала со всеми, не понимая производимого

эффекта. А эффект был налицо. Доран снова вздохнул и, поднявшись, распахнул окно в ночь. Он уже понимал, что все равно не уснёт. Патрик закусил губу и усмехнулся, вспомнив слова одного чистосердечного священника. «Не будь я обязан читать проповеди, я не умерщвлял бы плоть...» Вот и ему завтра выходить на амвон и говорить о праведности, славить добродетель. Проповедовать воздержание, когда у самого при взгляде на молоденьких леди перехватывает дыхание, и в голову лезут мерзейшие мысли. When the fox preaches, take care of your geese... Когда лиса читает проповеди, загоняй своих гусей...

Увы, наверное, только в юности можно подлинно любить — чисто, безгрешно, светло. Почему опыт убивает и чистоту, и свет любви? Уходит всё. А что остаётся? Немного сладострастия, марево, запах чужого тела, стон истомы — сухим листом на память... Гербарий мёртвых ощущений, возбуждающий при воспоминании жажду новых истом, которым тоже суждено превратится в сухие воспоминания. Душа утрачивает способность чувствовать, как в молодости, тело жаждет лишь животного удовлетворения, и ты сам со временем становишься либо рабом плотских похотей, либо усилием воли подчиняешь себя омертвевшей морали. Доран избрал вторую стезю, видя в ней путь более высокий, чем покорность инстинктам, боролся с собой и одолевал, видел в случайных искусах проявление собственной слабости, старался быть достойным сана. Он чувствовал некоторую помощь и укрепление от Господа, но мог не ощущать и мертвенной тяготы собственной души.

Улёгся в постель, но, как и предвидел, не смог уснуть. Мучила уже не плоть, но дурные, неведь откуда всплывшие воспоминания. Новой болью томила бывлая горечь. Четырнадцать лет... Или уже пятнадцать? Он мог бы иметь сына... Джейн... Нет, её не в чем было обвинить — он влюбился как сумасшедший, потерял голову. Или не потерял? Патрик не закрывал глаза на её расчётливость, проступавшее по временам себялюбие, но сердце билось в её присутствии как безумное, мешая думать, и лишь хладнокровное объяснение Джейн, что он недостаточно состоятелен, чтобы она могла стать его женой, образумило.

Доран встал с постели, отбросив подушку в истоме и муке. Плоть снова напряглась, лишая последнего самообладания. Он зло вытащил из шкафа ремень, что было силы огрел себя по спине, сразу заалевшей багровым рубцом. Боль нагнала его мгновение спустя, заставив сжать зубы и содрогнуться всем телом. Это был достаточно радикальный метод борьбы с дурью в себе, но на сей раз он не подействовал, ибо боль телесная только усугубила душевную.

Доран не стал одеваться, и вышел в ночь, и ее прохлада успокоила и освежила. Трелицикад всегда бодрили, он неизменно вычленял их партии в ночной симфонии. Доран был очень музыкален, обладал тренированным слухом, сам руководил церковным хором: кандидата на эту должность в окрестностях найти не удалось. Сейчас он словно дирижировал ночным оркестром, вот-вот должны были вступить первые скрипки-петухи, но пока тихое ночное адажио уснувшего погоста сливалось с андантино белёсого утреннего тумана и ожидало вступления в темпе *largo assai* тяжёлой поступи приходского стада.

На востоке светало.

Ложиться было поздно, да и глупо — не хватало проспять службу. Проснулся и кот, сладко потянулся, поглядев на хозяина загадочными круглыми глазами. Доран погладил полосатую спинку. Тихоня успокаивал его. Пришла эконожка — мистер Доран слышал, как в коровнике звякнуло ведро. Старуха Рейчел Бадли уважала хозяина за степенность и здравомыслие, доброту и спокойный нрав. Знала бы она, что за мысли бродят у него в голове — ужаснулась бы.

Священник оделся, сразу облачившись в стихарь, и направился через двор в храм, вызывая уважение прихожан своей неизменной пунктуальностью и благолепием службы. Ещё до начала богослужения разобрал несколько приходских бед, о которых доложили викарий и капеллан. Расстроился. Снова напился звонарь Митчелл, снова избил жену деревенский столяр, снова исчез, отправившись бродяжить, лудильщик Кинсли. Господи, каждый год одно и то же, читаешь им проповеди, вразумляешь и наставляешь — ничего не меняется.

С прихожанами Доран был милосерден и кроток, старался всё понимать, всё прощать, — и его любили, но почему с каждым годом всё больше усугублялась его апатия, и почему все больше становилось непотребного? Приходилось терпеть и прощать всё больше.

Недавно в пьяной драке подёнщик Шеннон и грум Белл едва не убили друг друга, сильно покалечившись.

Кто-то ограбил старуху Глорию Дейли, забрал последнее.

Негодяй-сын деревенского старосты обрюхатил дочку зеленщика — и сбежал.

Патрик Доран вздохнул, чувствуя себя обессиленным и жалким. Господь желает, чтобы мы были кротки к виновным, незлопамятны к согрешающим, прощением их приобретали прощение себе и сами приготавливали себе меру человеколюбия. Но что-то в нём мешало ему. Доран запутался, перестал понимать что-то сокровенное, самое важное... Господи, прости меня, прости нас всех. Всех надо понять, всех простить... тогда и тебя простит Господь.

Он поднялся на амвон. Лицо Дорана, обрамлённое густыми, чуть выющимися светлыми волосами, больше подошло бы более поэту, нежели клирику. Живые голубые глаза, придававшие лицу выражение некоторой рассеянности, часто казались мечтательными и отсутствующими. Прихожане столпились вокруг.

Для проповеди Доран выбрал случайный отрывок из Писания, не решившись читать приготовленную проповедь об обуздании страстей. Прежде чем учить других, дорогой Патрик, надо не быть свиньёй самому. Уже сняв стихарь в ризнице, он раскрыл наугад Писание. Ему открылся двадцать четвёртый псалом Давида. «Кто есть человек, боящийся Господа? Ему укажет Господь путь, который избрать. Душа его пребудет во благе, и семя его наследует землю. Призри на меня и помилуй меня, ибо я одинок и угнетён. Скорби сердца моего умножились; выведи меня из бед моих, призри на страдание моё и на изнеможение моё и прости все грехи мои...»

Он смутился, но и был странно растроган. Семени его не наследовать землю, но если душа успокоится — и то будет благом ему и милосердием Господним.

Но разве благ заслуживает он за свои скотские искушения?

Глава 2. «Я пока далёк от оценок...»

Вечером по приезде Клэмент Стэнтон постучался в спальню сестры и обнаружил её с книгой на обтянутом шёлком пуфике возле окна. Он опустился в кресло рядом.

— Зачем Софи привезла сюда эту Хетти Нортон? — голос Бэрил был тосклив и, как понял брат, продиктован ревностью.

Клэмент смерил сестру долгим мрачным взглядом. На приезд в Хэммондсхолл мистер Стэнтон возлагал весьма большие надежды — и не только финансовые, но и матримониальные: четыре года назад он влюбился в мисс Софи Хэммонд. Влюбился он со странной для этого бесстрастного человека пылкостью, мечтал о женитьбе на кузине и сейчас, при одной мысли, что она совсем рядом, здесь, в доме, чувствовал, что теряет голову. Но и выдать замуж свою сестрёнку и наконец избавиться от неё — тоже хотелось.

Клэмент не любил Бэрил. Некрасивая, жалкая, ничтожная — она бесила и компрометировала его. Он всегда, с детства, срывал на ней зло и смеялся над её длинным носом, изошряясь в издевательствах, как умел. При первой же возможности пристроил в столичный пансион, где та пробыла семь лет. Он аккуратно оплачивал её личные счета, приходившие из Лондона, скромные и незначительные, хотя сам он считал нужным постоянно уличать её в мотовстве и упрекать в чрезмерных тратах. Стэнтон никогда не принимал приглашения на вечера в пансионе и отказался выступить попечителем, стыдясь сестры. Появлялся он там, когда привозил Бэрил и когда забирал её на вакации, — и то, посылая за ней к миссис Линдон гувернантку, пока сам ожидал в экипаже. И лишь забирая её из пансиона навсегда, Стэнтон вынужден был зайти туда.

Бэрил была готова, стояла у входа с саквояжем. Клэмент изумился: проводить сестру вышли двадцать девиц и сама миссис Линдон, приятная особа лет пятидесяти, сохранившая следы былой красоты и величавость осанки. К его насмешливому недоумению, она выразила искреннюю скорбь по поводу расставания с такой милой особой, как мисс Бэрил, заметив, что более понятливой ученицы у неё никогда не было, и заверила его, что супруг мисс Стэнтон, приобретя её, получит подлинное сокровище. Стэнтон едва сумел сохранить тогда на лице подобающее случаю выражение. «Супруг мисс Стэнтон!»

Но смех смехом, а теперь Бэрил надо было пристраивать. Из-за вечных насмешек Клэмента она не умела кокетничать, нравиться мужчинам, прилично приодеться, скрыть недостатки внешности и теперь это оборачивалось против него.

По счастью, Бэрил располагала неплохим приданым. Стэнтон пригласил с собой в поместье двух приятелей, чьё финансовое положение было плачевным — Чарльза Кэмпбелла и Гилберта Моргана. Он не скрыл своих планов от Бэрил, и та, жаждавшая покинуть дом брата, чтобы избавиться от вечных унижений, была согласна выйти замуж за чёрта. Появление в их обществе Эстер, довольно симпатичной девицы, в её планы не входило, и брат понимал сестру. Он ответил не на слова, но на мысли Бэрил.

— Не думаю, что она придётся по душе Гилберту или Чарльзу. — Он цинично усмехнулся. — Гилберт — наследник сэра Мэтью Корбина, но тому всего сорок пять, он спортсмен, и нужно ангельское терпение, чтобы спокойно дожидаться этих денег, а Гилберт им не обладает, к тому же, поговаривают, что сэр Мэтью собрался жениться. Плакали тогда его денежки. Он ведь рассчитывал на Чедвика, но тот ему ничего не оставил. Я не знал... ну да ладно. У Чарльза же — долги. И никаких шансов поправить дела. Они знают, что у тебя

тридцать тысяч, и что ты можешь получить солидный кусок собственности дядюшки Лайонелла. А что у этой дурочки, чтобы они её заметили?

Аргумент Клэмента убил Бэрил. Убил и честностью, и безжалостной откровенностью.

— Перестань, Клэмент! — Бэрил чуть не заплакала.

Стэнтон поморщился. Он не любил женских истерик. Да, сестрица уродина и дура, но разве это её вина? Сейчас он вовсе не хотел задеть Бэрил, это получилось ненарочито.

Вообще-то он был неправ. Бэрил не была красива, но обладала большим и живым умом. Жизнь воспитала в ней, практичной и уравновешенной, понимание её ущербности, но она же дала ей и повод меньше думать о себе и больше размышлять об иных вещах. Однако Бэрил не привыкла много говорить, а с Клэментом вообще трудно было разговаривать, когда он был не в духе, а не в духе он был всегда, когда видел её, — и потому братец пребывал в полнейшем неведении об уме и чувствах сестры. Клэмент снова тяжело вздохнул. Сестрица с её обидами его не заботила. Ничего, успокоится. Сейчас его волновало другое.

— Я не знал, что Коркоран получил деньги Чедвика... это новость, и дурная.

Бэрил судорожно вздохнула. Она знала, что от брата извинений не дождёшься, и была рада, что он сменил тему.

— Я почти не помню его. Но что дурного в этой новости? Дядя теперь может решить всё оставить нам и Софи.

Клэмент покачал головой.

— Ты просто не видела его.

Сестра пожала плечами.

— Через неделю увижу.

Когда Клэмент ушёл к себе, Бэрил попыталась прийти в себя. Она привыкла к бесчувственным и резким выпадам брата. Он считал свою жестокую бестактность честностью, и убедить его, что такая честность не делает ему чести, было невозможно. Его нельзя было убедить ни в чём, с чем он не хотел соглашаться, и с этим поделаться было нечего.

Но вскоре мисс Бэрил забыла о брате. Она сегодня впервые за семь лет увидела сестру Софи, и эта встреча причинила ей новую боль. Она внимательно наблюдала за друзьями брата и поймала их заинтересованные взгляды на Софи, на неё же никто из мужчин не смотрел. Бэрил почувствовала, что на душе тяжелеет и глаза наполняются слезами. Она резко встала, запрокинула голову, торопливо вышла на балкон в мягкую темноту летней ночи. Опершись на перила, посмотрела вниз. Двор в свете палево-жёлтых фонарей казался сказочно красивым, очертания клумб причудливо менялись, затенённые кустами пространства выглядели таинственными гротами, маня затеряться в них, исчезнуть из этой жестокой жизни с её вечными унижениями, обидами, чужим торжеством, усугубляющим ощущение тяжести на сердце. Тяжести почти невыносимой...

Бэрил поторопилась вернуться в гостиную и взять книгу — чтение спасало её. Уходя в придуманные миры, можно было не думать о безнадёжности собственного существования, о своем уродстве. Она, правда, никогда не умела полностью забываться над книгами и понимала, что вымысел есть вымысел, Бэрил никогда не воображала себя героиней романов, но ценила их именно за возможность отвлечься от своих горестей.

Горестей у мисс Бэрил Стэнтон было немало — так что читала она не просто много, а очень много.

...Мистер Стивен Нортон перед отходом ко сну зашёл пожелать доброй ночи сестре.

Эстер расчёсывала свои роскошные волосы, и только убрав их под чепец, ответила брату. В глазах её мелькали искры.

— Так ты напросился с нами из-за этого красавца, о котором они говорили? Как же я сразу-то не поняла! Ты мог хотя бы здесь оставить свою придурь?! Неужели ты не понимаешь, чем рискуешь? — Извращённые склонности Стивена, выражавшиеся в крайней неприязни к женщинам, но в обожании мужчин, что и говорить, бесили её, особенно при мысли, что о них может стать известно в обществе. Такое чести никому не делало.

Черты юноши исказились от бешенства.

— Мои дела тебя не касаются.

— Они меня не касались бы, если бы ты вёл себя прилично. — Эстер неожиданно осеклась, потом взглянула на Стивена и улыбнулась, легко взмахнув рукой. — Ладно, прости меня, милый, это всё пустяки. Не сердись, слышишь?

Нортон бросил на сестру быстрый взгляд. Подобный перепад в настроении Эстер удивил его. Обычно сестрица, если заводилась, долго не останавливалась. Стивен чуть успокоился.

Сестра заговорила о поместье. Чудо, не правда ли? С этим Стивен не спорил. И, подумать только, такое кому-то достанется... Видимо, этому Стэнтону? Как он тебе?

Стивен Нортон мог только пожалть плечами.

— А как тебе гости? Откуда, кстати, ты знаешь этих Кэмпбелла и Моргана? Клуб? — щебетала Эстер, и только очень внимательный слух мог выявить в её мягкой речи неподдельное любопытство. — Я имею в виду... из *твоего* клуба?

Брат понял сестру и покачал головой.

— Нет. Они были наследниками Чедвика по линии его матери. Больше я о них ничего не знаю.

Эстер улыбнулась. Она узнала всё, что хотела. То, что среди гостей Хэммондсхолла не было мужчин с такими же нелепыми причудами, как у брата, порадовало её. Ей показался весьма привлекательным мистер Гилберт Морган, и отрадно, что он не был содомитом. Но Эстер тут же закусил губу. Взор всё это. Софи сказала ей, что Морган, по слухам, ждёт наследство, но сегодня почти ничем не располагает. Мистер Клэмент Стэнтон — вот вероятный наследник Хэммондсхолла, ему и нужно уделить подлинное внимание. Сам Стэнтон ей не понравился, показался человеком, лишённым красоты и обаяния, сухим и чопорным, но графский титул наделяет достоинством даже грума. Имение и титул...

Она вздохнула.

Между тем Стивен погрузился в свои мысли — тяжёлые и мрачные. Он был изнурён и несчастен. Проступившая в пору ранней юности болезненная склонность к мужчинам, всегда подавляемая и таимая им, разрывала его изнутри. Но мужчины, изредка подмечавшие его взгляды, либо начинали бесноваться, либо указывали ему на дверь. Несколько раз ему лишь чудом удавалось избежать скандала. Стивену казалось, что он никогда не найдёт понимающего партнёра и любовника, но муки плоти были ничтожны до той минуты, пока в университете он не увидел Кристина Коркорана. Теперь скорби неудовлетворённых желаний усугубились тягостной и замороженной любовью. Ничто не могло утишить безумную страсть. Даже когда в ущерб ему Коркоран стал наследником лорда Чедвика, Нортон продолжал боготворить его.

Красота Коркорана, его яркие дарования, аристократическая властность и неортодоксальность суждений быстро сделали ему имя в лучших клубах Лондона. Своим

появлением он неизменно вызывал или всплеск восторга, или вспышку неприязни, возникавшей вследствие зависти из-за оказанного ему внимания. За год Коркоран приобрёл нескольких влиятельных друзей среди видных парламентариев и лондонской богемы, считался авторитетом в Клубе путешественников. О нём говорили. Им восхищались. За ним наблюдали. Ему подражали. Стивен же Нортон мечтал о нём — как мечтала Виола о герцоге Орсино, а однажды в «Атенеуме» он случайно услышал его разговор с милордом Беркли. Старик советовал Кристиану жениться.

Коркоран рассмеялся.

— Из меня получится плохой муж, милорд. Женщины не тревожат моё сердце, кажутся мне болтливymi и глуповатыми. Греки были правы, видя в них лишь инструмент для деторождения.

Эти походя брошенные слова озарили сердце Нортонa безумной надеждой. Несмотря на то, что Коркоран часто покидал Лондон, подолгу жил в Италии и разъезжал по миру, Стивен продолжал грезить о предмете своих мечтаний. К тому же от Чарльза Кэмпбелла он слышал, что предпочтение, оказанное Коркорану графом Чедвиком, было связано со... сговорчивостью молодого человека, согласившегося ублажить графскую похоть. Из слышавших это в клубах иные морщились, другие с недоверием покачивали головами, третьи — яростно утверждали, что это вздор, но Нортон просто молчал, пытаясь смирить стук сердца. То, что Чедвик мог возжелать Коркорана, не вызывало у него сомнений: Коркорана, по его мнению, нельзя было не возжелать.

Стивен выяснил всё о происхождении и родне Коркорана и, узнав, что его кузина учится в одном пансионе с его сестрой, сделал все, чтобы Эстер подружилась с ней. И вот неожиданно его планы увенчались успехом, Софи пригласила Эстер в Хэммондсхолл, куда должны были собраться все родственники графа Хэммонда, в том числе и его племянник. Нортон появился в её доме и столь сердечно благодарил мисс Хэммонд за приглашение, что оно было распространено и на него. Оставалась ждать и грезить.

...Чарльз Кэмпбелл завистливо оглядел ажурный орнамент чиппендейловских кресел, их обитые дорогим бархатом квадратные сиденья на капризно изогнутых ножках, прихотливость резных деталей, изящно уравновешенную лаконичными формами пуфов. Окинул взглядом книжные шкафы, роскошную кровать с тяжёлым балдахином. Осмотрел дорогие ковры и бархатные портьеры. Тяжело вздохнул. Да, дядюшка у Стэнтона совсем не беден...

Чарльз разделся и, разлѣгшись на кровати, задумался. Он прекрасно понял намѣк пригласившего его Клэмента, осведомлѣнного о его финансовом положении. Тот в присутствии Моргана, сэра Хьюго Биллингема и его самого, закончив роббер в клубе, рассказал, что вскоре вынужден будет до конца лета покинуть Лондон. Их с сестрой ждут в Хэммондсхолле к Иоаннову дню. Приданое мисс Бэрил равно тридцати тысячам фунтов, но, возможно, дядя, настаивая на их приезде, хочет выделить им уже сегодня некую долю семейного капитала. Не хотят ли они с Гилбертом составить ему и Бэрил компанию?

Он согласился, был рад хоть на время отделаться от кредиторов. Морган тоже.

Но едва они встретились в условленном месте, где их поджидал экипаж Стэнтонов, Чарльз Кэмпбелл, будучи представлен мисс Стэнтон, решил, что его финансовое положение, каким бы ужасным оно ему не представлялось вчера, вовсе не так уж и ужасно. По крайней мере, оно не настолько ужасно, чтобы жениться на мисс Бэрил, особе, абсолютно лишѣнной

обаяния и кокетства. Сестра же Гилберта, как он знал, ничем существенным не располагала, и была не настолько красива, чтобы её красота была достаточной заменой солидного приданого. К тому же девица всю дорогу буквально не умолкала. До Хэммондсхолла было более двухсот миль, и когда он смог на исходе второго дня пути, покинуть карету и не лицеизреть перед собой физиономию сестрицы Стэнтон и не слышать воркотню сестрицы Моргана, он возблагодарил Бога.

Однако Хэммондсхолл изменил его чувства. Если наследницей поместья станет Бэрил, то, пожалуй, и сестрица Стэнтон сойдёт. А вскоре настроение Кэмпбелла и вовсе улучшилось. Из разговоров во время пути он узнал достаточно, чтобы вникнуть в семейные дела приятеля, а познакомившись с мисс Софи Хэммонд, перестал сожалеть о приезде. Правда, состояние дяди должно достаться всем племянникам сэра Лайонелла, но уж такую-то красотку старик не обделит!

Но разговор за столом, слова дурачка Нортон просто убили его. Коркоран. Только его здесь и не хватало! Если бы Стэнтон хоть словом обмолвился, что Кристиан Коркоран — его кузен и тоже приглашён в Хэммондсхолл, Кэмпбелл никогда не принял бы предложение Клэмента.

...Розали Морган её братец Гилберт считал дурой. И не без основания. Она производила совсем неплохое первое впечатление, и будь можно внушить ей мысль, что, чем молчаливее девица, тем умнее она выглядит, всё было бы не так уж и плохо. Но не получалось. Девица совершенно не понимала, что слова являются в некотором роде проекцией размышлений и следствием мыслей.

И потому мисс Стэнтон, за время пути в Хэммондсхолл не сказавшая ни единой глупости, показалась мистеру Гилберту Моргану особой хоть и некрасивой, но гораздо менее неприятной, нежели мистеру Кэмпбеллу. Оглядевшись по приезде в имение, он отметил красоту мисс Софи Хэммонд, однако, серьёзных планов не заимел, заметив взгляд Стэнтон на кухню. That's where the shoe pinches.^[1] Вот где собака-то зарыта... Связываться со Стэнтоном Моргану не хотелось: Гилберт знал характер Клэмента достаточно, чтобы не провоцировать дружка без весомых на то оснований.

Но ему показалось, что время в имении можно провести и с удовольствием, если попытаться это удовольствие извлечь из мисс Нортон. О необычных склонностях её брата он знал, но тем больше было оснований приволочнуться за девицей — братец влезть не посмеет, особенно, если поймёт, что его секрет висит на волоске. После разоблачения подобных тайн немало лощёных джентльменов с треском вылетало из общества. А после таких скандалов — кто возьмёт в жены сестрицу содомита? Так что, девице лучше быть уступчивей...

Но эти мысли роились в его голове недолго. Случайная фраза о Коркоране испортила ему настроение. Он не знал, — Стэнтон не сказал ему, — что тот тоже будет гостем Хэммондсхолла. Все менялось. Гилберт слишком хорошо знал мистера Коркорана, чтобы не понять, что события повернулись самым неблагоприятным образом.

Утром после службы Доран приехал в Хэммондсхолл. Молодые гости его друга ещё спали, но хозяин дома приветствовал его возле своей спальни и пригласил в курительную. Милорд Хэммонд и Доран весьма разнились — годами, положением в обществе и доходом, но их роднили общее понимание нравственных максим, интерес к редким книгам и

одинокество. Граф Хэммонд сумел рассмотреть в Патрике Доране порядочность и ум, сближение их было медленным, из гордости Доран не принимал никаких благодеяний, но со временем привязался к старику. Он понял, что его сиятельство, несмотря на колоссальное богатство и титул, столь же одинок и неприкаян, как и он сам. Постепенность сближения привела к глубокому взаимопониманию, которое теперь исключало возможность любого конфликта — слишком хорошо они знали натуры друг друга. При этом надо заметить, что милорд Лайонелл имел обыкновение прислушиваться к словам своего молодого друга, признавая за ним недюжинный ум и знание людей.

Все это было причиной того, что ещё накануне его сиятельство обратился к Дорану со странной на первый взгляд просьбой — завязать по возможности близкие, дружеские отношения с его родней, приглядеться к ним.

— Ты же понимаешь, малыш, никто из них не будет откровенен со мной, я не смогу ни понять их устремления, ни проникнуть в их души. Ты умён и глубоко видишь, я доверяю тебе. Всмотрись в них. Я же буду... добрым подслеповатым дядюшкой.

Доран улыбнулся и кивнул головой.

Теперь, оставшись вдвоём, они долго молчали. Доран понимал, что рано или поздно милорд обратится к нему с просьбой высказать свое мнение о его родне, но пока, увы, сам он сумел разглядеть только то, что племяннику и племянницам друга чести не делало. Не желая начинать разговор, вернее, стараясь отсрочить вопросы графа, Доран поинтересовался, чем располагают сегодня мисс и мистер Стэнтон и мисс Хэммонд? Граф ответил, что у Клэмента около сорока тысяч, приданое мисс Стэнтон — около тридцати, так распорядился их отец, мисс Софи ничего не получила от родителей, он оплачивал её пребывание в пансионе и, конечно же, обеспечит приличным приданым. Сообщение же мистера Нортон о завещании графа Чедвика милорда Лайонелла ничуть не удивило. Несколько лет назад Кристиан известил его о полученном наследстве, лишь не уточнив, от кого оно получено.

— А ты сам уже распорядился с завещанием, Лайонелл? — когда они оставались наедине, Доран называл друга просто по имени, правда, согласился он на это после нескольких весьма настойчивых просьб его сиятельства. — Сколько ты хочешь оставить каждому?

— Я пока не знаю. Я и пригласил их, чтобы лучше понять. Сын и дочь Люси, дочь Сирила, сын Энн. Возможно, проще всего поделить все на четверых, но мне не хотелось, чтобы титул, деньги и дом достались тому, кто их недостойн. Тебе, я заметил, не понравился Клэмент?

— Я пока далёк от оценок.

На самом деле он лукавил. Наведённые Лайонеллом справки говорили о скупости молодого человека и о том, что, хотя Стэнтон не был игроком и не подвержен был обычным порокам молодёжи — разгульной гульбе и мотовству, — он не пользовался уважением ни в обществе, ни в клубах. Было даже уронено мнение, что по своим замашкам молодой человек едва ли может быть назван джентльменом. Такие отзывы звучали приговором.

И такому человеку достанется Хэммондсхолл?

Его сиятельство вздохнул.

— Свифт говорил, когда состарится, обязуется не жениться на молодой, не относиться к молодёжи с пристрастием, не быть сварливым или подозрительным, не критиковать современные нравы, не рассказывать одну и ту же историю помногу раз одним и тем же людям, не прислушиваться к глупым сплетням, не хвастаться былой красотой и успехом у

женщин. А главное, не братья за выполнение всех этих обетов из страха, что выполнить их не удастся. В последнем, Патрик, он был прав сугубо.

— Даже так?

— Я уже старик, мой мальчик, если молодёжь кажется мне пустой и ничтожной, если не могу не критиковать современные нравы...

Доран усмехнулся.

— Мне тридцать семь, ваше сиятельство, но могу сказать о себе то же самое.

Глава 3. Нелепый мотив сломанной шкатулки

В рассветных лучах летнего солнца, бледно-палевых и нежных, Хэммондсхолл был прекрасен. На цветках глициний блестели бриллианты росинок, воздух был прозрачен и прохладен, где-то в лесу за садом звенела в кустах ранняя пичуга. Мисс Софи поднялась раньше других и прошла по спящему ещё дому и саду, присела на скамью возле садовой галереи.

Вчера, сразу по приезде, она снова заметила — не могла не заметить — взгляд кузена Клэмента. Софи знала, что он влюблён в неё, но его страсть никогда не вызывала ни благодарности, ни отклика. Она боялась его. Боялась и внешнего бесстрастия, и прорывающейся порой пугающей страстности. Кузен никогда не нравился ей. Однако, вчера в гостиной дяди по блестящим глазам и пунцовому румянцу, окрасившему его бледные щеки, Софи поняла, что в один из ближайших дней Клэмент непременно попытается с ней объясниться. Сама она никаких объяснений с кузеном не хотела, но и не видела возможности избежать их.

Сегодня она, отдохнув с дороги, чувствовала себя лучше. Начиналась новая жизнь. Многие её подруги по пансиону боялись этой новой жизни, она же о ней грезилась. Пансион воспитал в Софи самодовольство и высокомерие. Она была красивей подруг, и всегда испытывала к ним презрение, слыша их глупые разговоры, в которых проступали лишь мечты о богатом и приятном супруге. Софи же, мечтательная и пылкая, в своих безудержных фантазиях видела себя предметом преклонения по меньшей мере принца. Слово «любовь» произносила со странным придыханием. Рассказы экзальтированных пансионеров о своих влюблённых сёстрах, романтические истории, шёпотом рассказываемые перед сном, тайно проносимые мимо гувернанток переводные романы заставляли мечтать о любви, как о чуде и сказке, волшебной преображающей скучную жизнь. А жизнь, что и говорить, была скучна, томительна и неинтересна. Софи не умела развлечь себя, провести хотя бы час в одиночестве — было для неё мукой. Только разговоры с подругами иногда забавляли, да тешили интереснейшие сплетни высшего света.

Она мечтала о Лондоне, светских забавах, балах и успехе. В пансионе его хозяйка миссис Лоусон говорила ей, что её дядя — человек более чем состоятельный и, уж конечно, обеспечит её немалым приданым. И тогда юноши лучших семей будут оспаривать друг у друга каждый её взгляд, каждый знак её внимания. Софи чувствовала, как от этих волнующих слов у неё начинало восторженно биться сердце. Она грезилась домом в Лондоне, который непременно станет самым посещаемым и престижным салоном столицы. Проездом она даже мысленно выбрала для себя прелестный особняк на Гровнор-стрит.

Софи вздохнула. Скорей бы.

Она пожалела, что пригласила с собой Эстер Нортон. Хэтти, в последний год бывшая её ближайшей подругой, всё больше разочаровывала. Софи и раньше замечала, что кроме выгодного замужества ту ничего не интересует, и перспектива вступить в брак без любви подругу ничуть не пугает. Не менее удивил и брат Хетти — и странностью манер, и чем-то неосознанным, но пугающим. Стивен почти не замечал её дорогой, лишь однажды уронив какой-то расхожий комплимент. Хорош принц. Сестра Бэрил тоже разочаровала. Жалкая дурнушка, совершенно никчёмная. Софи подумала, что сама она вызывает зависть сестры своей красотой, но разве не стоило сделать над собой некоторое усилие и преодолеть

чувство, не делавшее ей чести? Жаль, конечно, что Бэрил так некрасива, — но думая об этом, Софи невольно улыбнулась.

Ни один из мужчин не вызвал у неё интереса, принцев здесь не было, мисс Розали Морган показалась недалёкой и ограниченной девицей, и Софи вздохнула, подумав, что ближайшие недели в Хэммондсхолле мало чем порадуют её. Впрочем, может быть, кузен Коркоран будет более интересен? Её заинтриговало то, что она слышала о нём.

Но всё так странно! Все они, четверо кузенов и кузин, связаны родственной кровью, но, воистину, совсем чужие друг другу. Росли отдельно, никогда не были скреплены ни душевной близостью, ни жизненными событиями, и сегодня она о сестре знает даже меньше, чем о подруге. Впрочем, такая подруга, как Бэрил, ей и не нужна. В ней совершенно ничего женского — ни умения одеться, ни кокетства, ни обаяния. Даже жалко становится.

Мисс Софи медленно пошла вдоль садовой галереи к озеру.

Солнце уже появилось из-за Лысого Уступа, когда в сад вышла Эстер Нортон. Красота летнего утра заставила её в полной мере оценить Хэммондсхолл, и она решила сегодня же внимательно приглядеться к будущему владельцу этого прекрасного поместья. Между тем Клэмент Стэнтон, не найдя кухни в гостиной, куда зашёл пожелать ей доброго утра, поспешно вышел в сад. Навстречу ему поднялась мисс Нортон, чьи удивительные волосы были сегодня перевиты белой лентой, невольно привлекающей взгляд. Но взгляд мистера Стэнтона, скользнув по ней, как по пустому месту, торопливо двинулся дальше по саду.

— Доброе утро, мистер Стэнтон, не правда ли, прелестное утро?

Мистер Стэнтон тоже счёл утро прелестным и спросил у мисс Нортон, не видела ли она его кухни Софи? Нет, не видела, но может быть, она на озере? Но вместо того, чтобы пригласить её прогуляться туда вдвоём, он, торопливо кивнув, устремился вдоль галереи. Мисс Нортон проводила его задумчивым взглядом. Молодой наследник Хэммондсхолла вёл себя не очень-то воспитанно, его поведение граничило с грубостью и чванством. Джентльмен так себя не ведёт.

На террасе появились мисс Бэрил Стэнтон и два гостя мистера Стэнтона — Чарльз Кэмпбелл и Гилберт Морган. Оба они не знали, куда себя девать в ожидании завтрака, при этом Морган тепло пожелал мисс Стэнтон доброго утра, спросил, как ей спалось на новом месте?

Бэрил ответила, что она прекрасно выспалась, но это было ложью. На самом деле, она почти не спала. Злые слова Клэмента накануне вечером больно уязвили её, а красота кухни, с которой они не виделись целую вечность, унизила. Сейчас, беседуя с мистером Морганом, Бэрил поймала его беглый взгляд на мисс Нортон, — и снова расстроилась до того, что на глаза навернулись слёзы.

Однако мистер Морган, мельком разглядывая мисс Нортон, вовсе не восхищался, как думала Бэрил. Он не собирался реализовывать план, возникший в его голове по приезде. Если через неделю появится чёртов Коркоран... Глупо всё. Впрочем, за мисс Бэрил стоило и поухаживать, тем более что тридцать тысяч нужны и Кэмпбеллу. Коркоран на такую и не взглянет. Но Гилберт решил не торопиться: стать женихом мисс Бэрил можно лишь в крайнем случае, а крайние случаи в жизни встречаются нечасто. Они пробудут здесь до конца лета — вот к концу лета он и обременит себя недельным ухаживанием, пока же нужды в этом Морган не видел.

Софи Хэммонд издали увидела Клэмента Стэнтона и вздохнула. Неужели он сразу

собирается досаждать ей своими ухаживаниями? Она взгляделась в лицо подходящего кузена. Какие у него холодные глаза... Ей трудно было поверить, что этот человек вообще может любить. Клэмент робко поприветствовал её. Жестокий и властный, он привык желать — и получать желаемое, но теперь оказался в зависимости от чужой воли, чужих желаний и чужого решения. Он был изнурён и раздражён, поминутно срывался на сестре, злился на свою беспомощность. Как могло получиться, что его столь разумно выстроенная жизнь, в которой все было продумано, вдруг оказалась в зависимости от решения девицы, без которой странным образом всё переставало быть значимым? Почему он всегда глупел в её присутствии и ощущал непонятную робость?

Софи торопливо поднялась навстречу кузену, неосознанно стараясь сократить время пребывания наедине с ним, и пошла к дому, на ходу отвечая на его любезные и несколько путанные вопросы, потом спросила, в каком пансионе училась Бэрил, как успевала? Клэмент растерялся, ненадолго умолк, потом ответил, что, кажется, в пансионе на Портсмен-сквер. В голосе его сквозило отчуждение. Всё, что касалось сестры, было ему неинтересно. Они подошли к террасе в тот момент, когда туда вышли милорд Хэммонд со своим другом, мистером Дораном. Софи поспешила к дяде с дружеским приветствием, тем более радушным, что возможность быть с ним ограждала её от навязчивости кузена.

Стэнтон же, как только уединился на ступенях балюстрады с Чарльзом Кэмпбеллом, задал ему томящий его вопрос о Коркоране, не обратив внимание на Дорана, стоящего за колонной. Как получилось, что в обход им с Гилбертом, законным наследникам, всё получил его кузен? Пытались ли они оспаривать завещание? Ответ приятеля не разрешил сомнений Стэнтона. Чарльз нехотя ответил, что воля покойного была выражена весьма определённо, он имел право распорядиться деньгами по своему усмотрению. Что до самих распоряжений... Чарльз поморщился. Беркли, возможно, рассказывал ему... какой-то скандал с Нортоном... Он не помнил его суть. Также, вероятно, до дяди дошли слухи, что сам он, Кэмпбелл, крупно проигрался. Злился Чедвик и на образ жизни Моргана. Старикам ведь всегда кажется, что молодые должны быть такими же степенными да чинными, как они сами.

Стэнтон удивлённо покосился на приятеля.

— Всего, что ты рассказал, мало для того, чтобы законно лишить наследства.

— Не вынуждай меня к излишней откровенности, Клэмент, — хмыкнул Кэмпбелл. — В обществе поговаривали всякое. Уронили и известный намёк, что наследство Чедвика было платой за определённые услуги, оказанные ему Коркораном, и говорили, что они сродни тем, что добился Никомед Вифинский от Цезаря.

Стэнтон окинул друга потрясённым взглядом.

— Что? Ты хочешь сказать, что мой кузен... — Он понизил голос до шёпота, — что Коркоран — мужеложник и переспал с Чедвиком? Что за бред?!

— Возможно и бред. Но лорд Чедвик всю жизнь жил один, никогда не был женат, Коркоран тоже известен... некоторым пренебрежением к женскому полу. Вспомни возвращённые любовные письма девиц, в свете он сразу плюхается за стол к старичью и часами обсуждает события давно минувших дней, последний раз он два часа спорил с Бервиком — и о чём бы ты думал? — о крестовых походах! Что ему за дело до крестовых походов, помилуй? Ни об одном его романе с дамами высшего света не слышно, а ты знаешь, если бы что было — мимо кумушек бы не прошло. Девицы, маменьки да сводни давно махнули на него рукой.

Стэнтон сплюнул, но задумался. Красота брата была притчей во языцех, и кто знает... Если это правда, он хорошо себя продал, чёрт возьми. Двести тысяч фунтов! Да, за такие деньги утрата чести и растленное седалище — цена небольшая. Кузен не промах. Но правда ли это? Этими сомнениями Стэнтон тоже поделился с приятелем.

Тот пожал плечами.

— Я говорю лишь о том, что слышал.

Мисс Розали Морган, появившаяся на террасе последней, села рядом с мисс Нортон, с которой до приезда в Хэммондсхолл знакома не была. Девуцы разговорились. Они узнали о пансионах, в которых воспитывались, заговорили о своих братьях, поделились впечатлениями о прекрасном имении, в котором довелось гостить.

— Подумать только, какое поместье! Мы не так давно были с братом в гостях у мистера Метьюза, так его дом — просто жалкий сарай в сравнении с этим дворцом. Во что же обходится содержание такого дома? Правда ли, что всё это достанется молодому Стэнтону? Вот повезёт-то! — болтовня Розали несколько шокировала мисс Нортон. Её мысли были сходными, но она никогда не высказала бы их вслух.

Наконец из гостиной раздался гонг, и все направились в столовую.

Во время завтрака произошло одно мелкое, но весьма странное событие. Мистер Нортон, пододвигая сестре стул, случайно задел локтем на комодке небольшую деревянную шкатулку морёного дуба, вещь, судя по всему, весьма ветхую, хранившуюся в семье не одно поколение. Крышка шкатулки распахнулась, и оказалось, что она таит в себе музыкальный механизм. Мистер Нортон хотел было осторожно закрыть крышку, но в изумлении отдёргнул руку: в механизме вдруг что-то визгливо и пронзительно скрипнуло, но почти сразу оттуда донеслась мелодия — шекспировская, слова которой каждый знал с детства:

«Схороните меня в стороне
От больших проезжих дорог,
Чтобы друг не пришёл ко мне
И оплакать меня не мог,
Чтобы, к бедной могиле моей
склонённый,
не вздыхал, не рыдал
влюблённый...»

Все переглянулись. Более же всех был изумлён хозяин Хэммондсхолла. Он покосился на своего друга, и мистер Доран ответил столь же ошеломлённым взглядом. Музыкальная шкатулка стояла на комодке ещё при отце милорда, считалась семейной реликвией, горничные стирали с неё пыль, но при этом она никогда не издавала никаких звуков, будучи сломанной со времён короля Георга. Патрик Доран иногда забавлялся ремонтом старых часовых механизмов и пытался починить её, но безуспешно. И вот вдруг... Не менее удивительной была и мелодия. Отец милорда Лайонелла говорил, что она раньше играла известную песенку о двух влюблённых, сонет Шекспира, но об этой балладе никогда не говорил.

После завтрака они вдвоём рассмотрели шкатулку — и преисполнились новым удивлением. Механизм снова не издавал ни звука.

Этот первый день в Хэммондсхолле тянулся долго. Мужчины затеяли партию в вист, но потом последовало предложение мистера Хэммонда после обеда воспользоваться прекрасной погодой и совершить небольшую прогулку к Ближнему выгону, к руинам Старого аббатства.

Все согласились, ибо всё равно никто не знал, чем заняться.

Глава 4. «... За его тощий зад ему никто и фунта не заплатит...»

Увы, путешествие не внесло гармонии в общую гнетущую и совсем не праздничную атмосферу. Мистер Стэнтон по-прежнему не сводил болезненного, нервного взгляда с кухни, мисс Розали Морган провожала раздражённым взглядом его самого, а после, заметив усилия мисс Нортон понравиться Стэнтону, начала и на неё смотреть как на врага, не пытаясь скрыть возникшую антипатию.

Мистер Чарльз Кэмпбелл и мистер Гилберт Морган, поднявшись по уцелевшим каменным ступеням, которые когда-то, должно быть, вели на хоры старого храма, остановились на возвышении, вдали от остальных. Они не заметили, что мистер Доран поднялся наверх за несколько минут до них и теперь озирает окрестности с другой стороны разрушенной церковной стены. Что до священника, то надо сказать, что, если на балюстраде Доран слышал разговор Стэнтона с его другом абсолютно случайно, то теперь он, выполняя обещание, данное милорду, сам пытался понять людей, окружавших племянника графа.

— Ну, что скажешь о твоей предполагаемой невесте, Кэмпбелл? Ты намерен породниться со Стэнтоном?

Чарльз с угрюмым лицом присел на каменный выступ, оставшийся от алтаря. Вопрос Моргана заставил его поморщиться.

— Я ожидал чего-то более привлекательного. Даже приодеться не может. Грудь, правда, ничего и фигуркой вышла. А что? Она приглянулась тебе, Гилберт?

Гилберт Морган задумчиво пожевал губами, но ничего не ответил приятелю.

— А, понимаю... Сэр Мэтью, говорят, собрался жениться... Что ж, стоять на твоём пути к счастью я не намерен.

— Брось свои шутки, Чарльз. Мне казалось, твои долги вопиют об оплате.

— Вопиют, — согласился мистер Кэмпбелл, — ещё как вопиют. Ну и пусть вопиют. Когда припечёт — тогда и посватаюсь. Но утруждать себя ухаживаниями? Но какова новость... — он бросил сумрачный взгляд на Моргана, — я о Коркоране.

Морган с досадой кивнул.

— Да, черт возьми. Я был уверен, что он в Италии.

— Я тоже. А кстати, с чего этот... сын сэра Алана... с таким придыханием говорит о чёртовом красавце?

— Мне помнится, в клубе говорили, что склонности у него.... не из чистых.

— Господи... ты намекаешь, что он... влюбился в Коркорана? — Глаза мистера Кэмпбелла расширились.

Морган смерил его насмешливым взглядом:

— Ты считаешь, что это невозможно?

Кэмпбелл тоже бросил на приятеля внимательный взгляд и неожиданно хихикнул.

— Представляю, что будет... — глаза его снова блеснули недобрым огнём.

— В случае с Гилмором тоже, казалось, можно было всё представить... а, между тем, что вышло? А Чедвик? А Барнет? Непредсказуемая гадина этот Коркоран.

— И всегда, заметь — на белом коне и в белом кардигане. Тварь. Помяни моё слово — он и Хэммондсхолл приберёт к рукам. За этим и приедет. И не промахнётся.

— Я никак не могу понять — он знает или нет?

— После похорон он выглядел достаточно ошеломлённым. Впрочем, этот дурачок Нортон прав — этому дьяволу и сыграть ничего не стоило. Надо отдать ему должное — артист он превосходный. Кстати, Стэнтон расспрашивал меня сегодня о завещании Чедвика. — Он поймал внимательный взгляд приятеля, — я сказал, что он был недоволен моим проигрышем и твоим образом жизни. Ну, и добавил... насчёт любовной связи между Чедвиком и Коркораном.

— И что Стэнтон?

— Мне показалось — он позавидовал кузену. За такие деньги он согласился бы и не на такое.

Морган презрительно усмехнулся.

— Но едва ли получится. За его тощий зад ему никто и фунта не заплатит.

Оба замолчали. Между тем глаза Чарльза Кэмпбелла остановились на мисс Софи Хэммонд.

— Эта младшенькая кузина не в пример смазливей старшей. Сколько за ней?

— Как я понял Стэнтон, пока ничего, но дядя приданое даст немалое. Но Клэмент, как я вижу, семейное достояние не отдаст никому. Тут на пути не становись. Стэнтон в подмётки не годится Коркорану, но если его разозлить...

— Не сказал бы, что в груди девицы пылает страсть к нему, — бросил, скрывая разочарование, Кэмпбелл. Стало быть, приволокнуться за хорошенькой кузиной Стэнтон нечего и думать. — Я-то думал завести интрижку. Ничего не скажешь, он умно ограничил наш выбор. Жалкие десять тысяч мисс Нортон плюс родство с её братцем-выродком, или тридцать тысяч за его Бэрил — это твой выбор. Мой выбор шире — я могу жениться ещё и на твоей сестрице.

Морган ничуть не обиделся.

— Я видел твою рожу, когда ты вылезал из кареты, — он усмехнулся. — Розали — дура от рождения, образование и воспитание, боюсь, лишь усугубили её глупость до дремучести. Ну, да ничего. Если бы дураки не размножались, мир состоял бы из весьма умных людей, но раз глупцы в мире преобладают — жених для Розали найдётся.

— Побереги её от Коркорана.

— Она способна довести нормального мужчину до белого каления за четверть часа. Коркорана же... впрочем, вот уж кого жалко не будет. Что до твоих планов насчёт этой Софи — не будь идиотом.

— Ты считаешь, девица добродетельна, как Лукреция?

— Добродетельна скорее её сестрица Бэрил — ибо на её добродетель никто не покушался. Но каковы бы не были твои успехи в покорении сердца мисс Хэммонд — ты поссоришься со Стэнтоном, а когда приедет Коркоран — девица даст тебе от ворот поворот. Глупо и затеваться. Куда ни кинь — везде клин. Пользуйся тем, что здесь нет твоих кредиторов.

В это время вся компания, до этого осматривавшая развалины храма, тоже поднялась по ступеням на хоры, и мужчины умолкли. Мисс Розали восторженно что-то пробормотала о красоте руин, мисс Стэнтон спокойно озидала с высоты окрестности, мисс Нортон слушала предположения брата о времени постройки храма, мисс Хэммонд держала под руку дядю и рассказывала ему о лондонских светских новостях. Пребывание с дядей давало ей возможность держаться подальше от кузена.

Именно здесь мисс Бэрил впервые заметила внимание брата к кузине. Его поведение

сначала изумило её, потом заставило внимательно присмотреться к Клэменту. Таким она не видела его никогда. Вскоре она поняла, что её брат равнодушен с мисс Хэммонд. Это открытие не задело её, скорее удивило, но приглядевшись пристальнее к кухне, она поняла, что чувства брата Софи отнюдь не поощряет. Но кто бы подумал, что Клэмент способен влюбиться?

Когда все оказались наверху, Доран незаметно присоединился к милорду Лайонеллу. Тот, хорошо зная друга, по лицу его заметил, что Патрик чем-то расстроен, но счёл, что они смогут более доверительно переговорить друг с другом позже. Сам же Патрик Доран отстранённым и делано небрежным взглядом озирает друзей мистера Стэнтон. Иногда посматривал и на Нортон. Услышанный разговор огорчил, но не удивил его, лишь подтвердив его собственные наблюдения. Правда ли то, что сказано о Коркоране? Два содомита в Хэммондсхолле — это, воля ваша, будет несколько чересчур.

Граф рассказывал своим гостям о местных достопримечательностях, о знаменитых пещерах Мендипской гряды, которые были заселены ещё во время стародавние, про кости, найденные в пещере Гофа в Чеддерском ущелье. Там же был раскопан и самый древний скелет в королевстве, а в пещере Эвелайнс-Хол обнаружены наскальные рисунки. Некоторые пещеры — например, Вуки-Хол — используются и сейчас: здесь вызревает знаменитый сыр «чеддер». По всему Сомерсетширу возведено множество кромлехов, один из самых известных — около Стэнтон-Дрю. Примечателен и кельтский храм богини Сулис в Бате, позднее его использовали римляне, посвятив Минерве.

Лекцию графа с интересом слушала только мисс Стэнтон. Доран видел, что всех остальных местные достопримечательности ничуть не заинтересовали, Софи Хэммонд с тоской глядела на закат, мисс Нортон болтала с братом, джентльмены в стороне курили.

По возвращении в Хэммондсхолл, под вечер, после ужина, милорд Хэммонд и Доран уединились в бильярдной. Доран не стал передавать милорду то, что довелось услышать, но твёрдо сказал, что от мистера Нортон желательно в ближайшие дни избавиться. О времени лучше всего говорят слова, которые в оные времена являются непроизносимыми. Тему содомии викторианцы считали бесконечно грязной, называли её мерзостью — *abomination*, и к тем, кого именовали *inverts*, относились крайне неприязненно — от шушуканья за спиной до открытой агрессии. Мистер Нортон не мог быть желанным гостем в Хэммондсхолле. Доран уронил ключевое слово, не распространяясь о подробностях. Граф изумлённо взглянул на друга, опустил глаза, вспоминая застольный разговор, удивившую его самого восторженность мистера Нортон в речах о мистере Коркоране, и покраснел от гнева и отвращения.

О подозрениях насчёт Коркорана Доран ничего не сказал, предпочитая не выносить заключений об отсутствующих, но заметил, что в равной степени было бы желательно избавиться и от друзей мистера Стэнтон, но по совсем другим причинам. Циничная расчётливость господ Моргана и Кэмпбелла не шла, разумеется, ни в какое сравнение с содомией, но мисс Софи показалась Дорану весьма милой особой, и держать рядом с ней подобных людей было бы неосмотрительно.

Граф, выслушав его аргументы, помрачнел и развёл руками. Пригласить проще, чем выгнать. К тому же — это гости его племянников и племянниц. Если подобные люди у них в друзьях — это как минимум свидетельство их неразборчивости, о максимуме же не хотелось и думать.

...Последующие три дня прошли почти также, как и первый. Мистер Нортон почти не выходил из своей комнаты, а мисс Нортон и мисс Морган не оставляли попыток понравиться наследнику Хэммондсхолла, зло косясь одна на другую. Мисс Хэммонд всячески избегала своего кузена, мисс Стэнтон молча опускала глаза, когда братец, раздражённый поведением мисс Софи, выказывал своё недовольство её внешностью и манерами.

При этом мисс Стэнтон объединяла остальных девиц в презрительном неприятии. До Дорана поминутно долетала девичья болтовня, похожая на назойливое жужжание докучливых мух. Это просто ужасно! Более жутких платьев и придумать нельзя! Словно монастырка. И она ещё говорит, что закончила пансион! Интересно, какой? В любом столичном пансионе обучат пению и танцам, дадут рекомендации насчёт умения одеваться, утончённых манер и благовоспитанности. Мисс Нортон научилась там танцевать и петь, играть на спинете, узнала о японской росписи стекла, а также выучилась приготовлению паштетов, соусов, сладостей и вообще узнала много изысканного и модного. С ней была полностью согласна и мисс Морган. Им в пансионе преподавали вокал, учили танцевать все самые современные танцы, а уж если кто-нибудь из них появился бы в таком платье, как на мисс Стэнтон, её бы подняли на смех! Софи дипломатично умеряла их возмущение. Не каждую девицу Бог одарил красотой, тут ничего не поделаешь, но помилуйте, что за причёска, что за наряд? Неужели нельзя снять выкройку с модного платья? Почему она никогда не носит украшений?

— Мисс Бэрил, — окликнула наконец сестру Клэмента мисс Эстер, — а какой пансион вы закончили?

Та вздохнула и тихо ответила, что это был пансион миссис Линдон. Это рассмешило Софи. Она много слышала о нём.

— Говорят, миссис Линдон обучала не только тому, что «соответствовало способностям леди», но и латыни, французскому, греческому, итальянскому языкам, а для девушек, желавших продолжить образование, преподавали астрономию, географию, историю и арифметику. Вы, наверное, все это изучали?

Бэрил кивнула, скрыв вздох. Она понимала, что над ней смеются, но не хотела ссор.

— А как же музыка?

Мисс Стэнтон снова сдержанно ответила, что пансионе имелся собственный оркестр из скрипок и виол, которым руководила дочь хозяйки — Сюзанна, прекрасная скрипачка. Музыка и вокалу уделялось много внимания.

Доран не любил пансионы, хотя часто представлял мистера Хэммонда в пансионе миссис Филлипс в Гластонбери, где тот был попечителем. Воспитанницы пансиона проводили время в праздности и безделье, ухаживали лишь за руками и волосами, не расставались целый день с ватрушками и томились от отсутствия мужчин. Когда же они выросли, то оказывалось, что их головы заполнены такой чепухой об ухаживании и любви, что поневоле приходилось удивляться, как это они, едва выйдя из пансиона, не сбегали с первым встречным молодым человеком. Он знал, что девица, воспитанная среди таких разговоров, была беззащитна перед любым роскошным смокингом, её могли погубить пара замшевых перчаток с лорнетом. Атласные манжеты и трости, золотые галуны и прочая мишура влекут и пленяют женщин, некрепких разумом и не получивших должного воспитания, и воистину, при таком образовании для женщин половине джентльменов суждено либо остаться холостыми, либо жениться на глупых жеманницах и кокетках,

картёжницах и интриганках, великосветских лентяйках и просто пустых болтушках.

— А вы видели платье леди Бервик на балу у мистера Тилни? — неожиданно вспомнила, зажмурившись от восторга, мисс Морган. — Боже мой! Поверх кринолина шёл вышитый серебряными нитями меандровый узор, он же повторялся на рукавах «а ля мамелюк» и в краях лифа, и даже фаншон был в том же стиле!

— О, да, она была бесподобна. А новый фрак без фалд у мистера Олдингтона? — подхватила мисс Нортон. — А вам понравилось, мисс Стэнтон?

Мисс Бэрил ответила, что не была на вечере у мистера Тилни — она тогда простудилась. На самом деле брат предпочитал не показываться с ней в свете, считая, что она позорит его. Клэмент и в тот раз не взял её с собой, никак это не объяснив. Софи сочла нужным выразить ей сочувствие — главным образом для того, чтобы продемонстрировать благовоспитанность и милосердие, — в последнем бедная дурнушка весьма нуждалась.

— Как жаль, что вы заболели, вы пропустили незабываемый вечер, о нём говорили после две недели! Там был и знаменитый писатель, мистер Альфред Теннисон, он пользовался большим успехом у дам. Вы его знаете?

Мисс Бэрил кивнула.

— Да, двухтомник его «Стихотворений» у меня есть. В этом году он опубликовал «Королевские идиллии» — на темы средневековых сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Они музыкальны и живописны. Я не удивляюсь его популярности. А как он выглядит? — поинтересовалась мисс Бэрил у Софи.

— Ну, — чуть растерялась та. — Длинные волосы, небольшая борода, красивые глаза. Он кажется истинным джентльменом, но он совсем старик, ему уже за пятьдесят. А вы, что, много читаете?

Мисс Стэнтон пожала плечами и ответила утвердительно. Чтение — прекрасный досуг, оно развивает ум, даёт понимание многих вещей и знания.

— Женщина заслуживает уважения не из-за своих знаний, а в силу достойного поведения, — этой невесте где услышанной максимой мисс Софи закончила, а, точнее, оборвала разговор, который уже начал утомлять её.

Патрик Доран удивлённо покосился на мисс Хэммонд. На его взгляд, мисс Стэнтон ни в коей мере не заслуживала упрёков подобного рода. Сама она относилась к насмешкам сестры и девиц спокойно, с достоинством и смирением. Священник видел теперь, что девушка вовсе не горделива, как ему сперва показалось. Молчаливая отстранённость скрывала не высокомерие, но кроткую душу, скромность и нрав безмятежный, почти ангельский — иначе как можно было спокойно переносить оскорбительные выпады брата и колкости кузины с её подругами?

Вскоре он обнаружил, что Бэрил склонна к уединению и действительно много читает, облюбовав для себя зал библиотеки, где было тихо и куда остальные девушки никогда не заглядывали. При этом ему, опытному музыканту, показалось, что она не любит музыки. В один из вечеров по просьбе мистера Хэммонда устроили концерт, и у гостей Хэммондсхолла была возможность показать свои дарования. Но мистер Нортон постоянно фальшивил, просто мучая рояль, не блистал и мистер Стэнтон, как ни хотел понравиться кузине. Мистер Морган и мистер Кэмпбелл талантами одарены не были. Мисс Морган тоже попыталась спеть, напомнив Дорану своими руладами попавшую в дымоход кошку, мисс же Нортон сыграла несколько фортепианных этюдов, но бродвудовский рояль милорда Хэммонда, всегда прекрасно настроенный, издавал под её пальчиками звуки просто

неблагопристойные. Клэмент стал умолять спеть мисс Софи, но и её исполнение, несмотря на восторженные похвалы мистера Стэнтон, показалось Дорану не особенно мастерским, хотя красота и обаяние певицы сглаживали огрехи исполнения. Но, в каком бы пансионе мисс Хэммонд не учили петь, подумал Доран, её вокализы чести этому учебному заведению не делали.

Мисс Стэнтон вышла на балкон, прижимая пальцы к вискам, тихо жалуясь на нестерпимую боль. Мистер Хэммонд тоже был разочарован. Когда же мисс Морган предложила спеть с Софи дуэтом, его сиятельство пожаловался на сердцебиение и слабость и удалился, проведя вечер с томиком Вальтера Скотта.

Глава 5. «Иосиф же был красив станом и красив лицом...»

На четвёртый день пребывания гостей в поместье было решено отправиться на пикник. Доран же накануне вечером направился в свой приход — по делам. Возвратился он в опустевший Хэммондсхолл около полудня, узнав у лакея, что милорд с гостями ещё не вернулся. Поднялся по ступеням и в изумлении остановился у входа. Из гостиной ползли, точно огненные змейки, странные звуки.

Доран, вслушавшись, понял, что звучит четырёхтактная скрипичная мелодия, в которой звуки языков пламени танцевали в четырёх стихиях, *misterioso*, *spirituoso agitato*, *imperioso*, *con calore* волнуя воздух, испаряя воду и выжигая землю, вовлекая слушавшего в дикий пламенный хоровод сильфид и эльфов, в пляску кобольдов и домовых, затягивая его в тёмные бездны адских гротов и провалы ущелий чистилища. Гамельнский крысолов заманивал в озеро крыс, злая ведьма путала следы у развилки дорог, чёрный колдун творил заклинания. Резкий аккорд оборвал мелодию, но мгновение спустя снова звуки потекли снова. Теперь высокий чистый звук *grazioso* имитировал хорал, но голос скрипки был одинок, горестен и надрывен. Мелодия *religioso e quieto* перешла в горестное *lagrimoso* — и затихла. Вопль души тщетно взывал к Небу.

Мастерство рук, творящих это, поражало. Мелодия не смолкла, но плавно перетекла вдруг во что-то серое, обыденное и многократно обыгранное, кажется, в старинный контрданс, бесконечный и механический, словно звучащий из заведённой музыкальной шкатулки. Теперь казалось, что скрипач просто пробует скрипку, прислушиваясь к звучанию.

Доран вошёл в холл и, миновав его, заглянул в гостиную.

Около стола, опустив на пол саквояж и задумчиво извлекая из струн оставленной накануне на комод мистером Стэнтоном скрипки эти поразительные звуки, стоял молодой человек. «Иосиф же был красив станом и красив лицом...» Лапидарная в своей простоте библейская фраза безотчётно всплыла в мозгу Дорана.

Бледная матовость лица молодого мужчины усиливалась чёрными волосами и столь же чёрными глазами, огромными и словно полусонными, чья величина усугублялась изящным абрисом тяжёлых век и плавным изгибом тёмных бровей. Мягко очерченные губы и тонкий благородный профиль сказали Дорану, что это Кристиан Коркоран. Священник согласился, что уж на этот счёт его не обманули: приезжий обладал необычайно утончённой, тревожащей душу и изумляющей красотой, причём красотой, не допускавшей разноречивых мнений и споров. Но Доран изумился ещё больше, заметив руки гостя Хэммондсхолла, державшие скрипку. Такие руки он видел лишь однажды, на храмовой росписи старой итальянской часовни в Беневенто, то были руки ангела предрассветной грёзы, ускользающей и невозвратной. Пальцы, бледные и гладкие, венчались ониксовыми ногтями, запястья, точно выточенные из слоновой кости, казались излишне утончёнными для мужчины.

Между тем гость заметил мистера Дорана, опустил скрипку на стол и поздоровался.

— Я — Кристиан Коркоран, сэр. Меня едва ли ждут здесь раньше вторника, но я приехал раньше.

Священник кивнул.

— Милорд Хэммонд получил ваше письмо и с нетерпением ждёт вас, мистер Коркоран.

Я местный священник, меня зовут Патрик Доран.

— Рад познакомиться с вами, сэр. — Коркоран улыбнулся. — Все остальные уже здесь, не так ли?

— Уже четыре дня. Все утром уехали на пикник, но к обеду вернутся. А вы, как я понимаю, музыкант, скрипач?

Этот вопрос, казалось, застал Коркорана врасплох. Он удивился, но неторопливо проговорил:

— Нет, что вы. Скрипач, овладевший скрипкой, обычно мнит себя Паганини, но бывает просто насильником. Скрипка не терпит власти над собой, и только истинному исполнителю отдаётся с любовью. Там же, где нет любви — нет и искусства. Мне она... просто подчиняется. — Он грустно окинул глазами смычок, и оживлённо продолжил, — в Италии мне доводилось встречать довольно редкие и ценные инструменты. Этот, увы, к ним не принадлежит. Однако маэстро мог бы и из скверного инструмента извлечь звуки гармонии, но в моих руках даже творения великого Амати скрипели бы, как несмазанные телеги.

Доран внимательно взгляделся в это лицо, пытаясь понять, разыгрывает ли мастер показную скромность или подлинно склонен себя недооценивать? Но лицо мистера Коркорана было непроницаемо и спокойно.

— А чем вы занимаетесь, сэр?

— О... — Коркоран обаятельно и беспечно улыбнулся, — наукой, но совершенно безуспешно. Учёный из меня, боюсь, такой же, как скрипач.

Звучало это двусмысленно. Однако Доран, несмотря на то, что Коркоран весьма заинтересовал его, счёл дальнейшие расспросы навязчивыми и предложил проводить гостя в выделенные ему апартаменты. Тот любезно кивнул, не дожидаясь лакеев, подхватил свой саквояж и двинулся следом. Но едва они успели подняться на несколько ступеней боковой лестницы, как двери холла распахнулись и появились вернувшиеся с пикника.

Первым племянника заметил милорд Хэммонд, восторженно всплеснувший руками. Доран неосознанно чуть отодвинулся от приехавшего, спустился на ступень и отошёл к перилам. Но и отсюда он не мог не заметить впечатления, произведённого вновь прибывшим. Стивен Нортон оперся спиной о колонну и смотрел на мистера Коркорана остановившимся взглядом, раболопным и потерянным. Странно напрягся и Морган, став словно меньше ростом и потерявшись. Чарльз Кэмпбелл сразу показался усталым и обречённым, между тем как Клэмент Стэнтон смотрел на брата с плохо скрытой неприязнью, почти злостью. Остолбеневшая мисс Розали Морган озидала мистера Коркорана с глупой изумлённой улыбкой, мисс Хетти Нортон замерла с полуоткрытым ртом, мисс Софи Хэммонд, казалось, не могла понять, не ангельское ли это видение. Мисс Стэнтон, не спуская с кузена взгляда, закусила губу и о чём-то задумалась.

Сам он помедлил несколько мгновений, оглядывая вошедших, потом неторопливо спустился к дяде и оказался в его объятиях, затем ровно и спокойно поздоровался с кузеном, бесстрастно поклонился мистеру Кэмпбеллу, мистеру Моргану и мистеру Нортону, наклонив голову едва ли на дюйм. Доран, оставаясь на ступенях парадной лестницы, заметил теперь его стройность и прекрасную осанку, Коркоран был немного выше других мужчин, и взгляд его, обращённый на друзей мистера Стэнтона, отразил некоторое высокомерие. Впрочем, это могла быть и игра света. Коркоран попросил милорда Лайонелла представить его своим очаровательным гостям. Столь же мило улыбаясь, поклонился каждой, с особой теплотой

приветствуя кузин — Софи и Бэрил, назвав их «дорогими сёстрами».

Тут милорд Хэммонд спохватился, что гость устал с дороги и должен успеть переодеться к обеду. Доран вторично выразил готовность проводить мистера Коркорана в его комнаты. После того, как они удалились, никто в холле не произнёс ни слова, все молча разошлись по своим гостиным.

За обеденным столом вначале говорили только хозяин дома, его друг-священник и мистер Коркоран, рассказавший об Италии, о своих путешествиях, о нескольких работах, опубликованных им в научных журналах и получивших неплохие отклики. Внимательно выслушав племянника, милорд осторожно поинтересовался:

— В обществе ходили слухи, что ты перешёл в католицизм.

Племянник безучастно улыбнулся.

— Глупые клубные сплетни, милорд. Нужно же людям о чём-то говорить. Вас видят в новом смокинге — и говорят, что вы ударились в модничанье, если у вас в руках книга, разъясняющая некоторые католические доктрины — ждите сплетни, что вы ударились в католицизм. Я сломал мундштук трубки, отдал отремонтировать, потом подумал — и купил новую. Но мастер починил старую. Увидев у меня в руках две трубки — распустили слух, что я «ударился в коллекционирование». Ни во что я не ударялся, дядюшка.

— Ну, а каковы твои планы? — милорд Лайонелл не сводил с племянника восторженного и влюблённого взгляда.

Кристиан снова улыбнулся.

— Меня особо предостерегали от путей армейских и семейных. Был бы призван Господом — предпочёл бы церковь. А так, если хватит ума и таланта, посвящу себя науке. — Он помолчал, потом продолжил, — на путях, не требующих одиночества и созерцания, я небезопасен. — С лица Коркорана исчезла улыбка, он был серьёзен и, казалось, высказывал убеждение.

Дальнейший разговор ещё больше удивил Дорана. Коркоран поинтересовался, не продал ли, упаси Бог, дядя свой лес за Лысым Уступом? Все уголья целы? Мистер Хэммонд заверил его, что все триста акров лесов по-прежнему в его полной и нераздельной собственности, правда, ему не хватает ни сил, ни людей навести там порядок, убрать бурелом, прореживать лес тоже некому. А уж Чёртова топь...

Милорд Лайонелл безнадёжно махнул рукой, лицо же Коркорана при словах дяди озарилось ангельской улыбкой.

— Ваши леса — сокровище. Завтра с утра я прогуляюсь там.

При этих словах лицо Клэмента Стэнтон, и без того недоброжелательное, налилось гневом, леса сегодня в особой цене, однако он ничего не сказал. Мистер же Коркоран поинтересовался состоянием крохотного подвальчика под боковой лестницей. Там раньше хранился садовый инвентарь. Дядя не будет возражать, если он на время своего визита воспользуется этим помещением для сушки растений и дистилляции масел? Милорд Хэммонд ничуть не возражал и тут же дал домоправителю указание снабдить племянника всеми нужными ключами.

Мужчины за столом были хмуры и подавлены. Девицы же — все четыре — смотрели теперь, не отводя глаз, только на одного Коркорана, и Стэнтон, замечая очарованный взгляд мисс Софи, устремлённый на её кузена, мрачнел ещё больше.

При этом было заметно, что внешность мистера Коркорана, хоть и вызвала

единодушный восторг девиц, однако несла в себе нечто сдерживающее и подавляющее. К этому человеку почему-то невозможно было обратиться с излишней фамильярностью, как немыслимо было прикоснуться к нему, и даже просто смотреть на него не отрываясь девицам было трудно — и они невольно то и дело опускали глаза или отводили их в сторону. Но колдовское и завораживающее обаяние, почти животный магнетизм этого мужчины тут же заставляли их снова и снова бросать на него изумлённые и восторженные взгляды — и снова опускать глаза.

Доран не мог, тем не менее, не заметить, что младший племянник милорда Лайонелла нисколько не стремится быть любезным ни с кузинами, ни с их гостями и, порой из вежливости задавая вопросы, даже не пытается выглядеть заинтересованным сбивчивыми и взволнованными ответами. В нём, несмотря на красоту, проступала странная суровость, твёрдость жестов, он нисколько не хотел нравиться и подстраиваться под чьё-то мнение, и соглашался с каким-либо высказыванием только тогда, когда сам считал его правильным. Он ни разу не обронил ни одного комплимента, избегал галантных оборотов, вместо «я имел счастье познакомиться» говорил «я знаком», вместо «мне представилось удовольствие знать» говорил «я знаю», если же ему доводилось ронять нечто салонное, тон его был ироничен и насмешлив.

При этом Доран, помня высказанное мистером Кэмпбеллом обвинение, внимательно приглядывался к племяннику графа. В поведении мистера Коркорана не было ничего, кроме рафинированной красоты, что наталкивало бы на мысль об abomination, — но это, воля ваша, не доказательство. Доран обратил внимание и на того гостя Хэммондсхолла, обвинения в адрес которого сомнений не вызывали. Мистер Нортон, впервые казавшийся по-настоящему оживлённым, то и дело вступал в беседу с приезжим, восторгался им, до небес расхвалил последнюю постановку любительского спектакля в клубе, где мистер Коркоран сыграл Гамлета, ронял восхищённые комплименты, с удивительным постоянством не замечавшиеся Коркораном. Боже, какая была постановка! Ведь ему аплодировали стоя! Об этом спектакле разговоры не смолкали несколько месяцев!

Коркоран не принял и этой похвалы.

— Образ Гамлета столь многогранен, Нортон, что ни один актёр, кажется, не сумел ещё провалить эту роль. Прекрасное исполнение — явление редкое, но хорошее — нечто само собой разумеющееся. Где может сплеховать актёр — его неизменно вытащит гений Шекспира. Даже очевидный просчёт в этой роли может стать находкой.

— Вы увлекаетесь сценой, мистер Коркоран? — тихо спросил Доран.

— Я? — изумился гость, — ничуть не бывало. Театром увлекался мой друг и благодетель — милорд Чедвик, — мистер Коркоран мягко и тепло улыбнулся, — он и просил меня сыграть с ним. Это была моя первая и последняя роль на сцене. Я видел, что Чедвик вдохновлялся, сцена бодрила его и оживляла, я же, кроме скуки и нерешительности, вызванной моей сценической неопытностью, на репетициях ничего не испытывал. Видимо, именно эта скованность и придала моему исполнению нечто своеобразное.

— Как вы... как вы можете так говорить! Я имел счастье быть на премьере. Я не спал после ночь. — Взгляд мистера Нортон был восторжен и экстатичен. Так верующие смотрят на лик божества. — И ведь знаток сцены, лорд Биллинхэм, сказал, что вы были просто великолепны и ничего подобного он никогда не видел, а он видел самого Эдмунда Кина!

Коркоран только рассмеялся, но было заметно, что восторги мистера Нортон его несколько утомляют.

— Вы так наивны, Стивен. Кто же принимает за чистую монету комплименты? Умные женщины по комплиментам делают вывод об уме поклонника, глупые — о самих себе, но мужчина вообще должен пропускать хвалы и хулы мимо ушей.

— Но как можно? У вас такое дарование!

Глаза Коркорана поскущнели.

— Вздор это все, Нортон. Помните, во второй сцене третьего акта? Приезд актёрской труппы. «Взор увлажнён, надломлен голос, а все из-за чего? Из-за Гекубы! Что ему Гекуба, что он Гекубе, чтоб о ней рыдать?» — недоумённо процитировал мистер Коркоран. — Актёрское ремесло именно этим и ущербно, Нортон. Не хочу я рыдать из-за Гекубы. Она — фантом пустого воображения.

Доран невольно вздрогнул. Мастерство сыгранного отрывка было безупречно, интонация уловлена безукоризненно, и священник понял, что восторги мистера Нортон имеют под собой весомое основание. Какое бы истинное смирение не было бы присуще мистеру Коркорану или какую бы деланную скромность не разыгрывал этот человек, он был Артистом. Доран подумал также, что следует весьма осторожно относиться к любым словам мистера Коркорана: искренность такого виртуоза сцены вызывала большие сомнения...

Актёрское дарование приезжего ощутили и остальные. Мисс Нортон озирала молодого красавца взглядом, не менее пылким, чем взгляд брата, восторг промелькнул и в глазах мисс Хэммонд, мисс Морган смотрела на мистера Коркорана с полуоткрытым ртом, и только мисс Стэнтон была угрюма и не поднимала глаз от тарелки. Мистер же Морган и мистер Кэмпбелл не только не разделяли общего восторга, но и не принимали в разговоре никакого участия.

Тем не менее, приезд младшего племянника милорда Хэммонда преобразил общество. Исчезла та скука, что отравляла первые дни, были забыты сплин и дурное настроение. Девицы выглядели странно оживлёнными, их жесты приобрели удивительную лёгкость, глаза засияли, на щеках мисс Морган появились кокетливые ямочки, взволнована была и мисс Нортон. Младший кузен не обманул и ожиданий и мисс Софи Хэммонд, напротив, его внешность и дарования произвели на неё самое чарующее впечатление. Она никогда не видела мужчины, настолько привлекательного, талантливого и умного. Все остальные просто поблекли и потускнели рядом с ним. Она поняла, что это и есть её принц.

На старшую кузину её двоюродный брат произвёл угнетающее впечатление, томящее безысходностью и грустью. Бэрил понимала, что ей глупо и мечтать о таком мужчине. Одновременно, оглядывая его исподлобья во время обеда, она не могла не понять и основательности опасений Клэмента. Красота кузена была удивительной, демонической и дерзкой, дядя, похоже, забыл их всех, глядя на племянника с таким восторгом, что имя будущего наследника Хэммондсхолла казалось определённым и ясным. В лучшем случае они могут рассчитывать на небольшой пай семейного капитала, племянник — не сын, старшинство Клэмента не поможет ему, всё будет зависеть от выбора самого милорда Лайонелла.

Эти мысли не радовали мисс Бэрил, но, подмечая раздражённый и нервный взгляд Стэнтона на мисс Софи, которая откровенно любовалась мистером Коркораном, мисс Стэнтон ненадолго ощутила некое злорадное удовлетворение. Братцу, не привыкшему считаться ни с чьими чувствами, будет полезно понять, каково это — когда плюют на твои. Впрочем, это чувство было мимолётным, и спустя минуту мисс Бэрил уже пожалела Клэмента. Сравнения с мистером Коркораном ему не выдержать, а значит, мечты брата о

браке с мисс Софи будут тщетными. А это, в свою очередь, означало, что своё раздражение он снова сорвёт на ней.

Мисс Бэрил вздохнула.

Глава 6. «Что мне эта квинтэссенция праха?»

На следующее утро мисс Софи поднялась чуть свет. Её наполняло ликование, и она сразу поняла, что тому причиной. Хэммондсхолл больше не был пустым. Мир тоже был полон, гармоничен и прекрасен. В нём появился тот, чьё присутствие заставило исчезнуть пустоту и развеяло скуку, столь угнетавшую её в последние дни, когда она не знала, куда себя девать. Пикники и развлечения, которые устраивал дядюшка, совершенно её не забавляли, одиночества она не выносила, но поговорить по душам было не с кем. Четыре дня она со скукой наблюдала за ухищрениями мисс Морган и мисс Нортон поймать в сети её кузена Клэмента. Потуги девиц потешали её, но на душе была вялая тоска. Всё было противно — и корыстная расчётливость Эстер, и нескончаемая глупость Розали, и жалкое ничтожество Бэрил. Но теперь...

Она торопливо спустилась вниз. Совсем скоро взойдёт солнце. Совсем скоро на террасе появится Кристиан.

Глупо было думать, что он обратит внимание на некрасивую, не умеющую одеваться и совсем неженственную Бэрил. Незначительная и пустая мисс Морган тоже не может понравиться ему. Мисс Нортон... Подумать, что Эстер может хоть на секунду возомнить, что такой мужчина может принадлежать ей — просто глупо. Мисс Хэммонд улыбнулась. У неё не было соперниц.

Софи слышала размеренные неторопливые шаги и напряглась, уверенная, что это он, и поторопилась принять позу задумчивую и романтическую, оправила утреннее платье, с такой тщательностью подобранное, однако, из дома вышел друг милорда Лайонелла, немолодой священник, отец Доран. Он был одет в твидовую куртку, грубые штаны и сапоги, на плече его висела старая кожаная охотничья сумка, он явно куда-то собирался. Мистер Доран поприветствовал мисс Хэммонд, вежливо заметив, что счастлив видеть мисс Софи, получил в ответ небрежный и чуть досадливый кивок и двинулся своей дорогой, бросив на девушку внимательный взгляд.

Ещё час назад Доран встретил в коридоре Хэммондсхолла Коркорана, одетого в охотничий костюм и болотные сапоги. На плече его висела ботанизирка, за спиной — небольшой вещевой мешок. Он был похож не то на красавца Робин Гуда, не то на молодого итальянского тенора, исполняющего партии первых любовников. Тепло поздоровавшись, мистер Коркоран сообщил, что намерен прогуляться к Жабьему болоту, что в полумиле от Лысого Уступа. Доран выразил опасение, что те места далеко не безопасны, трясина особенно сейчас, после дождей, место гиблое. Это лето, как на зло, выдалось на редкость дождливым. Через день льёт как из ведра. Коркоран беспечно улыбнулся и заверил его, что будет осторожен. Неожиданно предложил составить ему компанию — это гарантирует его от ложных шагов. Он не против? В итоге они договорились, что Доран наденет сапоги и куртку, захватит на кухне что-нибудь съестное и догонит мистера Коркорана на Лысом Уступе, где тот подождёт его.

Сейчас Доран, миновав мисс Хэммонд, уже в досаде отвернувшись от него, без труда понял, что невольно разочаровал племянницу Лайонелла. Безусловно, девушка хотела увидеть вовсе не его. Он также верно предположил, кого именно та ожидала встретить. На мгновение Доран подумал, может быть, стоит сказать мисс Софи, что её ожидания напрасны, но тут же одёрнул себя. Зачем показывать, что ты догадался о волнениях юного

сердечка?

Странно, но с приездом этого необычного человека его, Дорана, плотские искушения прекратились. В сравнении с ним поблекли не только мужчины, но и женщины, ещё вчера тревожившие его душу и плоть. Доран изумлённо украдкой оглянулся на мисс Софи — сегодня она вовсе не показалась ему такой уж красивой. Теперь он заметил и некоторую пустоту взгляда, и неровность линии носа, да и лобик показался излишне низким. Так, ничего особенного. Мисс Хэммонд заметила его быстрый взгляд и пожала плечами. Хороши Божьи слуги, ничего не скажешь! Странного друга выбрал себе дядя. Говорят, он живёт с приходского дохода. И туда же — глаз с неё не сводит, как будто она обратит на такого старика внимание. Как смешны людские амбиции — просто удивительно!

Патрик Доран поспешил миновать пределы сада и вскоре оказался на тропе, ведущей к Лысому Уступу. Это был огромный скальный остов в полумиле от дома, резко обрывающийся вниз, почти на сорок ярдов, с него открывался вид величественный, но безрадостный: внизу вдали зеленели чахлые деревья, а за ними темнела знаменитая Чёртова топь — участок, огороженный тычинами, увитыми ядовито-зелёными побегами гороха и бронзовыми отростками хмеля. За ней слева расстился Бандитский лес, названный так потому, что два века назад там, и правда, гнездились какие-то разбойники. Справа струились воды ручья, одного из притоков Брю, сейчас, после дождей, довольно грязного и полноводного. Пейзажу нельзя было отказать в какой-то первозданной дикости и величии, но особой живописностью он не отличался.

Коркоран сидел на поваленном стволе. На его воздетой к небу руке, чуть шевеля крыльями, примостилась большая чёрная бабочка. Рядом, на корневище ствола, свернувшись двумя кольцами, лежала змея. Доран замер. Тут Коркоран заметил его.

— Край непуганых бабочек, не правда ли, мистер Доран?

— Там змея...

— Не бойтесь, — улыбнулся Коркоран, — это полоз. Утром он поймал лягушку внизу у ручья, а теперь греется на солнцепёке, переваривая её. Он не тронет вас. Эти ползучие твари внушают суеверный ужас, но человек, помните, в книге Бытия, даёт наименования всем тварям. Это знак его владычества над ними. Дать имя — значит, постичь суть, а постичь суть — значит, повелевать. Мы — владыки земли.

Доран удивлённо приблизился и осторожно сел рядом. Бабочка всё ещё порхала на кончике пальцев Коркорана. Змея не шевельнулась.

— Мои пальцы — в медвяных росах лесных лилий, вот она и не улетает. Взгляните на неё, в наших краях это редкость. Парусник. *Parilionidae*. Я раньше не встречал в этих местах столь крупных экземпляров.

— Вы — энтомолог?

— Нет, — Коркоран на миг опустил глаза, — травник, ботаник. — Он благожелательно и спокойно взглянул на священника. — Я вижу, что весьма интересую вас, не правда ли? — Бабочка наконец улетела, и Коркоран опустил вниз белую руку.

— Заметно?

— Да, но у вас умные глаза, мистер Доран. Это подкупает. — Коркоран ласково улыбнулся.

Невозможно было противиться обаянию, завораживающему и колдовскому, которое излучал этот мужчина, Доран почувствовал исходящую от него теплоту, совершенно забыв о том, что ещё вчера восхитился его недюжинным актёрским дарованием и предупредил

самого себя о необходимости известной недоверчивости и осмотрительности в отношении этого человека. Он помнил о своих подозрениях и *abomination*, но сейчас просто любовался им, и в самом деле серьёзно заинтересовавшим его.

Они направились через топь к лесу. Скоро Доран заметил, что любые указания для его спутника — не более чем фикция. Коркоран шёл, интуитивно выбирая верный путь, и пару раз именно он препятствовал Дорану по колено уйти в вязкую трясину. Они быстро сумели добраться до леса, и по тропке, едва намеченной через заросли, достичь Жабьего болота. Тут Коркоран снова удивил мистера Дорана. Он столь быстро и безошибочно находил искомое, что его ботанизирка была заполнена за считанные минуты. При этом Доран, уроженец этих мест, никогда не видел тех странных растений, что собирал молодой учёный. На вопрос, что это за травы, тот охотно пояснил, что это один из видов болотного вежа, они весьма разнятся от местности к местности. У него есть и другое название — цикута, коей отравился Сократ, но в Италии ему довелось услышать о её лекарственных свойствах.

— Я был немало поражён тем, что итальянские монахи используют в лечении травы, традиционно считающиеся ядовитыми. Мы с коллегой прошли по древней дороге *Via Francigena*, по пути, проторённом пастухами, паломниками, прелатами и королями. От Монченизио до долины Суза через Буссолено, Авильяна, Риволи. Джанпаоло неожиданно растянул щиколотку, мне пришлось спустить его вниз, больница оказалась при церкви небольшого цистерцианского монастыря. Братья Джандоменико и Гаэтано, к моему немалому изумлению, имели в своем распоряжении и *hyosciamus niger*, и *conium maculatum*, и *datura stramonium*, и *ledum palustre*, и *paris quadrifolia* — и все это с удивительным умением использовали. За пять дней они подняли Джанпаоло на ноги, воспаление исчезло, он перестал хромать. Я заинтересовался свойствами этих растений и хочу собрать материал для будущих исследований.

Сам Коркоран неожиданно спросил Дорана, что привело его на священническую стезю? Тот со вздохом ответил, что церковь привлекала его изначально, хотя, будучи младшим из трёх братьев, он ни на что другое и рассчитывать не мог. А после того, как старший брат после смерти отца за пять лет промотал оставленное ему состояние, а средний, Джеймс, погиб во время второй бирманской компании, единственное, что остаётся — уповать на Господа. Мистер Коркоран внимательно выслушал и с живой заинтересованностью спросил, был ли тот женат, а, узнав, что нет, пожелал узнать, почему? «В юности он не мог и думать прожить с семьёй на несколько сот фунтов, — ответил священник, — а сейчас просто привык к одиночеству...»

Доран не любил говорить о себе. Неожиданно вспомнив мисс Хэммонд, оставшуюся на террасе, и мерзейший разговор Стэнтона и Кэмпбелла, он спросил племянника мистера Хэммонда, думает ли он сам о женитьбе?

Тот поморщился.

— Женщины? Полно, мистер Доран. Это не для меня. «Что мне эта квинтэссенция праха? Мужчины не занимают меня и женщины тоже...», — он снова на миг превратился в Гамлета, — французы правы, близость с женщиной восхитительна, но её присутствие невыносимо. Главная беда, что каждая, отдаваясь, мнит, что дарит вам мироздание... с которым наутро не знаешь, что делать. Мне под тридцать, и я уже заледенел. Если станет немого — такой же космос подарит мне моя собственная рука, пусть это и грешно, зато ей не надо объяснять, что пятиминутное удовольствие — это только пятиминутное удовольствие. Суэта отягощает.

— Вы циник, мистер Коркоран, — пробормотал, смутившись и покраснев, Доран. Откровенность собеседника шокировала его. Сам он на подобные темы ни с кем говорить не стал бы. Плоть была его мукой и страданием, к своим искушениям он относился болезненно и лёгкость, с какой его собеседник говорил о сокровенном, изумляла. Между тем он не казался бесстыдным или нескромным, скорее, его откровенность, казалось, говорила о доверии к собеседнику и искренности.

— Циник? Совсем нет. Хотя меня постоянно в этом упрекают. Цинизм есть упразднение и опошление истинной ценности мира, а я всю жизнь ищу эту ценность, эту сокровенную истину. Ни один циник её никогда не найдёт. Но её равно не найдёт и тот, кто смотрит на мир сквозь розовые очки и принимает за истину расхожие глупости, мистер Доран.

— Сокровенную истину мира? Ваши друзья по приезду цитировали некоторые ваши высказывания...

— Вынужден перебить вас, мистер Доран. — Улыбка исчезла с лица Коркорана, и в голосе его прозвенел металл. — У меня нет друзей. Это одно из величайших и горестных сожалений моей жизни, но я после смерти милорда Чедвика ни разу не встречал человека, которого мог бы назвать другом. Лишь однажды... Впрочем, это... — Он болезненно поморщился. — Что касается моих высказываний, а меня почему-то постоянно цитируют все, кому не лень, то я надеюсь, вы поймёте, что глупцы весьма часто понимают высказанное по-своему, наделяя чужие слова то нелепым смыслом, то, напротив, выхолащивая из них всякий смысл. Не верьте цитатам и цитирующим. Особенно цитирующим глупцам.

— Гости мистера Хэммонда мне глупцами не показались.

— Если они показались вам умными — вы глупее, чем *показались мне*, мистер Доран. Если же вы просто не хотите вслух сказать, что на деле Розенкранц и Гильденстерн — откровенные подлецы, это говорит о вашем недурном воспитании. Но мы с вами в лесу, а не в светской гостиной. Здесь хорошие манеры оценить некому. Не ждите от меня комплиментов, я не люблю их ни слышать, ни произносить. Если же вы всё понимаете, то вам должно быть ясно, что подлость способна исказить понимание её носителя почище самой клинической глупости.

Доран вздохнул. Потом усмехнулся. Этот человек шокировал его, пугал и всё же бесконечно нравился.

— Хорошо, забудем о вежливости. Но то, что они цитировали, я заметил, слишком... странно для них самих. Они не могли такое придумать. «Философ, проводящий свои дни в поисках любовницы, смешон...» «Плотское желание основано на стремлении исследовать запретное и потому сродни преступлению...»

Мистер Коркоран улыбнулся, тоскливо и иронично.

— Слухи о моей скромности становятся притчей во языцех и распространяются все шире, — язвительно проговорил он. — Кажется, я и впрямь когда-то изрёк нечто подобное. Я и забыл.

— Но правда ли то, что вы говорили об опиуме?

Коркоран изумлённо отпрянул.

— Бог мой, а я что-то про него говорил?

— Что опиумное опьянение примиряет с ближним, заставляет любить даже ваших врагов, — и является быстрорастворимым христианством.

Коркоран расхохотался.

— Помилуйте, мистер Доран. Я не говорил, а спрашивал. Какими только вопросами я не задавался когда-то. Но я ответил на этот вопрос. Я пробовал опиум, меня уговорил Эндрю Беллман. В опиуме — отрешённость от мира, но нет любви к Богу. Никакое это не христианство. То же, что сделал опиум с самим Эндрю, я назвал бы капканом дьявола. Но я не хочу ходить между капканами. Зависимость от искусственного восторга претит мне. К тому же истинное христианство я видел, — он неожиданно странно потемнел лицом.

— И «царственную волю человека» вы тоже отвергли?

— Отверг? Я, который и «заботаюсь, не может прибавить себе роста хотя бы на локоть?» Я и не принимал её никогда. Этим мой кузен болел в юности. Да и сейчас, по-моему, ещё не излечился...

— А то, что прощать иным врагам — это антихристианство...

Коркоран снова расхохотался.

— Да, я обронил, что если я возлюблю своего единственного врага — стану антихристианином.

— Но ведь прямым следствием любви Христовой является проявление великодушия и всепрощения. Они есть способность любви не позволять появляться в душе злым чувствам. Господь велит отпускать вины до «седмиды семидесяти раз». «Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших». Как же...?

— Великодушие и всепрощение? Вы уверены, что это из Писания? — Коркоран изумлённо поднял вверх красивые брови. — Я там таких слов не встречал. Ну да неважно. Я внимательно взгляделся в себя, мистер Доран. Я принимаю людей такими, какие они есть, никого не воспитываю, не поучаю, не осуждаю, не имею ни малейшего стремления кого-то подчинить себе, навязать свою волю или кого-то использовать. Всего этого достаточно, чтобы ни к кому не испытывать неприязни и не обижаться на чужие выпады. Лишь одно существо я осознал как своего врага. Примирение невозможно. Антагонизм слишком глубок...

— Надо простить и понять, а если поймёшь человека, не будешь держать зла. Прощение прощающему ещё более необходимо, чем тому, кого прощаешь, привязанность ко злу делает несвободным. Вы даже не пытались понять его?

— Мистер Доран... — Коркоран смотрел на священника с добродушной усмешкой, — вы сказали, что я заинтересовал вас. Почему?

Доран с удивлением покосился на Коркорана. Этот человек задавал слишком прямые вопросы. Но ведь он и сам был, казалось, искренним... Казалось?...

— Вы... необычны. От вас исходят токи странной силы...

— А какой, по вашему мнению, враг может быть у такого, как я?

Доран задумался.

— Как своего врага я осознаю только дьявола. Его искушения — омерзительны, его деяния — претят мне, его философия — пошла и неприемлема. Не уговаривайте меня возлюбить его, а то приведёте в геенну. Что касается людей... Враг — это и тот, кого не любишь ты, и тот, кто не любит тебя. Первых у меня нет, ибо меня почему-то трудно оскорбить. В детстве — случалось, но с юности я уже не помню подобного. Обидеть меня и тем самым стать моим врагом можно, лишь задев то, что для меня свято, но до моих святынь человеку толпы не дотянуться. Они даже не подозревают об их существовании. За тех же, кто ненавидит меня, я не в ответе. Хотя я заметил, что иногда я не могу простить как раз тех, кто

мне ничего не сделал... — тихо пробормотал он.

Отец Доран набрал полные лёгкие воздуха, выдохнул и — ничего не ответил. О своём подозрении на его счёт, возникшем после услышанного разговора Кэмпбелла и Стэнтонна, он спросить не мог. О подобном спросить было невозможно. Странно, но сила и мощь этого молодого мужчины, казалось, не допускали суждений, которые невольно возникали сами при взгляде на мистера Нортонна.

Но двести тысяч фунтов за эти очень красивые глаза?

Солнце тем временем поднялось над лесом, оба почувствовали голод и решили перекусить. Мистер Доран заметил, что его сотрапезник совсем непритязателен в пище, однако ест с аппетитом, наслаждаясь вкусом даже простой ветчины. Неожиданно Коркоран спросил, как оказались здесь все гости его сиятельства? Узнав от Дорана подробности приезда приглашённых, воспринял сведения о мистере Нортоне, приехавшем со своей сестрой как гость мисс Хэммонд, достаточно равнодушно, проявив некоторый интерес к гостям кузена. Самому священнику показалось, что для Коркорана присутствие в имении друзей Стэнтонна стало не самым приятным сюрпризом.

Долгое время они обменивались впечатлениями об Италии, бывшей для обоих «a land flowing with milk and honey»^[2], говорили и о книгах, и Доран снова поразился верности и живости суждений своего спутника. В итоге в Хэммондсхолл они вернулись ближе к обеду, и тут же выяснилось, что их исчезновение на всё утро и половину дня вызвало раздражение девиц и спровоцировало странный всплеск хандры мистера Нортонна, который отказался от завтрака и провёл весь день на берегу озера в одиночестве.

После обеда мистер Коркоран около трёх часов пробыл с дядей, играя на бильярде и развлекая его рассказами о Европе. Присутствующий здесь же Доран отметил, что он ни разу не навёл разговор ни на что, касающееся Хэммондсхолла, но совершенно определённо сказал, что уже в конце августа намерен вернуться в Италию.

Несколько раз их прерывали. Затянувшаяся беседа вызвала беспокойство мистера Стэнтонна, и он дважды под разными предлогами заходил в бильярдную. А вскоре после него интерес игре на бильярде неожиданно проявила и мисс Хэммонд.

Всё это ничуть не обеспокоило мистера Коркорана, который вечер до ужина провёл за книгой, а время после ужина посвятил прогулке в одиночестве, незадолго же до полуночи, пожелав присутствующим спокойной ночи, отправился спать. Он усугубил озлобление Клэмента Стэнтонна и разочарование мисс Софи упоминанием о том, что и завтра намерен встретить рассвет на Лысом Уступе. И снова пригласил с собой Дорана, если, конечно, тому не в тягость вставать чуть свет.

Священник любезно поклонился, и тут вдруг поймал на себе взгляд мистера Нортонна, исполненный откровенной злобы. Доран почти ощутимо содрогнулся — от удивления и испуга. Это был не испуг робости и минутной потери мужественности, но страх души, столкнувшейся с бесовским искусом. Отец Доран быстро пришёл в себя, но произошедшее усугубило его отвращение к мистеру Нортону.

Мисс Софи Хэммонд была подлинно расстроена. Сегодняшний день удручил и огорчил её. Едва она узнала, что мистер Коркоран чуть свет ушёл на болота, в душе её поселилась чувство гнетущей пустоты. Оно затянуло тоской и апатией. Она мечтала о том, что мистер Коркоран непременно окажется галантным кавалером, любезным и внимательным к дамам, и, конечно же, заметит и оценит её как лучшую из девиц. Но он исчез почти на половину дня, а после его возвращения она не дождалась от него ни одного знака внимания, хотя бы

родственного! Он вообще не замечал её, беседовал на какие-то совсем неинтересные, пустые и скучные темы с дядей и этим странным священником, а на её предложение устроить в поместье бал — поморщился.

Софи злилась, но он был так красив, что стоило мисс Хэммонд взглянуть в его чёрные полусонные глаза, всё её недовольство таяло. Она неожиданно осознала, что всю жизнь ждала именно этого человека — это он проступал на кромке предутренних снов, он был предметом самых сокровенных мечтаний, смыслом и целью всей жизни. Софи словно провалилась в бездну его чёрных глаз, все прочее стало призрачным и рассыпалось в прах. Она поняла, что до этого и не жила, но просто пребывала в жизни. Без него все казалось бессмысленным.

...Этот день оставил у Дорана странное впечатление, которым он, однако, пока не решился поделиться с другом. Мистер Коркоран, оправдывая молву и рассказы о себе, оказался неординарным человеком. Слишком неординарным, чтобы быть подлинным. Слишком умным, чтобы быть честным. Слишком красивым, чтобы декларировать равнодушие к любви. Слишком талантливым, чтобы не быть тщеславным. Слишком одарённым, чтобы смириться с чьим-то предпочтением. Он казался порядочным, холодным, смиренным и целомудренным — но где-то непременно должна была проступить ущербность.

Самого дрянного и мерзкого, что уронил о нём Кэмпбелл, Доран пока не замечал. Но ведь такое напоказ никто и не выставляет.

Рассуждая подобным образом, Доран вовсе не проявлял цинизма, хотя его сиятельство часто упрекал друга в излишней гибкости суждений, граничащей с ним. Патрик оправдывался: «это знание жизни, милорд, не более», ибо видел, сколь часто справедливые становились беспощадными, приветливые — лицемерными, умные — подлецами, знающие — надменными, честные — высокомерными. Все искажалось в отсутствие Истины Божьей, всё более тускнеющей в людских душах. Да и обстоятельства собственной жизни не способствовали ни излишней доверчивости, ни прекрасодушию. Он знал бездны собственной души и всегда подозревал в чужих душах провалы не меньшие.

Однако этот странный человек — и это подлинно поразило Дорана — неожиданно уронил ключевые слова: «Я всю жизнь ищу эту ценность, эту сокровенную истину мира...» Коркоран даже правильно обозначил условия поиска этой Истины. Несмотря на шокирующие викторианца суждения, Коркоран ни разу не произнёс ничего такого, что заставило бы усомниться в его благородстве, не уронил ничего кощунственного, пошлого, святотатственного — всего того, что поминутно слышалось от друзей Стэнтон. Поэтому, ко всем странностям мистера Коркорана надо было добавить самую жёсткую двойственность, в которой следовало искать его. Если к его кузену Клементу были применимы определения от расчётливого эгоиста до влюблённого скупца, то его брата Кристиана надлежало разыскивать между категориями от запредельно гениального и артистичного негодяя и мерзейшего тайного мужеложца до...

Мистер Доран в задумчивости потёр мочку уха. Определить иной полюс он пока не мог.

Глава 7. Чертовщина

Приезд мистера Коркорана, несмотря на то, что он не произвёл особого шума, среди девиц был подобен вспышке молнии. Мистер Морган был прав, когда не хотел затевать никаких интрижек в Хэммондсхолле. Появление Коркорана все равно оставило бы его с носом. С этим мужчиной нельзя было соперничать мужчине, перед ним невозможно было устоять женщине. При этом — Коркоран почти не разговаривал с джентльменами и не удостоивал особым вниманием леди, но не выглядел ни мизантропом, ни монахом. Доран высказал самому Коркорану то, что заметили все: от этого человека веяло силой — непонятной, неопределимой и загадочной, но столь же ощутимой, сколь осязаемы для ладони упругость осеннего ветра, потоки весенних дождей и шероховатость коры древесного ствола.

Мистер Морган и мистер Кэмпбелл после приезда Коркорана большую часть времени проводили с мистером Стэнтоном в бильярдной и курительной на третьем этаже. Выходили они только к столу, безупречно вежливо приветствовали мистера Коркорана, не задавая ему вопросов и при нём почти не разговаривая. Мистер Коркоран в ответ на их приветствие неизменно сообщал им, что утро доброе, и тоже не затруднял себя поисками тем для бесед. Доран не мог не понять, что причиной такого поведения служит упомянутый в первый же день случай с завещанием лорда Чедвика, подробностей которого он не знал, но внимательно взглядевшись в Коркорана, не заметил, что совесть последнего сильно отягощена тем обстоятельством, что он непонятно почему получил преимущество и деньги, причитавшиеся другим.

Но отношение мужчин к мистеру Коркорану было пустяком в сравнении с тем, что происходило с юными леди.

До прибытия младшего племянника милорда Хэммонда девицы, если и не ладили между собой, то и явных ссор не было. Теперь каждая видела в другой врага. Мисс Хэммонд искренне раскаивалась, что пригласила с собой Эстер. Зачем она так сглупила? Мисс Морган была неумна и её конкуренции Софи всерьёз не опасалась, о Бэрил нечего было и говорить, но Эстер теперь проявила себя во всей красе.

Сама мисс Нортон теперь совершенно не понимала, как мог ещё вчера привлекать её внимание какой-то ужасный хам и урод мистер Стэнтон? Сегодня, получи он даже весь Хэммондсхолл, и даже Сент-Джеймс, это не заставило бы её и голову-то повернуть в его сторону. Но кое-что беспокоило её. Ещё по застольным вопросам брата в день их приезда она поняла, что тот приехал в Хэммондсхолл только ради человека. Что если и сам Коркоран имеет те же омерзительные склонности, что и Стивен? Но после внимательного наблюдения она поняла: какие бы склонности не были у мистера Коркорана — её братец ему глубоко безразличен! Она видела, что он едва замечал его, на все восторженные комплименты не обращал ни малейшего внимания, был холоден и всячески избегал Стивена. Он говорил только с дядей и его другом-священником. А раз так — она смело пошла на приступ.

Мисс Софи Хэммонд и в голову не приходило, как могут меняться люди. Эстер казалась ей раньше девицей милой, здравомыслящей и спокойной, но теперь в приятных чертах Хетти проступил, к её ужасу, звериный оскал. Она не знала сомнений и была настроена весьма решительно. Привлечь внимание мистера Коркорана она готова была любыми средствами — и в этом Софи скоро довелось убедиться. В парковой беседке, где мистер Коркоран

уединился с книгой, мисс Нортон настигла его и нисколько не задумываясь, выложила ему все гадости, которые знала о Софи.

— Если бы вы только знали, что говорили про неё в пансионе! Более самоуверенной и высокомерной особы не видывал свет! Когда к нам приехали попечители, она добилась, чтобы именно ей было предоставлено право приветствовать их, хотя было немало девиц куда достойней. И что же? Бог наказал её за наглость и спесь. Едва прибыли миссис Роуз и преподобный Браун, она, выходя на помост, споткнулась и свалилась в грязь, ещё и подвернув ногу! Как всё хохотали, Боже!

Мисс Хэммонд, случайно оказавшись рядом с беседкой, закричала зубами от злости. Подумать только, эта замарашка ещё смеет вспоминать такие глупости! Сама она, впрочем, тоже не осталась в долгу, в этот же день за ужином припомнив, как в пансионе мисс Нортон влюбилась в учителя музыки, и какой смех это вызывало у всех остальных.

От бывлой дружбы с Эстер не осталось теперь и следа, мисс Морган ничуть не привлекала Софи и, оставшись в одиночестве, она решила поближе сойтись со своей сестрой. Мистер Коркоран, она была уверена в этом, никогда не обратит внимания на эту серую мышь, а Софи хотела иметь союзницу против безродных нахалок, паливших глаза на их кузена, кроме того, ей казалось, что Бэрил должна располагать некоторыми необходимыми ей сведениями.

Она постучала в библиотечный зал, где часто проводила время сестра, и тепло приветствовала её.

— Бэрил, дорогая, а ты опять среди книг? Как ты можешь проводить столько времени одна? Я бы с ума сошла, ей-богу! Я люблю быть на людях, помню, как однажды заболела в пансионе, и все ушли на прогулку, а меня оставили. Я думала, что с ума сойду! Всё мерещилось, что кто-то сидит под кроватью, и казалось, время остановилось. Было так страшно! Но ты, я гляжу, ничего не боишься, сидишь одна...

Мисс Стэнтон была удивлена словами Софи, до этого не утруждавшей себя попытками сближения и смотревшей на неё с презрительной жалостью, однако, ответила с теплотой. Она привыкла к одиночеству, точнее, к уединению, пояснила она. В нём нет ничего страшного. Это покой. Что в нём может пугать? Это возможность отдалиться своим мыслям, осмыслить чужие поступки, углубиться в книги.

Тут Бэрил заметила, что Софи почти не слушает её и поняла, что вопросы, задаваемые сестрой, сугубо формальны. Её ответы становились все лаконичней, на её же собственные вопросы Софи отвечала скороговоркой. Бэрил поняла, что кузине что-то нужно от неё и спокойно ждала. Наконец мисс Хэммонд спросила её об их кузене. Её собеседница заметила выступивший на щеках мисс Софи румянец, сделала для себя вывод о том, что её кузина весьма интересуется мистером Коркораном, и весь этот разговор затеял ею именно с целью побольше узнать о нём.

Бэрил чистосердечно ответила сестре, что никогда раньше не видела кузена. С братом Клэментом мистер Коркоран виделся, они гостили лет пять назад в Хэммондсхолле, но ей тогда было всего шестнадцать, и брат не взял её с собой. Ныне она видела его впервые. Сам же он — человек, безусловно, необычайно привлекательной наружности и зрелого ума. Мисс Хэммонд при этих словах бросила на сестру внимательный взгляд. Нет, на лице Бэрил не было заметно следов увлечения. Если сестрица не безумна, она не будет мечтать о мистере Коркоране. А если и будет... что толку?! Но Софи хотелось слышать подтверждение своих мыслей.

— Он понравился тебе?

Бэрил изумлённо посмотрела на неё и повторила, что их кузен весьма умен и красив. Пока в нём не проступило ничего, что может не нравиться, настораживать или смущать. Это были не те слова, которые хотелось услышать Софи, но ей пришлось ими довольствоваться, но, в общем-то, у неё не возникло подозрения, что сестра — её соперница, и потому Софи спросила, где Бэрил познакомилась с мисс Морган? Оказалось, что брат и сестра были приглашены Клэментом, она встретила с мисс Розали перед самой поездкой, а до этого не знала её. Сама Бэрил тоже мягко осведомилась у сестры, понравился ли ей кузен Кристиан? Мисс Хэммонд бросила осторожный взгляд на кузину и подумала, что ничего страшного в том, что она признается ей в своём чувстве к мистеру Коркорану, не будет. Это предостережёт саму Бэрил от увлечения двоюродным братом.

— Мне кажется, он лучший из лучших, я никогда не думала, что на свете есть такие мужчины. Но как ты думаешь, я нравлюсь ему? — мисс Хэммонд окинула сестру взглядом жадным и пристальным.

Мисс Стэнтон была задумчива и ответила не сразу.

— Он необычный человек, Софи. Трудно понять, о чём он думает и что чувствует. Мне показалось, он погружён в какие-то научные изыскания, что-то ищет. У него божественные черты, лоб философа, губы поэта, но глаза... — она задумалась, — колдуна-чернокнижника... они пугают меня. Он очень необычен. Говорят, у него ирландская кровь? Его отец — ирландец?

Софи этого не знала. Гораздо больше её волновало, как привлечь внимание мистера Коркорана? Но ответа на этот вопрос Бэрил не знала, — и Софи понимала это. Тем не менее, мисс Стэнтон не могла не уронить и лёгкое предостережение сестре.

— Будь осторожней, Софи. Ведь мистер Коркоран может оказаться ловеласом или просто легкомысленным человеком. Никакая осторожность и сдержанность лишними не будут. Среди представителей мужского пола немало тех, кто ищет лишь сиюминутных удовольствий и пустых интрижек, и ни во что не ставит женскую репутацию.

Мисс Хэммонд изумлённо посмотрела на сестру. Бог мой, где она читалась этих старомодных моральных проповедей? Не в этом ли пансионе, где девиц учили наукам? Боже мой, какая же она дурочка...

Но, как ни странно, разговор с сестрой оставил у Софи впечатление благоприятное. Спокойное достоинство и рассудительность Бэрил подействовали на неё успокаивающе. В мисс Стэнтон было всё же и что-то и привлекательное, с оттенком жалости подумала мисс Хэммонд. Сама мисс Стэнтон искренне восхищалась умением сестры одеваться с подлинным вкусом и отважилась спросить, как ей удаётся столь изящно закалывать волосы?

У мисс Хэммонд хватило такта скрыть насмешливую улыбку. Она охотно продемонстрировала своей собеседнице несколько способов убирать волосы, рассказала о новинках моды, о некоторых женских секретах. Мисс Стэнтон слушала с большим интересом — до этого она замечала особенности платьев девиц, но подражать не решалась, боясь насмешек и шпилек брата, но если она причешет волосы иначе, может, он не возразит? Тем более что так причёсывается и Софи, а она нравится брату.

Мисс Хэммонд посоветовала Бэрил расчесать волосы на прямой пробор и спустить их на плечи — у неё слишком высокий лоб, чтобы зачёсывать их наверх, сказала она. Вдвоём они попытались изменить причёску мисс Стэнтон, и Софи признана, что рекомендации миссис Деларюв в пансионе были разумны: Бэрил выглядела теперь намного лучше. Софи,

расщедрясь, подарила сестре несколько заколок — недорогих, но изящных.

Расстались они почти дружески, при этом мисс Бэрил Стэнтон окончательно уверилась, что надежды её брата завоевать сердце мисс Хэммонд, которые она и раньше-то оценивала как весьма невысокие, теперь, с приездом мистера Коркорана, просто равны нулю.

Дьявольская красота мистера Коркорана опалила огнём не только сердца мисс Хэммонд и мисс Нортон. Чувство мисс Морган было не менее пылким. Брат Гилберт дал себе труд сообщить ей, что мистер Коркоран — просто негодяй, которому она обязана тем, что у неё нет достойного приданого, кроме того, этот господин был причиной многочисленных смертей, кои вокруг него случаются столь часто, что его звали «порождением мёртвой утробы, засасывающей живых...» Такой человек просто опасен. Но нечего и говорить, что мисс Розали не вняла доводам брата — даже не вслушалась в них.

Она была уверена, что у мистера Коркорана просто нет другого выхода, как непременно влюбиться в неё — и повести под венец под завистливыми взорами всех остальных девиц. Гилберт махнул рукой: выбить из головы сестрёнки дурь было невозможно. Сам он знал, что Коркорана, несмотря на обилие сплетен и легенд вокруг него, никогда не обвиняли в соращении девиц — на него сыпались совсем другие обвинения. За сестрёнку он не волновался — отчасти потому, что своей неумней глупостью она успела осточертеть ему, отчасти оттого, что был уверен: кроме собственной глупости, ей ничего не угрожает.

Сам он от нечего делать совместно с Чарльзом Кэмпбеллом развлекался наблюдениями за Стивеном Нортоном, и тут, надо заметить, оба молодых джентльмена потешались, как могли. Они по возможности старались держаться к нему поближе, слушали его разговоры с Коркораном, после весело перекидывались — хоть и без свойственного объекту страсти мистера Нортона таланта.

Зато мистеру Стэнтону было не до смеха. Приём, оказанный младшему племяннику дядей, был более чем любезен, и Клэмент понял, что сбываются его худшие опасения. Он бесновался. Мало того, что тот за мерзость получил колоссальное состояние Чедвика, так ещё вотрётся в доверие дяде — станет наследником всего...

Из всех присутствовавших в Хэммондсхолле только мистер Доран извлёк из общения с мистером Коркораном удовольствие, лишённое суетных треволнений, однако, как бы ни понимал Доран слово «чертовщина», в первый же день по приезде оброненное за ужином мистером Морганом, теперь и он тоже не мог не признать, что в Хэммондсхолле происходит чёрт знает что. Уже говорилось, что с первой же минуты встречи, внутренне восхищённый Коркораном, он как-то перестал обращать внимание на всех остальных. При этом священник помнил выводы, сделанные из наблюдений первых дней. Мисс Стэнтон показалась ему особой замкнутой и высокомерной. Мисс Хэммонд, напротив, на первый взгляд, была добродушна, красива и общительна. Глупость мисс Морган бросалась в глаза, но сама она выглядела существом довольно безобидным, мисс Нортон, милая и неглупая, тоже вызывала симпатию.

Но теперь только Бэрил Стэнтон сохраняла женственность и достоинство, была тиха и молчалива. Все же остальные... Мистер Доран был когда-то влюблён. Он видел влюблённых. Но милая красавица мисс Хэммонд неожиданно для него превратилась в совершенно новое непонятное существо: ревнивое, издёрганное и, казалось, полностью забывшее женскую скромность. В мисс Нортон проступила откровенная хамка, особа злобная и резкая. В состоянии перманентной истеричности пребывала и мисс Морган. Три

юные леди в Хэммондсхолле были не влюблены, но помешаны, в гостиных, коридорах и спальнях Хэммондсхолла, казалось, бесновались три молодые ведьмы.

Не меньше пыла проявлял и мистер Нортон, стараясь попадаться навстречу мистеру Коркорану поминутно. Все они не давали ему проходу, буквально преследовали, не позволяя ни минуты остаться в одиночестве. Мисс Морган гадала ему на картах и по ладони, мисс Нортон строила ему глазки, а стоило ему появиться у дома, скажем, с лопатой на плече, коей он выкапывал в лесных дебрях корень какого-то растения, как с балкона уже слышался кокетливый голос мисс Хэммонд:

— Носить что-либо на плече, мистер Коркоран, особенно лопату — к несчастью. Значит, скоро вы понесёте гроб.

Мистера Коркорана это не шокировало. Гроб так гроб. Сам он знал только одну примету.

— Говорят, если посадить в саду рябину, вам не будут досаждать ведьмы, — обречённо обронил он, когда они остались, наконец, в подвальчике наедине со священником. — Зря милорд не отдал таких распоряжений. Я всегда удивлялся, мистер Доран, почему именно так называемая плотская любовь проявляет в людях самое худшее, что в них есть?

Доран изумился.

— Помилуйте, что вы говорите? Общепризнано, что любовь возвышает и очищает душу.

— Да? Не замечал. Мой опыт говорит, что мужчины по большей части становятся откровенно подлы, норовя подставить ножку сопернику, а женщины — вздорны, ревнивы и совершенно забывают скромность. Впрочем, может, они просто ярче проявляют свою суть, обычно скрытую? Если же люди не подлеют и не теряют голову и достоинство — говорят, что они не умеют любить или любят недостаточно пылко.

Священник усмехнулся.

— Откровенно сказать, мне кажется, что именно вы провоцируете их на это. Я никогда ничего подобного не видел.

Коркоран ничуть не обиделся, был спокоен и расслаблен.

— Я едва словом с ними перемолвился, помилуйте.

— Не спорю, но ваша внешность — сама по себе провокация. Вы красивы, как дьявол.

— Ну, во-первых, никто ещё не доказал, что дьявол красив, — возразил Коркоран. — Свидетельства есть в пользу прямо противоположного мнения — и вам ли, служителю Господнему, о них не знать? А во-вторых... Надеюсь, дорогой мистер Доран, вас-то я не спровоцировал? Неужели и вы влюблены в меня?

Доран сначала едва не поперхнулся, но сумел вздохнуть и усмехнулся.

— Нет.

— Рад слышать это. Но если моему дьявольскому обаянию сумели противостоять вы, почему этого не могут остальные?

Священник пожал плечами. Логика рассуждений его собеседника была злой и иезуитской, но абсолютно правильной. Этот красавец-искуситель, Доран давно заметил это, всегда рассуждал безупречно. Впрочем, одно возражение у священника было. Это был аргумент лживый и жалкий, аргумент, к которому всегда прибегают ничтожества, но Доран привёл его. Не потому, что так думал, но затем, чтобы услышать ответ на него.

— Говорят, сила душ не равна, мистер Коркоран.

— Не равна, — кивнул Коркоран, — но живёт Господь. Никогда ещё ни одной слабой душе не было послано искушение сверх силы её. А уж думать, что смазливость моей

физиономии является искушением непреодолимым — было бы наглейшей самонадеянностью с моей стороны и откровенной глупостью с вашей. — Он сорвал с ветки цветок, вдохнул и неожиданно пробормотал, — кто-то говорил, что у цветка боярышника запах смерти... Вздор. Запах смерти неразгадан... Скорее, это осенний сумрак, сырость погреба, запах ладана... и что-то болотное.

— Вы считаете, что девушки вовсе и не влюблены?

— Влюблены в кого, мистер Доран? Если даже допустить, что душа моя прекрасна, то для них это всего лишь предположение. Так на чем же, скажите, ради Бога, зиждется такая любовь? На моем лице? Я мог бы тогда подарить им по портрету. Всё это вздор. Если не выходить из сферы логики и здравого смысла, придётся высказать догадку, что основа такой любви — распалённое воображение и низменные инстинкты.

— Помилуйте... «Мир должен быть населён...»

— Вздор. «Лучше бездетность с добродетелью, ибо память о ней бессмертна, плодородное же множество нечестивых не принесёт пользы, и не достигнут они незыблемого основания и порывом ветров искоренятся...». Должен быть населён! Подумать только... Я-то тут причём, помилуйте? Он давно и без меня населён и даже — перенаселён местами. В Лондоне в клубах — уединиться невозможно, посидеть в тишине, кроме как в «Диогене», негде. Всюду толпы народа. Кстати, замечу, что и вы сами, — улыбнулся Коркоран, — несмотря на ваши проповеди, не больно-то способствовали увеличению числа обитателей мира.

Доран развёл руками.

— Несчастливая любовь? — взгляд мистера Коркорана был понимающим и сочувственным.

Доран вздохнул, опустив глаза. Откровенность собеседника нравилась ему, но сам он не привык к подобной искренности.

— Скорее, нищенская любовь... причём, во всех смыслах.

— Давно?

— Четырнадцать лет назад. Всё давно прошло.

Коркоран смерил собеседника долгим взглядом и ничего не ответил.

Доран видел, что никто из девиц не вызвал в Коркоране даже тени интереса, он был абсолютно неуязвим для женских чар и беззлобно шутил на счёт досаждавших ему особ прекрасного пола, ленивыми полусонными глазами глядя на дамские ухищрения, ничуть не интересуясь рассказанными девицами друг о друге сплетнями и всей той вознёй, что была затеяна вокруг него.

Доран предположил было, что причиной такого поведения тоже могла быть несчастная любовь, но Коркоран вообще не походил ни на влюблённого, ни на человека с разбитым сердцем. Он был весел, благожелателен, обедал с неизменным аппетитом, любил порассуждать о тайнах природы, бытии Бога и бессмертии души, было заметно, что он предпочитает уединение и тишину и нисколько не тяготится одиночеством. Помнил отец Доран и его слова, сказанные у Лысого Уступа. Что могло заставить такого красавца высказаться столь цинично? Сам он, Доран, после выказанного ему пренебрежения мог озлобиться и отгородиться от женщин. Но Коркоран? Ведь такому никто и никогда не предпочёл бы другого.

Сам Коркоран ронял — правда, в частных беседах — замечания, свидетельствующие

не то чтобы о неприятии, но скорее — о весьма невысоком мнении о женском поле.

— Никогда не пытайтесь понять женщину, Доран, потому что можно ведь вдруг и понять! Мне случалось — мороз по коже шёл, клянусь. Особенно же важно никогда не сказать самой леди ничего такого, что трудно *понять ей*. Она начинает над этим думать, и ничего хорошего из этого не выходит. Одна особа не первой молодости, причём, не из самых последних дурочек, говорила мне как нечто само собой разумеющееся: «Я никогда не думаю, мистер Коркоран — это меня утомляет; а если уж думаю, то ни о чём». Это была просто искренность, уверяю вас. Женщины за шестьдесят обычно устают лгать и становятся честны. Молоденькая же леди может часами говорить о том, что у неё просто нет слов. Если же она молчит, то её, по пословице, лучше вообще не перебивать: сначала трижды подумай, а потом промолчи. Я именно так всегда и поступал. Правда, чёрт возьми, это не помогало. Я прослыл в женских кругах человеком глубоким и загадочным, а что притягательнее для женщин, чем «загадочность»? В итоге, когда я просто подрёмывал после обеда в гостиной лорда Бервика, с тоской размышляя, как убить вечер — обо мне говорили, что я «погружён в глубокие раздумья...»

Все эти слова одновременно забавляли и настораживали Патрика Дорана. Он не мог не поймать себя на чувстве восхищения и симпатии к этому человеку и заметил, что интуитивно отталкивает от себя дурные подозрения на его счёт. Но всё же...

Двести тысяч фунтов — сумма немалая...

При этом он заметил, что мистер Коркоран — хоть и явно был состоятельным, но кутилой не был. Его вещи — галстуки, трости, трубки, шляпы — были весьма дороги, но не поражали роскошью, которую он, бесспорно, мог бы себе позволить. В его одежде не было ничего вычурного и франтовского, в отличие от того, что позволял себе мистер Нортон. Коркоран предпочитал серый, чёрный и болотный цвета фраков и сюртуков, его шейные платки были самых неброских тонов, но скромная простота его одежды странным образом лишь выделяла и подчёркивала его красоту, щегольство же мистера Нортон не украшало его, но отталкивало манерностью.

Между тем чертовщина усугублялась. Девицы, замороженные колдовским обаянием мистера Коркорана, вели себя настолько странно, что это бросилось в глаза даже графу Хэммонду, как ни мало склонен был милорд что-то замечать. Но одновременно стали возникать и иные тенденции, усиливающие позиции чистого разума.

Мистер Доран стал невольным свидетелем одного, весьма удивившего его разговора. Мисс Стэнтон в маленькой гостиной пыталась объяснить своей кузине, что мистеру Коркорану — под тридцать, он далеко не зелёный юнец, объездил мир, повидал, наверняка, самых разных женщин. Если он до сих пор не остановил свой выбор ни на одной, значит, женитьба не входит в его планы. К тому же он сам сказал, что не намерен создавать семьи — сказал прямо и определённо. На что же можно рассчитывать?

Голос Бэрил был мягок и нежен, она не хотела задевать самолюбие кузины, но поведение Софи, по её мнению, было недопустимым. Как можно навязываться мужчине? Мисс Стэнтон привела и ещё один аргумент. Даже если подобный мужчина когда-нибудь и женится, его жена не будет знать ни минуты покоя, ведь он так красив, что все женщины будут кокетничать с ним, а супруге мистера Коркорана это будет причинять только мучения и боль... Красивый муж — это чужой муж.

Мисс Хэммонд едва ли что-то расслышала и, как только смогла, поскорей покинула навязчивую резонёрку, вздумавшую учить её жить. Сама же мисс Стэнтон, оставшись в

одинокестве, задумалась. Мистер Коркоран не оправдал её опасений. Внимательно наблюдая за его поведением, Бэрил ничего не могла поставить ему в упрёк. Неизменная сдержанность, доброжелательность, прекрасное воспитание и приятные манеры, свойственные ему, нравились мисс Бэрил, мистер Коркоран был истинным джентльменом, и ни Ловеласом, ни Дон Жуаном не был. Тут её мысли были прерваны. Изумлённый здравомыслием мисс Стэнтон, к ней приблизился мистер Доран.

— Прошу простить меня, мисс Стэнтон, я случайно услышал ваш разговор с мисс Хэммонд. Похоже, вам не удалось убедить сестру?

Мисс Стэнтон понимала, что влюблённость сестры — не тайна для мистера Дорана. Да и для кого она, столь явно демонстрируемая, могла быть тайной?

Бэрил горестно развела руками.

— Мистер Коркоран, конечно, красив, но его поведение не свидетельствует не только о серьёзных намерениях, но и вообще о каких-то намерениях. Как можно не видеть этого? Она же компрометирует себя.

Мисс Бэрил сегодня была одета в лёгкое летнее светло-голубое платье и волосы её были уложены совсем иначе, чем обычно, и Доран не мог не заметить, что мистер Кэмпбелл был прав в своем циничном наблюдении, что чем-чем, а фигуркой мисс Стэнтон вышла. У Бэрил была чистая молочно-белая кожа и очень красивая грудь, чего он раньше из-за весьма скромных вырезов её платьев не видел. Доран судорожно вздохнул, но тут же смирил дыхание. «Призри на меня и помилуй меня, ибо я одинок и угнетён. Выведи меня из бед моих, призри на страдание моё и на изнеможение моё и прости все грехи мои...», мысленно пробормотал он.

Мисс Бэрил не заметила его искушения и тихо ушла из комнаты. Доран сжал зубы. «Мир должен быть населён...» Иногда он, уставая презирать себя за постоянные взрывы похоти, уверял себя, что это — просто зов плоти, вложенный в человека всё же не дьяволом, но Господом. Но почему это столь тяжело? После отказа Джейн он хотел было жениться на первой встречной — просто от отчаяния, от тоски, от боли.

Но не сделал этого — сердце его окаменело, плоть оледенела. Он жил несколько лет, не чувствуя времени, словно утратив тело, погрузившись в книги и мысли. Жизнь сталкивала его с разными людьми, вразумляла и научила многому. В его голове, что и говорить, за годы одиночества прибавилось ума. Эти годы не были бесплодны. Но вот, тело вдруг проснулось и яростно возжаждало своего, душа же по-прежнему была мертва и скорбна. Он искушался теперь женщинами, как в отрочестве, плоть неимоверно тяготила, его шатало от ароматов их духов и декольте, от голосов и смеха. Тоска по женщине изнуряла и выматывала, лишала сил. За что мне это, Господи? Ну почему этот случайный взгляд на белоснежную юную грудь так ударил его? Теперь ему не спать ещё одну ночь.

Мистер же Коркоран, утомлённый и женской, и мужской навязчивостью заявил под вечер, что завтра проведёт день на болотах. Самое время собирать хвощ и папоротник. Доран понял, что Коркоран направился бы туда даже и в том случае, если бы собирать хвощ и папоротник было бы вовсе и не время. Ему самому было предложено сопровождать мистера Коркорана, и он снова охотно согласился. Ему нравилось общество этого загадочного человека и нравилось, что он выбрал его своим конфиденнтом и чичероне.

Но в этот вечер, а точнее, в ночь, имело место ещё одно странное и необъяснимое происшествие, вызвавшее среди гостей Хэммондсхолла и челяди многочисленные разговоры. А именно: в коридоре возле спальни мистера Кристиана Коркорана появился...

призрак!

Вообще-то призраки в этой части Англии никого не удивляли. Спрессованные из вязкого болотного тумана и фантазии затуманенного воображения, они часто появлялись в старинных поместьях. По соседству с Хэммондсхоллом, в поместье Брэдфорд, видели дух Старого Барона, который, как утверждали, убил в былые времена несколько человек, включая и свою жену. Ещё один дух — красивая леди в белых одеждах — жил там в висящем на стене портрете, появляясь из него время от времени. Встречали в поместье и привидение молодого гренадёра, умершего от страстной любви. Но в Хэммондсхолле никаких пахнущих криминалом историй не было, и потому лакеи, услышав за полночь вопли, ругань и странную возню в спальне мистера Коркорана и стремительно бросившись наверх, увидели только мистера Коркорана, рассказавшего, что в коридоре мелькнул призрак, кажется, человека в... саване.

Спальня мистера Дорана была дальше по коридору, однако, приоткрыв дверь на шум, мистер Доран увидел только мелькнувшее женское платье — и ничего призрачного. При этом священник заметил, что физиономия мистера Коркорана не несла ни малейшей печати испуга, но запечатлела нечто весьма странное. Он казался разозлённым, смеющимся и брезгливым — одновременно.

Видимо, померещившийся ему призрак был одновременно смешным и гадким.

Глава 8. Пропавший день

Следующий день, увы, не оставил от планов мистера Коркорана камня на камне, ибо человек строит планы, но реализуются они лишь по воле Господней. За час до рассвета чёрное небо прорезала страшная паутина ртутных молний, дом потрясли раскаты грома и с разверзшихся небес стеной хлынули потоки воды. Ливень продолжался до рассвета, и Коркоран понял, что сегодня у него не будет возможности уединиться и избежать тягостных встреч, навязанных ему очаровательными гостями Хэммондсхолла. Коркоран поприветствовал всех собравшихся в гостиной, сообщив, что сердечно рад всех видеть и, не потрудившись придать лицу подлинно любезное выражение, плюхнулся на диван, не обращая внимания на то, все ли дамы успели присесть, и озабоченно спросил у мистера Дорана, на сколько, по его мнению, может затянуться ненастье? Священник возвёл очи горе. Всё в руке Господней.

Между тем милорд Хэммонд поинтересовался ночным происшествием, и вчерашняя история подверглась общему обсуждению. Мисс Морган была заинтригована, требовала самых страшных подробностей, и восторженно поведала собравшимся про какой-то замок Гибсайд Холл, где обитает «безутешная графиня», ночью по гулким залам разносится её приглушенное рыдание. Кем она была при жизни, отчего плачет и почему стала призраком, никто не знает. А в замке Лаймпар в графстве Чешир по ночам появляется призрачная погребальная процессия с тихой заупокойной музыкой, а в поместье Ланидрок в Корнуолле по комнатам бродит призрак повесившегося джентльмена! В замке же Поуис в сумраке коридоров посетители часто видят «леди в чёрном», и чувствуют прикосновение её холодных рук.

Мистер Доран, который сильно сомневался в подлинности Хэммондсхоллского призрака, виденного мистером Коркораном, проронил расхожую шутку о высокой плотности призрачного населения этих мест. Рассказывают, что некий господин в XVI веке просто замучил зодчего, строившего ему замок, своими придирками. За что и поплатился: в его замке завелось страшное привидение. Оказывается, зодчий отомстил хозяину, сделав под окнами особые «поющие» ниши. Ветер настолько жутко завывал в них, что владелец замка вскоре сошёл с ума. Чисто английская месть...

Между тем, напав на любимую тему, мисс Морган рассказала Софи Хэммонд, которая с большим подозрением и ревностью относилась ко всему, что исходило из апартаментов мистера Коркорана, что определённого времени суток, когда появляются привидения, нет. Однако люди видят призраков либо на рассвете, либо под вечер. Мнение о том, что привидения появляются в полночь, ошибочно.

— И что делать, если увидишь привидение? — поинтересовалась Софи.

Оказалось, надо проявить галантность. Быть как можно вежливее. Спросите его, что оно тут делает, и чем вы можете быть ему полезны. Привидения не могут причинить нам вред. Их внезапное появление может лишь напугать. Они — те же самые люди, только покинувшие тело.

— Вы ведь были вежливы с призраком, мистер Коркоран?

Тот на минуту задумался, но потом заверил её, что, пожалуй, да... хоть полной уверенности в голосе мистера Коркорана не было, а на лице его снова промелькнуло выражение брезгливое и насмешливое.

— А как избавиться от привидения, вторгшегося к вам в дом? — спросила мисс Стэнтон. Она вообще-то никогда не видела призраков, но слышала о них многократно, а ещё больше — читала в романах. Там они были страшными и пугающими, однако, она заметила, что мистер Коркоран был совсем не испуган.

— Надо выяснить, — просветила её мисс Морган, — что ему нужно, и помочь. Если же это не поможет, то его можно просто выжить. Например, можно на протяжении длительного времени играть на рояле одну и ту же мелодию. Привидению это быстро надоест, и оно уйдёт.

Милорд Хэммонд был изумлён появлением привидения в своём доме. Вообще-то, на Британских островах всегда было больше привидений, чем где бы то ни было. Количество духов зависит от того, насколько это приемлемо для народа. Британские призраки — часть культуры. В Англии они были во все времена и при любом правительстве. Суды всерьёз рассматривали заявления домовладельцев, требующих снизить налоги, так как в некоторые замки Англии с привидениями трудно было подыскать жильцов. Однако всегда существовали и конторы, специализирующиеся на продаже недвижимости с привидениями. Перед куплей-продажей тщательно исследовались родословные, штудировались источники из архивов, потом дома выставлялись на торги.

— Но у нас никогда и никого не было, — развёл руками старый граф. — Как оно выглядело-то?

Но мистер Коркоран не только не добавил новых подробностей о призраке, но и, кажется, за ночь забыл старые, и тема быстро исчерпалась. Только мисс Морган напоследок заметила, что любой призрак исчезнет, если обойти вокруг него девять раз, на что мистер Коркоран ответил, что виденный им призрак был настолько любезен, что исчез без всяких усилий с его стороны.

— Призраки, наверное, страшны, но бывают дни, когда люди вселяют в меня куда больший ужас, — добавил он, поморщившись.

При этом мистер Доран заметил, что мисс Нортон бледна, и не принимает никакого участия в разговоре, столь же молчалив её братец, тоже ни слова не сказавший о привидениях.

Однако, если все мужчины, запертые в четырёх стенах, мрачно озирали пасмурное небо за окнами, то мистер Нортон — ликовал. Он уже при одном только взгляде на мистера Коркорана, появившегося в гостиной перед завтраком, потерял и самообладание, и даже — румянец на щеках. Но Кристиан снова обратил на его волнение и сбивчивое приветствие не больше внимания, чем на шум дождя за окном, лишь досадливо кивнув головой.

После завтрака призрачная тема стала совсем уж иллюзорной. Мистер Коркоран поторопился уединиться в гостиной с мистером Дораном, неожиданно затеяв обсуждение одного из самых сложных вопросов догматического богословия — христианской аскезы.

— Уже в уставе св. Бенедикта аскеза была свободна от самоистязания, — с увлечением и страстью повествовал он, — это проявилось и у клюнийцев, и цистерцианцев и, наконец, у иезуитов. Она превратилась в разработанный метод рационального поведения, целью которого было освобождение человека от иррациональных инстинктов и подчинение его поступков Высшей этике. Подобное было и основным идеалом практической жизни пуритан. И ведь какое удивительное влияние оказала наша вера на национальный тип аристократа! Холодная сдержанность, высокое самообладание, характеризующие лучших представителей английских джентльменов, идут именно отсюда! — оживлённо

витийствовал он.

Мистер Доран согласился с собеседником, но не мог не заметить завуалированного стремления мистера Коркорана сделать все, чтобы никто другой не смог присоединиться к их беседе, избрав темой разговора то, что ни интеллектуально, ни психологически не могло привлечь никого из присутствующих. Он оценил скрытое злое остроумие собеседника и улыбнулся.

— Да, пуританская аскеза стремилась научить человека руководствоваться божественными догматами, — с улыбкой заметил он, и поймал ответную улыбку мистера Коркорана, сардоническую и игривую, — другими словами, воспитать в нём личность, не зависимую от движений плоти и дурных инстинктов... «Стремиться-то она стремилась, да мало преуспела», досадливо подумал он про себя, вспомнив свое вчерашнее искушение, из-за которого снова плохо спал ночь, и положил при следующем подобном искусе наложить на себя тройную епитимию, — и пусть спина искупает похоти плоти.

— Но ведь и католицизм, несмотря на его не столь строгую моральную взыскательность, не видит в этически беспорядочном существовании ничего достойного, и основание св. Франциском ордена терциариев и было попыткой наполнить повседневную жизнь аскетическим содержанием. У нас же предпринята попытка духовную аристократию монахов вне мира вытеснить духовной аристократией святых в миру, — увлечённо провозгласил мистер Коркоран.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Верно. Люди, подчинившие свою жизнь методической регламентации, были и оставались *par excellence* монахами, и каждый христианин должен быть монахом в течение всей своей жизни. Перемещению аскезы в монастыри была поставлена преграда, и те глубокие натуры, которые до той поры становились лучшими представителями монашества, теперь вынуждены были осуществлять аскетические идеалы в рамках мирской жизни...

— И у некоторых это даже получалось, — рассмеялся, подмигнув мистеру Дорану, Коркоран.

Они продолжали, ни на кого не обращая внимания, свою беседу об аскетике. При этом мистер Доран хоть и понял, что его собеседником разговор был затеян лишь для того, чтобы отвязаться от восторженных взглядов девиц и охладить пыл надоедливового мистера Нортон, но не мог не отметить, что Коркоран подлинно сведущ в этих вопросах, немало думал об этом и о некоторых вещах судит явно из опыта.

Их слушали все, не вмешиваясь в разговор.

На мистера Стивена Нортон беседа произвела впечатление ушата ледяной воды. Сначала он просто ничего не понял. Брошенное когда-то мистером Коркораном высокомерное суждение о женщинах заставило его предположить, что он тоже одержим влечением к мужчинам — ничего другого он и предположить не мог, а то, что теперь декларировал Коркоран — было в его понимании просто абсурдом, суждением, лишавшем его всех надежд, просто оскорблением его любви. Аскет? Как это? Зачем?

Сам мистер Коркоран абсолютно не замечал Стивена, разговор с Дораном подлинно увлёк его. Но увлёкся и священник, тем более что от принципов аскезы его собеседник перешёл к вопросам бытийным, коснувшись и событий собственной жизни.

— Человек рождается дважды: из утробы — телом, и с того момента, когда пронзит горе — душою. Это второе и подлинное рождение. У меня появление на свет совпало час на час с бедой. Я не был даже рождён, как Дункан, вынутый из мёртвой утробы, — мистер

Коркоран поморщился. — Старухи болтали, что я — сын смерти, дитя дьявола. Я слышал эти злые слова, и они меня убивали. Но ведь и спасло меня — тоже слово... Я зашиб ногу Робби, соседскому мальчишке, дразнившему меня. Миссис Эллиот, моя воспитательница, видя мою злость, слыша проклятия и обещание убить Робби, сказала, что мои слова — и вправду дьявольские. «Но ведь тогда получается, что обижающие тебя правы?» Почему эти простые слова так потрясли меня? Потом я понял. Она любила меня, и слова её были словами подлинной любви. Они обожгли меня. Слова Истинной Любви обжигают. Я умолк. Душа успокоилась. Ночь я провёл без сна. На следующий день я попросил прощения у Робби. Нельзя доказать, что ты — не сын дьявола, если ты поступаешь дьявольски. Это верно. Я дитя смерти? Нет. Я проживу до могилы с чистыми руками, сказал я себе. И мне показалось, что в душу вошёл Господь. Глупцы не понимают. Чедвик сказал, что мне не надо *играть* Гамлета. Я и есть Гамлет. Я понял его. Гамлета делает Гамлетом не убийство Клавдием отца и не предательство матерью его памяти. И не месть. Гамлет не может мстить. Мечь — дело гнева. Но разве Гамлет в гнев? Он брезгливо смотрит на поведение родившей его и самой близкой ему по крови и, узнав об убийстве отца, — испытывает не гнев, а потрясение, но это потрясение омерзения, гадливость. Такое же, как испытываешь, глядя на гноящиеся зловонные сифилитические язвы и смрадные выгребные ямы. Хочется уйти, но уничтожать их — не хочется. Гнилое не терпит прикосновений. Перемажешься... помните... «Ведь у меня и печень голубиная — нет желчи, чтоб возмущаться злом...» Кротость не умеет негодовать. Распад вызывает жалость и отвращение. Разложение чужой души скорее способно ужаснуть, напугать, чем рассердить или разгневать. Надо бояться гнева терпеливого и ярости смиренного, но терпеливые и смиренные в бешенство впадают... только когда сокрушается, разбиваясь, сердце.

Доран долго молчал. Он снова почувствовал, что перед ним одарённый артист, выдающийся лицедей. И в то же время к нему пришло понимание, что нельзя высказывать суждения, подобные тем, что изрекал Коркоран, не разделяя их. Он видел, как корчился по ходу их беседы мистер Нортон, как нервно перекашивалось его лицо, какое отчаяние мелькало в глазах. Слова Коркорана причиняли ему боль невообразимую, и в то же время полного понимания сказанного у мистера Нортоня явно не было. Он лишь вычленил из них то, что делало тщетными его надежды. Между тем сказанное несло печать понимания вещей предельных. Никакой подлец этого бы не понял. Подлецов такие вещи вообще не интересуют и просто не доходят до них. А значит, проступала та, вторая предельная грань, позволявшая предположить в этом красавце... по меньшей мере, мудрость совершенных.

Доран вздохнул.

— Мне всегда, как служителю церкви, Гамлет казался... человеком праведным. Святым.

— Полно, мистер Доран. Он оставляет вокруг себя семь трупов.

— Гамлет убивает своей волей лишь короля. Ни в смерти матери, ни Офелии он неповинен. Полоний становится жертвой случайности, Лаэрт гибнет сам, а Розенкранц с Гильденстерном... Людей губит не Гамлет, а собственная низость или глупость.

— Ваше суждение жестоко, мистер Доран, но, впрочем, я и в суждениях Христа никогда не замечал ничего сентиментального.

Морган, Стэнтон и Кэмпбелл вяло перебрасывались в карты, девицы, устав слушать непонятный им разговор, тоже затеяли игру в кадриль. Мисс же Бэрил, сидя с рукоделием, внимательно прислушивалась к разговору мужчин и недоумевала. Мистер Коркоран, несомненно, говорил вещи разумные и праведные. Но эти слова делали тщетными все

надежды Софи. Аскетизм и чувственность несовместимы. Мисс Бэрил считала, что наши душевные и любовные порывы можно и нужно обуздывать — недопустимо поддаваться им, как делала кузина. Но в столь молодом и красивом мужчине — такая возвышенная строгость взглядов? Не меньше недоумевала она, глядя на странное поведение мистера Нортон. Её пугал и болезненно-одержимый взгляд, которым этот молодой человек окидывал мистера Коркорана, с беспокойством наблюдала она и за его нервными движениями, опасение вызывали и его попытки быть как можно ближе к их кузену. Он вёл себя, как мисс Хэммонд, выказывая явные признаки несомненной влюблённости. Но как это могло быть? Она снова и снова вглядывалась в юношу и все сильнее удивлялась.

А дождь всё лил и лил, за окном набухала и ширилась мрачная серая пелена. После обеда Доран и Коркоран перебрались поближе к камину. Рано зажгли свечи. Мистер Нортон тоже сел неподалёку. Мисс Софи и мисс Эстер, бросив игру, снова слушали мужчин. Подошла поближе и мисс Розали, несмотря на резкий оклик брата. Священник, видя навязчивость этих людей, всё больше понимал Коркорана в его стремлении к уединению. Теперь он уразумел, что глубина суждений заставляла Коркорана скучать в кругу обывателей, и настойчиво избегая общества девиц, он не играл и не притворялся равнодушным и пресыщенным. Такого человека суeta занимать и не могла, «ведь вечность — звук не для земных ушей».

Коркоран косвенно подтвердил его размышления.

— Я жалею, что лорд Чедвик уговорил меня играть. Эту роль нельзя играть безнаказанно. Гамлет, переживший пятый акт, не может влюбиться в новую Офелию, улыбаться бродячим актёрам, шутить с Горацио...

— По-вашему, роль меняет душу игравшего её? Вы изменились?

— Наверное. Хотя не сразу это заметил. Я не очень-то склонен к самонаблюдениям. Всматриваться в самого себя — верный способ до неузнаваемости исказить собственный облик. А может, причина вовсе и не в ролях.

— Вы, я заметил, сторонитесь... людей. Вы стали равнодушны к миру?

— Равнодушный не заботится ни о себе, ни о других, мистер Доран, будучи ко всему безразличен. Я же кое-чем всё же озабочен. Но в отличие от суетливого, что беспокоится обо всем на свете, меня пустяки не занимают. Я не суетлив и не равнодушен, я — бесстрастен. Только и всего. Я вижу мир. В нём есть глупцы и мудрецы, подлецы и благородные люди. Я не могу вложить мозги в голову глупца, равно глупо говорить о морали с подлецом. Люди же умные и благородные в моих проповедях не нуждаются. Чего все ждут от меня? Подлинно возвышенные умы равнодушны к бедам, прежде всего бедам собственным. В бедах же, постигающих других, они видят либо кару, либо испытание. Равно индифферентны они к счастью, и к своему — и к чужому. Чтобы жить в Духе, нужно быть спокойным, как плывущее облако или озёрная гладь. Стоит увлечься чем-либо суетным — погрязнешь в море суеты.

Трудно сказать, поняла ли его слова мисс Хэммонд, но она не удержалась от едкого замечания.

— Нам предписано думать о ближних, мистер Коркоран.

Коркоран удивлённо обернулся к ней. Его губы тронула чуть ироничная улыбка.

— Я, милая кузина, состою первым в списке попечителей своего прихода, щедро жертвую на благотворительность и добрые дела, а этой весной даже участвовал в Пасхальной лотерее. Притом — выиграл поросёнка, коего пожертвовал семейству бедного

лудильщика. Добрые порывы иногда проникают, поверьте, и в моё бесстрастное сердце, — глаза Коркорана смеялись.

Когда вечер сгустил за окнами сумрак, мисс Стэнтон, занятая рукоделием, подошла и села ближе к свечам. Она не принимала в разговоре никакого участия и не поднимала глаз на кузена, хотя, как заметил мистер Доран, внимательно слушала их беседу. Её брат Клэмент, взбешённый вниманием кузины Софи к мистеру Коркорану, отыгрался на Бэрил, резким шёпотом насмешливо заметив ей, что уж она-то может не утруждать себя погоней за красавцем — всё равно не светит.

Бэрил вздрогнула, глаза её налились слезами и, поднявшись, она торопливо вышла. Кристиан Коркоран бросил на Стэнтонна взгляд, в котором Дорану неожиданно померещилась ледяная злость.

Глава 9. «Я люблю вас до безумия, до бреда, до отчаяния. Я не могу жить без вас...»

На следующее утро дождь прекратился, небо было прозрачно, а солнце сулило прекрасный день, отражаясь игривыми бликами в огромных лужах. Но земля была сыра, и легко было вообразить, что творится на болотах. Коркоран, который накануне поделился с мистером Дораном своей надеждой, что ему удастся добраться до Бандитского леса, сам признал, что это пустая мечта. К тому же, солнце вскоре скрылось, и со стороны Лысого Уступа на Хэммондсхолл пополз белый вязкий туман.

После завтрака, когда девицы уже покидали мужчин, мистер Коркоран неожиданно поднялся и остановил выходящую из столовой мисс Бэрил Стэнтон. Он медленно подошёл к ней, в удивлении на его обращение замершей, и негромко заметил, что просит у неё прощения. Она, очевидно, давно поняла, ведь женщина с такими умными глазами всё понимает, что он человек не светский, обитатель леса и дикарь, и потому порой забывает общепринятые обычаи. С этими словами он извлёк из внутреннего кармана сюртука небольшую сафьяновую коробочку.

— Брат обязан подарить сестрице серьги — я же едва не пренебрёг этой милой традицией. Простите меня, Бэрил, и примите дар моей братской любви. Это работа итальянских мастеров.

Она подняла на него глаза. На лице мистера Коркорана не было насмешки, как она ожидала. Не было и улыбки. Его удивительные глаза с тяжёлыми веками и тонущем в радужной неразлично чёрном зрачке смотрели серьёзно, грустно, и несколько сонно. Теперь, вблизи, она рассмотрела, что это впечатление было обманчивым, просто тягота вежд создавала иллюзию их сонливости. Веки покрывали колдовские глаза почти на треть, ресницы гасили свет радужной, тот рассеивался и начинал мерцать крохотными искорками — вот почему глаза казались чарующими, но полусонными.

Бэрил показалось, что этим подарком он хотел сгладить вчерашнюю грубость её брата, сделать ей приятное, словно уравнивать со всеми. Мысль эта была горька, но в её горечи было что-то приятное. Приятно было думать, что хоть кто-то не считает нужным унижать её откровенными насмешками или невниманием. Она взяла коробочку. Сидевшие за столом мужчины слушали их разговор молча. Даже Стэнтон ничего не сказал, сделав вид, что поглощён сигарой.

Подарок мистера Коркорана произвёл странное впечатление на мисс Хэммонд. Сначала она почувствовала себя рассерженной и обиженной. Если кузен взялся дарить подарки сёстрам, почему же он забыл, что у него две сестры? Но потом, поражённая неожиданной мыслью, приободрилась. Мистер Кристиан дал этой жабе понять, что считает её *всего лишь* сестрой — и ничем более, в ней же он видит... Здесь её мысли были прерваны. Мисс Морган и мисс Нортон, закрыв двери в столовый зал, просили мисс Бэрил показать подарок. Софи тоже поспешила к кухне.

На белом шёлке лежали серьги. Бэрил растерялась. Это были не скромные золотые украшения, каких она ожидала. Выполненные с необычайным ювелирным искусством из червлёного серебра, они были большие и таили в сердцевине подвески сдвоенные камни — чёрный агат и странный полупрозрачный минерал, отливавший голубизной. Украшение не разочаровало Бэрил, скорее, удивило, а прочитав в глазах девиц завистливое восхищение,

вызванное и необычной красотой вещи, и оказанным ей предпочтением, она почувствовала, как потеплело у неё на сердце.

Мистер Коркоран был добрым человеком.

Удивило Бэрил и ещё одно обстоятельство. Уединившись, она примерила украшение, хотя никогда раньше не носила серёг: Клэмент обмолвился как-то, видя её в серьгах, что она похожа на пугало. Она тогда торопливо сняла их и никогда больше не надевала. Сейчас она оглядела себя в зеркале, и, чего никогда не делала, внимательно взгляделась в своё лицо. Серьги придавали ей странный вид, отвлекали внимание от носа, делали похожей на сивиллу, странно гармонировали с глазами. Волосы, облегающие лицо, заколотые по совету Софи сзади, придавали лицу совсем другой вид.

Она впервые в жизни почти нравилась себе — и решилась на то, что ещё вчера привело бы её в ужас. По выходу из пансиона у них был бал, всех выпускниц обязали быть в праздничных платьях и брат оплатил счёт — Бог весть почему, обычно он не баловал её, экономя на чем только возможно и выговаривая ей за транжирство. Но перед самым балом она простудилась — и платье, которое ей не довелось даже примерить, ибо его привезли поздно, сейчас висело в шкафу. Она побоялась звать горничную — и, заперев дверь, оделась сама, используя все советы Софи и собственные наблюдения за девушками.

...Боже мой, неужели это она? Бэрил даже зажмурилась. Ох, и вырез! Бэрил представила, что скажет брат, если увидит её, и торопливо переоделась.

Мистер же Коркоран полдня потратил на вытяжки и экстракты из собранных растений, сидя в крохотном подвале, в котором уютно обосновался со своими колбами, и закладывал под гербарный пресс найденные на болотах редкие растения. Мистер Доран поинтересовался, почему он преподнёс мисс Стэнтон серьги и не сделал подарка мисс Хэммонд? Кристиан пожал плечами и ответил, что украшение у него было всего одно, он купил эти серьги в Италии по случайной прихоти — они, выставленные в витрине ювелирного магазина в Милане, просто привлекли его внимание изысканностью. А подарил их Бэрил потому, что счёл, что они будут ей к лицу. У неё прекрасные голубые глаза. Доран бросил на него внимательный взгляд, но промолчал. Сам он понял, что подарок кузена сестре был знаком его симпатии к незаслуженно обиженной девушке, стремлением порадовать и утешить. Мистер Коркоран мог быть, оказывается, и чутким, и чувствительным.

Но вскоре Дорану довелось понять, что чувствительность в этой натуре проступала нечасто. Перед обедом мистер Коркоран сражался на бильярде с дядей, а после вернулся вместе со священником в подвал, где занимался изготовлением мятного масла путём перегонки с водяным паром зелёной массы. В колбу с широким горлом медленно стекала бесцветная жидкость с терпким ароматом и горьковатым охлаждающим вкусом. Коркоран говорил о его антисептическом и анестезирующем действии, но сам планировал использовать его для ароматизации одного изготавливаемого им эликсира.

Но тут случилось то, чего он опасался давно, и чего всячески старался избежать — хоть и считал неизбежным.

В ту минуту, когда Кристиан налил себе и мистеру Дорану прекрасный французский ликёр — «эликсир здоровья», одновременно рассказывая о тонкостях приготовления знаменитого настоя трав, подлинного бальзама, который ему однажды довелось попробовать в одном итальянском монастыре, их уединение нарушил мистер Стивен Нортон. До этого отец Доран задумывался, не рассказать ли Коркорану о том, кем является этот гость милорда

Лайонелла, которого тот и на порог бы не пустил, знай только, кем тот является, но приглядевшись, понял, что ни в каких предостережениях мистер Коркоран не нуждается.

Сейчас Кристиан раздвинул губы в улыбке, поспешно метнулся к вещевому мешку и наполнил для нового гостя бокал. Произнёс тост за королеву и предложил выпить стоя. Затем, удивляя мистера Дорана, четверть часа говорил не умолкая, сыпал анекдотами и забавными спичами. Мистер Стивен, однако, сумел вставить фразу о том, что хотел бы поговорить с ним без свидетелей, Доран торопливо поднялся, но Коркоран любезно извинился перед мистером Нортон. Сейчас он не может уделить ему всё своё внимание — идёт перегонка, он закончит всё через полчаса — и будет полностью к его услугам. Мистер Нортон выслушал его со странным выражением на лице, кивнул — и поспешно вышел. Мистер Доран задумался и поинтересовался:

— Вы же сказали, что перегонка займёт несколько часов.

— Так и есть... А... вы о том, что я сказал мистеру Нортону? — Кивнул Коркоран и неожиданно весело прыснул, сразу показавшись отцу Патрику шкодливым мальчишкой. — Я подшутил над ним. Вместо коньяка я влил ему в бокал гремучую слабительную смесь, он не сойдёт теперь с ночного горшка добрых двенадцать часов. А мы успеем дважды перегнать масло, спокойно обсудить последнюю речь премьера и возможность завтрашней прогулки в лес. — Мистер Доран вытаращил глаза. Коркоран же увлечённо продолжил, — при случае, вдруг доведётся, поинтересуйтесь у него результатом. Я использовал «Венское питье» — это сложный настой сены, сеньетовой соли, очищенного мёда и спирта. Добавил и почти 50 граммов глауберовой соли. Это не опасно, не волнуйтесь, — заверил нахал священника, — к тому же прекрасно очищает кишечник. Кто знает, может, именно застой каловых масс вызывает эти нездоровые влечения? Я посоветую ему ещё и отвар коры крушины...

Священник не знал, надлежит ли ему возмутиться злой шуткой Коркорана или же рассмеяться. Тот явно всё знал о мистере Нортоне. Но если он сам пошёл на такую же мерзость ради состояния лорда Чедвика — то выказываемое им пренебрежение к Стивену Нортону — цинизм запредельный и артистизм кощунственный.

Между тем мистер Коркоран лениво продолжил, выравнивая пламя газовой горелки.

— Вы не должны сердиться. Я заметил, сколь брезгливо вы отодвинулись, когда он вошёл, из чего делаю вывод, что вы осведомлены о его склонностях. Не осуждайте меня. Моя мера носила характер упреждающей самозащиты и педагогического нравоучения: я просто хотел занять задницу этого джентльмена её настоящим делом. Сиречь, стремился вразумить, просветить и наставить заблудшего на путь истины. Намерения у меня были самые добродетельные.

Отец Доран расхохотался. Мистер же Коркоран вздохнул.

— Будем, однако, дальновидны и предусмотрительны. Этот господин не оставит попыток предложить мне свою... — он содрогнулся, — любовь. Чёрт его знает, на что этот тип может оказаться способен... нет-нет, — заметив изумлённый взгляд священника, рассмеялся мистер Коркоран, — осквернить себя я ему и сам не позволю, успокойтесь, но просто, молю, будьте поблизости. Возможно, сорвусь и я. Оттащите меня, если увидите, что самообладание изменяет мне. Я не всегда бываю джентльменом — недостаёт выдержки.

— Вам уже предлагалось подобное? — осторожно поинтересовался мистер Доран.

— Случалось. Я заметен. Кроме того, судьба свела меня с одним из таких — близко. Они — люди, и как все люди, разнятся. Арчибальд... Я сам выделил его из толпы — у него были страшные глаза — запредельной тоски и обжигающего отчаяния. Я не мог выносить

такое. Постепенно мы сошлись, хотя он отстранялся до последнего. Бог весть, почему он вдруг открылся — видимо, душа не выдержала надлома. Воспитанный матерью-ирландкой католиком, он осознал себя содомитом. Он рассказал мне это — и взвыл. Как волк. — Мистер Коркоран вздохнул, — Я замечал в нём странности, но...такое... Я тогда впервые осознал ужас этого перевёрнутого либидо — для подлинного человека. Всю жизнь лгать, что изматывает и убивает. Притворяться таким же, как все. Иметь ничтожную возможность выбора партнёра только среди изгоев и подонков общества. Поминутно рисковать оскорблением или пощёчиной. Гарантированная бездетность. Преждевременное старение. Позор для близких. Одиночество в старости. Страх геенны. Есть от чего взвыть. Но в несчастном Арчибальде была ненависть к мерзости в себе, сильная воля, кристальная душа — он никогда не допустил бы этого.

— Вы говорите о нём в прошедшем времени?

Мистер Коркоран улыбнулся.

— Арчибальд жив. Я много сил положил, уверяя его, что у него есть силы это перенести. Сфера духа, стезя интеллекта не были закрыты для него. Научил аскетике. Сегодня он работает — и весьма продуктивно. О нём говорят, что он пожертвовал всем ради науки. На самом деле — он пожертвовал похотью ради чести. Достойный выбор. Но это Человек. А это... — мистер Коркоран поёжился, — он даже не задумывается, что творит. Надеюсь, его пронесёт основательно. Ужинать он, думаю, не будет.

Учёный оказался прав в своих предположениях. Мистер Нортон, пожаловавшись на недомогание, не явился на ужин. Не пришёл он и на партию в вист, на которую был приглашён Стэнтоном. Он вообще в тот вечер никого не обременил своим присутствием. Мистер же Коркоран, смеша Дорана, выражал сожаление, что не может провести наблюдения за перистальтикой кишечника мистера Нортон: это было бы интересно и поучительно, и обогатило бы науку.

Утром следующего дня Коркоран юркой белкой выскочил с ботанизиркой и охотничьей сумкой из своих апартаментов и торопливо направился к Лысому уступу, миновал топь, и углубился в лес. Вернулся к обеду, и тут же узнал от отца Дорана, что действие его дьявольской смеси кончилось: мистер Нортон был на завтраке и даже съел что-то, хоть и был каким-то зеленоватым. Мистер Коркоран пробормотав, что даже девятидневное чудо длится только девять дней, развёл руками. Обед велел подать себе в гостиную, но когда вместе с Дораном вышел из дома, направляясь по лестнице, ведущей с террасы, вниз, на ступенях его снова ждал Стивен Нортон.

Глаза Коркорана не потемнели — их чернота не допускала этого, но лицо напряглось свинцовой тоской. Мистер Нортон извинился, что его вчерашнее недомогание помешало назначенной встрече. Коркоран склонил голову на полдюйма, давая понять, что принимает его извинения и двинулся к садовой галерее, вынуждая Стивена идти следом. Оставшийся на лестнице отец Доран, подумав мгновение, обошёл галерею с той стороны, где заросли лигуструма отделяли искусно сделанные садовником альпийские горки от колонн, и вышел на голоса, присев на скамью у клумбы. Он не верил в опасность этой встречи. Гениальный артист, святой или пройдоха, этот человек способен был за себя постоять, и Доран уже давно понимал это. Он видел говорящих, слова улавливал, к тому же по жестам мистера Нортон ему не составляло труда понять, о чем шла речь. Говорил Нортон, Коркоран же вяло слушал.

— Я — *inverti*. Вы должны понять меня, Кристиан. Я полюбил вас раньше, чем увидел. Едва я услышал ваш голос в «Атенеуме», понял, что моя душа принадлежит вам. Но, увидев

вас, был потрясён. Вы стали моим Богом, моим смыслом, моей любовью. Я видел ваше лицо по ночам в путанных снах, а днём моя рука неосознанно чертила ваш профиль на листах бумаги, потом я потерял различие сна и яви, видя ваш образ всегда и везде. Вы мой идол, ваша красота божественна. Я люблю вас до безумия, до бреда, до отчаяния. Я не могу жить без вас.

— Дорогой Стивен, ваши слова льстят мне, — резко произнёс мистер Коркоран, хотя, справедливости ради следовало заметить, никаких следов польщённой растроганности на его лице заметно не было. Он, похоже, едва скрывал бешенство. — Тем не менее, если мы от любовных признаний сразу перейдём к делу — то чего вы от меня хотите? Вы не можете не понимать, что я не имею ненормальных плотских склонностей. Допустить, чтобы кто-то, какие бы цветистые слова он не говорил, вторгался в мою задницу — я не смогу никогда, это ниже моего достоинства. Есть позы, в которых мужчина раз и навсегда перестаёт быть мужчиной. Я не могу понять, как после этого мне называть себя джентльменом. Если же вы предлагаете использовать вас в качестве женщины — тому тоже есть во мне неодолимое препятствие. Я считаю свое тело — храмом Бога Живого. Если мне случается использовать собственную руку для самоуслаждения — я не ем после два дня, в наказание за то, что моя похоть пересилила меня. Я — господин себе, и никто, кроме Господа, не будет управлять мной. Но если я позволю своему благодарованному органу любви вторгнуться в вашу задницу, поймите, Стивен, — мне придётся отказаться от пищи навсегда.

— Вы издеваетесь! Вы не хотите понять... — мистер Нортон задыхался.

— Ну, почему? Стараюсь... если вы готовы, не приближаясь ко мне, обожать меня на расстоянии, — это я пойму. И даже дозволю. Если ваша любовь чиста — любите меня как брата... с трёх ярдов.

— Но вы просто не можете себе представить это наслаждение! Не испытавший — не понимает. Ни одна женщина не даст вам такого счастья, ведь я понимаю, что услаждает мужчину, я...

— Нортон, угомонитесь. Почему подобные вам всегда начинают с красивых слов и моментально скатываются в задницу? — взгляд мистера Коркорана злобно блеснул, — Я никогда не позволю вам опоганить меня. По убеждениям я консерватор, но могу временами проявить и либерализм. Я готов согласиться, что для людей, подобных вам, можно сделать исключение. Вы *можете* реализовывать вашу похоть с себе подобными. Но у вас нет права притязать на меня. У вас — похоть, у меня — чувство собственного достоинства. Я не поступлюсь им даже ради своей похоти, что же говорить о вашей-то?

— Пока не испытаешь этого удовольствия, не достигнешь подлинной мужественности. Когда я встречаю обычных мужчин, я знаю, что они познали только половину любви!

— А вы уверены, что я жажду подобного познания? Нортон, овладев женщиной, к которой меня влекло, я пресытился за десяток минут. Зачем же мне овладевать мужчиной, который, к тому же, ничем прельстить не способен? Меня так много, что мне не нужна ничья любовь, кроме Божьей, — в вас же просто нечего полюбить. Что до «удовольствия»... Я понимаю, что для подобных вам мои слова непостижимы и даже непостижимы по сути. Для таких, как вы, я маргинален. Но просто примите к сведению — меня не интересует животное самоудовлетворение. Я понимаю, как дико для вас звучит, когда плюют на цель и смысл вашей жизни, но я аскет и вполне самодостаточен в своем аскетизме. Вы просто не нужны мне. Я мужчина и иногда хочу женщину. Иногда. Получить же ваше «удовольствие» с моими возможностями я могу за пару фунтов — где угодно, когда угодно и сколько угодно.

Но это мне не угодно. Я живу в том мире, о существовании которого такие, как вы, даже не подозревают.

— Нет, нет, не уходите... Поймите, я не могу без вас, я люблю вас, — тут мистер Нортон прикоснулся к плечу мистера Коркорана.

Тот брезгливо отпрянул.

— Я понимаю, но вы просто не угадали, Нортон, вы ошиблись в объекте привязанности. Только и всего. Обычно людей ваших склонностей, Стивен, хочется избить, но вас даже избить не хочется. Или... всё же хочется? — Коркоран брезгливо поморщился. — Поищите себе партнёра сходных убеждений. Извините.

Коркоран быстро прошёл по галерее и, не обращая внимания на молящие возгласы мистера Нортон, поднялся по лестнице в дом. Через несколько минут в столовой к нему присоединился мистер Доран. Руки Коркорана, набивающие трубку, нервно тряслись. Закурив, он несколько минут молчал, потом проронил.

— «Но так же, как не дрогнет добродетель,
Каких бы чар ни напускал разврат,
Так похоть даже в ангельских объятьях
Пресытится блаженством и начнёт
Жрать падаль...» —

вяло процитировал он Шекспира, и уже прозой продолжил, — Это непостижимо. Мне часто встречались и безумно удивляли эти странные людишки. Один, помню, сказал о себе, что он — ирландец. Другой позиционировал себя как тори. А этот начал с того, что он — *inverti*. Как можно? Я не могу найти себе определение. Я — запах соцветий лигуструма в летних росах и лучи солнца, разрезанные острой кленовой листвой, я — дыхание ночи и сияние звёзд, я — морской бриз тосканских равнин, я — блуждающий дух северных лесов, болотный огонёк над метановыми испарениями гнилых топей, я — бездна рассеянных смыслов и образ Божий! И чего несть во мне? А эти... определяющие себя через национальность, политические убеждения, или, что хуже всего, через похоть. Этому даже имени нет... — он глубоко затянулся, откинувшись в кресле.

— Так он... предложил вам себя... — тоскливо поинтересовался священник, — или... возжелал вас? — я не понял.

— Я не вижу в этом никакой разницы, но, по-моему, он хотел быть моей любовницей. — Неожиданно он осведомился, беря с комода скрипку, — вы не будете возражать, Доран, если я сыграю несколько полифонических ронделей Жоскена Дебре? Одухотворённую созерцательность и просветлённую вдохновенность этой музыки можно ощутить только в старых готических храмах, для которых она писалась. Я смогу дать лишь *cantus firmus*, главный «твёрдый напев», повторяемый при инверсиях. Эти звуки подобны прозрачной ясности света на полотнах Яна ван Эйка. Помните его «Богородица в церкви»?

Он заиграл.

Это была подлинно неземная музыка, и Доран вскоре, погрузившись в сосредоточенную гармонию готики, почти забыл о недавней мерзости. Изысканный и утончённый мотив уносил ввысь, и священник снова отметил одарённость мистера Коркорана, смычок в его изящных руках казался невесомым, скрипка издавала божественные звуки.

На столь мастерское исполнение в столовую скоро заглянул хозяин Хэммондсхолла, милорд Лайонелл, мистер Стэнтон и мисс Хэммонд, подошли и джентльмены. Последней робко появилась мисс Стэнтон в красивом сером шёлковом платье, удивительно подходящем к её новым серьгам. Желание, чтобы её увидели в этом платье, томящее, непостижимое для неё самой, всё же пересилило робость. Бэрил просто не могла не показаться в нём, хоть и понимала, что может сказать брат. Но сейчас, услышав исполнение мистера Коркорана, она забыла обо всём, замерла, потрясённая и околдованная.

Меж тем, сыграв рондел, Коркоран опустил скрипку.

Мисс Бэрил робко поинтересовалась, не Лассус ли это? Стэнтон шикнул было на неё, изумлённо воззрившись на её платье, но кузен сказал, что это готика французской, а не нидерландской школы, хотя сходство меж ними и значительно, и поинтересовался, поёт ли кузина? К немалому изумлению Клэмента и мистера Дорана, Бэрил кивнула. Мистер Коркоран предложил спеть дуэтом. Что она скажет о шотландских балладах «лондонского» Баха? Или Лассус? Жаль, он знает только шансоны на три голоса. Мистер Доран робко предложил свои услуги. О, он тоже поёт? А у мисс Бэрил есть ноты? Как оказалось, мисс Стэнтон помнила шансоны наизусть — ещё по пансиону. Но в итоге решили петь дуэт Баха, а Дорану предложили сыграть фортепианную партию.

Они начали, и священник внутренне обмер. Голос Коркорана был очень красив, но когда зазвучал, вступив за ним, голос Бэрил, мистер Доран на секунду остановился, впрочем, пропустив такт, выправился. Изумление и растерянность читались на всех лицах: голос мисс Стэнтон был необычным сопрано, бархатистым и нежным, звучным и проникновенным. Это был голос неба.

Дуэт удался. Доран впервые внимательно посмотрел на лицо мисс Бэрил. Сейчас, порозовевшая от восторженных похвал мистера Коркорана и дяди, с блестящими глазами и улыбающаяся — она показалась ему совсем иной, в её чертах проступили значительность, даже, пожалуй, красота, но не расхожая, а потаённая. Распущенные до плеч и уложенные сзади итальянским узлом волосы завивались на висках, серьги — подарок мистера Коркорана — безусловно, очень шли ей. Новое платье преобразило девушку. Даже брат неожиданно посмотрел на Бэрил с каким-то недоумённым уважением. Её голос поразил и его. Удивлены были и переглянувшиеся мистер Кэмпбелл и мистер Морган. Никто из них не ожидал таких дарований в дурнушке. Мисс Хэммонд восторга не выразила, на лице её отразились растерянность и изумление. Сейчас она горько пожалела о своих советах кузине, пришедшихся так впору.

Стемнело. Подали свечи. Вечер прошёл, как обычно — мужчины перебрасывались в карты, дамы играли в лото. Мистер Нортон не появился, но никто не озаботился этим. Мистер Коркоран был куда более общителен, чем раньше, мил и любезен с мисс Бэрил, посоветовал ей сохранить распущенные волосы, заметил, что в её чертах проступает сходство с одной итальянской фреской в соборе святого Петра в Ватикане — она похожа на одну из жён, оплакивающих Христа. Есть в ней сходство и с Лаурой Баттиферри, супругой скульптора Бартоломео Амманатти, моделью известного портрета Бронзино. Сам он неоднократно замечал такие удивительные совпадения лиц людей давно ушедших, запечатлённых на старых портретах — и ныне живущих. Однажды встретил в Пьемонте хозяина придорожной харчевни — вылитый был «неизвестный в красном берете» Гольбейна-младшего! А вот мистер Доран похож на апостола Иоанна с картины Якоба Иорданса, только постарше будет. Ему же самому говорили, что он имеет сходство с

портретом одного из европейских императоров, Карлом V, но когда он посмотрел картину, то нашёл только некоторое сходство в глазах и линии век, а уж костюм, в котором изображён упомянутый монарх, запечатлённый со своей борзой, он в жизни не надел бы.

— Впрочем, сходству лиц не стоит удивляться, ведь ныне живущие — потомки тех, ушедших. Но вариаций лиц, кажется, должно быть бесчисленное множество: ведь разнятся родители, однако, они удивительно повторяются.

— Я тоже замечал, — кивнул мистер Доран. — В Италии, во Флоренции, в одном из музеев мне попался портрет моего учителя музыки — лицо, фигура полностью совпадали. Более того, картина изображала музыкантов. Правда, датировалась она семнадцатым веком. Чудеса...

Мисс Бэрил, улыбаясь, заметила, что сам мистер Доран похож на портрет Вальтера Скотта, который она видела в Лондоне, но Коркоран, смеясь, сказал, что Скотт — типичный шотландец, и выглядит увальнем, а мистер Патрик Доран — гораздо худей. В ответ Доран, рассмеявшись, заметил, что его предки действительно из Эдинбурга, кроме того, он состоит в отдалённом родстве с семейством писателя.

Мистер Коркоран успокоил его.

— Это ничего. Джонсон говорил, что даже из шотландца может выйти толк, если отловить его молодым. Он и о нас высказывался тоже лестно, утверждая, что ирландцы — честный народ: доброго слова, дескать, друг о друге не скажут.

Разговор этот раздражал Софи Хэммонд, ей хотелось, чтобы мистер Коркоран сказал бы, на кого похожа она, но он словно забыл о её существовании. Равно не обращался он ни к мисс Нортон, ни мисс Морган. Зато по настоятельной просьбе милорда Лайонелла ещё несколько раз услаждал слух гостей Хэммондсхолла виртуозным скрипичным исполнением — на сей раз милых салонных пустячков, утверждая при этом, что музыка — единственное чувственное наслаждение, являющееся абсолютно безгрешным. Мисс Стэнтон на прекрасном дядином рояле, сделанном Бродвудом, легко подыгрывала, едва улавливая мелодию, мистер Доран взял виолончель — ему хотелось быть поближе к мисс Бэрил.

За полночь все решили разойтись спать. Мистер Коркоран ещё в гостиной громко пригласил мистера Дорана зайти к нему в спальню — он покажет ему гербарий растений Индии, подаренный лордом Чедвиком. Священник удивился — для подобной демонстрации время можно было найти и утром, но тут же всё понял. Мистер Коркоран, похоже, просто страховал себя на случай появления новых призраков.

Так и оказалось. Едва они вошли в апартаменты Кристиана, по пути восхищаясь прекрасным голосом мисс Бэрил, как мистер Коркоран, торопливо оглядев спальню, заглянув даже за полог кровати, выразил мысль, что рассмотреть гербарий можно и в другое время, и пожелал отцу Патрику спокойной ночи. Тот, усмехнувшись, кивнул. В положении красавца были и свои недостатки, понял он.

Уже в постели Доран несколько минут развлекал себя предположениями, что за призрак забрался в прошлый раз за полог постели мистера Коркорана, как тому удалось выгнать оный, и каким образом оноо бесплотное существо могло надеть тогда столько шума, но ответа не находил, лишь перебирал предположения. Но главное, о чём он не хотел думать, но не думать не мог — был удивительный, открывшийся вдруг дар мисс Бэрил Стэнтон. Теперь Доран понял её головную боль при исполнении мисс Морган: с таким-то талантом слушать бездарное визгливое пение! Он заметил, однако, что никаких плотских тягот не испытывает, несмотря на то, что вырез платья мисс Стэнтон очаровал его новыми

несомненными достоинствами, — на душе его было легко и как-то празднично, как порой бывало только на Рождество.

Ночью мистеру Дорану неожиданно приснился странный сон. Он видел Кристиана Коркорана в тоге, похожей на римскую. Тот нёс с Лысого Уступа на плечах гроб, небо рассекала молния, на ступенях у входа в Хэммондсхолл, больше похожего на какой-то античный дворец, сидела мисс Бэрил и пела какой-то забытый им, Дораном, хорал.

Глава 10. «Мне безумно хотелось плюнуть на его могилу...»

Наутро небо опять хмурилось, и снова накрапывал дождь. Доран проспал рассвет, но оказалось, что никто из гостей его сиятельства ещё не просыпался. Проспал и мистер Коркоран, который полночи, как он пожаловался позднее, не мог уснуть. Когда оба в ожидании завтрака вышли на сырую террасу, она была пуста. Однако почти сразу к мужчинам присоединились мисс Хэммонд и мисс Нортон, на сей раз — странно обеспокоенные и недоумевающие. Мистер Доран удивился — он заметил, что до этого девицы некоторое время были в ссоре и не разговаривали друг с другом. Но сейчас они торопливо приблизились, при этом первой заговорила мисс Софи, тогда как мисс Эстер молчала, испуганная и подавленная.

— Простите, мистер Коркоран, но... мисс Нортон зашла утром к брату и говорит, что он не ночевал у себя в спальне. Там лежат нераспечатанные письма, и кровать не разобрана. Его нет.

Доран и Коркоран переглянулись. Оба они только порадовались бы, если бы мистер Нортон убрался к чёртовой матери, но если он и вправду убрался, то какого чёрта не предупредил сестру?

— А его вещи на месте, мисс Эстер? — в голосе Коркорана звучал не столько вопрос, сколько, как показалось Дорану, с трудом скрываемая надежда.

Та растерянno посмотрела на мужчин, потом сказала, что уточнит, и убежала в его комнаты. Она крайне неохотно сказала мисс Софи об исчезновении брата, опасаясь поднять шум и скомпрометировать его. И без того Стивен в последние дни был сам не свой, издёрган, резок, истеричен. Только накануне между ними возник скандал. Мисс Нортон, безусловно, проникла в спальню мистера Коркорана, уповая на то, что он подлинный джентльмен, к тому же она опасалась, что её опередит эта губастая дурочка мисс Морган или её подруга Софи, которая смотрела на Коркорана глазами, выдававшими самую пылкую страсть. Но этот мужчина должен принадлежать ей и только ей! И кто бы мог подумать, что объяснению с мистером Коркораном помешает её придурковатый братец! Ей было стыдно устроенной им сцены, она целый день не могла оправиться от афронта. По счастью, вопреки её ожиданиям, Стивен на следующий день не досаждал ей, он вообще не выходил из своей комнаты. Под вечер она мельком видела его, но, злясь на него, не зашла ему перед сном. И вот...

Но куда он мог деться? Все вещи брата были на месте, развешены в шкафах и разложены по полкам. Он явно никуда не собирался уезжать. В нижнем отделении шкафа стоял пустой саквояж.

Между тем мужчины решили поискать в саду и в галерее, какой бы невероятной не казалась мысль, что он провёл ночь на улице, но тут вернувшаяся мисс Нортон сообщила о результатах своих поисков, Коркоран попросил девиц оповестить милорда Лайонелла и поднять на ноги слуг. Те обыскали парк — и все безрезультатно. Доран спросил, не следует ли им пройти к Лысому Уступу? Коркоран бросил на него странный взгляд, пожал плечами, спросив, что ему там делать, но оба направились к болотам.

На Лысом Уступе никого не было, поваленный древесный ствол — пуст, стянутые над болотом метановые пары — зловонны и удушливы. Белый туман стелился по земле. Однако

тут Коркоран хмыкнул. За ствол завалилась шляпа, в которой он признал цилиндр мистера Нортон. Стало быть, он и вправду был здесь. Мужчины спустились по тропинке вниз к подножию уступа — и остановились. Нечего было и думать после таких дождей штурмовать болото. Неожиданно Коркоран издал какое-то восклицание и устремился по крайней, почти незаметной тропинке под скальный уступ, где, кривляясь подобно площадному скомороху, росло чахлое деревце и темнело нагромождение коричневых замшелых камней. Доран двинулся следом за ним, тоже заметив что-то тёмное среди буро-зелёной травы. Наконец, подойдя под склон уступа, они увидели того, кого искали. Тело Нортон лежало под уступом, голова была разmozжена, лицо окровавлено. Он был мёртв, как дверной гвоздь.

Ни Коркоран, ни Доран в течение нескольких минут не произнесли ни слова. Первым заговорил священник.

— Вы полагаете, это самоубийство или случайное падение? — он внимательно посмотрел на Коркорана.

Тот пожал плечами, наклонился и стал методично обшаривать сюртук покойника, и во внутреннем кармане погибшего нашёл блокнот, а в нём — записку. Он выпрямился, развернул её, прочёл и протянул Дорану. Доран видел, что Коркоран не только ни на минуту не потерял самообладания, но в его движениях вдруг проступила какая-то величаявая царственность. Это было столь зримо, что Доран даже растерялся.

— Это самоубийство.

В записке, адресованной Коркорану, говорилось, что он, Стивен, не может жить, ибо жестокость Кристиана убила его. Доран устремил внимательный взгляд на собеседника. Коркоран изящно прикрыв рот, зевнул, извинившись, что не выспался, к тому же от запаха метановой вони его постоянно клонит в сон. Самого Дорана трясло — нервная дрожь пробивала пальцы, по спине прошёл холод, он чувствовал тремоло в ногах, но, хоть и стыдился своей слабости, не мог сразу преодолеть её.

— Что будем делать? — стараясь держать себя в руках, спросил Доран Коркорана.

Его собеседник, присев на ветхий пенёк, ответил, что оставляет этот вопрос целиком на его усмотрение. Это гамлетовский вопрос — вопрос благородства. Что достойней — сказать ли правду, всё, как есть, и «честь поминоения на службе и пение псалмов тогда не будут сопровождать безумца до могилы», его завещание будет недействительным, имущество корона конфискует, и похоронят его, словно отродье сатаны, при трёх дорогах. Или — скрыть всё, и тогда на сестре не будет зловещего знака родни самоубийцы, а то ведь замуж не возьмёт никто. К тому ж не будет и возни с похоронами. Все будет чин по чину...

— Но лично я склоняюсь к первому решению. А вы?

Священник в изумлении посмотрел на Коркорана и встретил взгляд чёрных глаз, полусонных и бесовски умных. Он недооценил этого человека, притом, что оценил его запредельно высоко. Коркоран ставил перед ним один из тягчайших вопросов духа, соглашался на самое безжалостное и страшное решение, и — смеялся. Искорка сардонического смеха таилась на самом дне зрачков, теряющихся в темноте радужной, плясала в дремотных глазах удивительной красоты и лучилась тихим сиянием.

Доран же лихорадочно размышлял. Самоубийство приравнивалось к убийству и, доказанное, лишало самоубийцу всех прав состояния, даже права быть похороненным среди людей. Оглашение же самоубийства неминуемо влекло выяснение его причин. Коркорана юридически обвинить было не в чем, разве что в бессердечии и доведении несчастного до самоубийства — но записка откроет не только причины гибели глупца, но и его склонности,

после чего общественное мнение перенесёт свой гнев и презрение на погибшего. Разглашение позорных обстоятельств смерти Нортон не может не испортить жизнь и его сестре — ибо семья самоубийцы считалась хуже прокажённых. Мистер Коркоран был прав — никто, будь оглашены все обстоятельства — не женился бы уже на мисс Нортон. Доран почувствовал новую дрожь в коленях. Пальцы словно замёрзли и не сгибались.

— А несчастная девушка? Сестра содомита и самоубийцы...

— Мистер Доран, решение за вами. Только думайте быстро. Я слышу голоса вверх на Уступе. Может, посоветоваться с его сиятельством?...

— Но ведь в первом случае... вас могут счесть... пусть не виновным, но...

В глазах Коркорана полыхнуло пламя. Теперь эти глаза куда как не казались сонными.

— Бросьте, Доран. Любого, кто осмелится это сказать, я, наплевав на все принципы, *публично* сделаю своей любовницей, и он получит то, чего добивался этот. Я лишён слезливой сентиментальности. Что вы так смотрите на меня? — взъярился он вдруг, подойдя вплотную к священнику, — Вы что, считаете, я должен был уступить ему? Вымазать дерьмом храм Господень? Ответьте мне, Патрик!

Глаза его сверкали. Доран вздохнул.

— Перестаньте, Кристиан. Ничего я не считаю.

— Слава Тебе, Господи! А то подумал было, что вам самому весьма близка мысль о его петухе в вашей заднице...

— Чушь, — брезгливо отмахнулся Доран, в другой час он взбесился бы на подобные слова, но не сейчас, — но просто, поймите, у девушки будет испорчена жизнь, если все всплывёт — таких вещей все сторонятся.

— И правильно делают, Патрик, очень правильно делают. Ну да, не хочу давить на вас. Это не мой монастырь, и не мои тут уставы. Это дом графа Хэммонда — и не мне решать, что делать. Когда находишься в Риме, поступай как римляне.

Они сами не заметили, как перешли на имена. Гибель Нортон странно сблизила их, заставив принимать одно решение на двоих, решение, которое либо было предельно истинным, но и предельно жестоким, либо было милосердным, но лживым. Коркорана эта антиномия ничуть не волновала. После эмоционального всплеска, вызванного фразой Дорана о его возможном обвинении, он снова окаменел в вялом спокойствии. Однако снизошёл до того, чтобы уточнить свою позицию.

— Я отвечаю за то, что сделано мной в свободном волеизъявлении, по моему распоряжению, или хотя бы — с моего молчаливого согласия. Но я его с уступа не сталкивал, ничего ему не приказывал и самоубийства не одобрял. Меня живым вынули из мёртвой утробы, но я весьма далёк от того, чтобы считать жизнь своей собственностью. Этот же возомнил себя вправе... — Он презрительно махнул рукой. — Он заслужил ад как содомит и как самоубийца. Нужно сказать правду.

Голоса сверху доносились все отчётливей.

— А как же христианское всепрощение, Кристиан?

— Что? — мистер Коркоран искренне изумился, даже отпрянул.

— Вы не можете ему простить? Не согласны скрыть позор? Вы что, не христианин?

Глаза Коркорана снова блеснули молнией.

— Я-то — безусловно, христианин. Но причём тут всепрощение? Если вы, отче, обыскав на досуге весь библейский свод, найдёте там слово «всепрощение» — я съем подошвы собственных сапог! Но сейчас речь не о моей вере. Либо мы оглашаем все обстоятельства —

либо утаиваем их. Я, повторяю, сторонник истины.

— И вы готовы обнародовать записку? Всплывут все обстоятельства... И судьба несчастной девочки вас не волнует?

— Это разные вопросы и одного ответа на них у меня нет. Я же сказал, Патрик, решение за вами. Вы — служитель Господа и вы старше. Я подчинюсь вашему решению. — Кристиан присел на пень рядом с трупом, — кстати, как это ни удивительно, этот человек сказал правду... — проронил он. — «Я не могу жить без вас...» Истинно нельзя жить только без Того, кто является Жизнью по сути. Нет Господа — нет и жизни... так... эрзац. Но разве эти ничтожества понимают это? — он поморщился, потом, помолчав, проронил, — я не знаю, откуда берётся это искажение плотского влечения, но ощути я в себе подобное, просто затворился в глухой норе где-нибудь на перевале Сен-Готар. Смог же Арчибальд остаться человеком! Но почему эти жалкие ничтожества поддаются подобным вожделениям?

— Не все же могут быть монахами в миру...

— Не все... — согласился Коркоран, и снова вяло спросил, пришёл ли наконец мистер Доран к какому-либо решению?

Клиническое спокойствие Коркорана странно подействовало на Дорана. Он тоже пришёл в себя и снова внимательно взгляделся в Коркорана. Да, ничего не скажешь — тот не был сентиментален и не жил в искусственном мире выхолощенных абстракций и умозрительных представлений, в котором пожизненно поселяется большинство людей. Его поведение не шло вразрез с традициями, но проступало истинностью там, где солгали бы самые честные. Он не искал у других одобрения, принимал полную ответственность за свои действия, но был совершенно лишён чувства вины.

Однако Доран принял иное решение. Половинчатое.

— Записку спрячьте. Правду скажем сестре несчастного и Лайонеллу. Они, в некотором роде, заинтересованные стороны. А там подумаем.

— Хорошо, будь по-вашему. Но чувство странное, — Коркоран посмотрел на труп. — Знаете, я пережил однажды тяжкое искушение. Мой приятель... Я гостил у него на Рождество. Он располагал собственными деньгами, рано женился и по приезду познакомил меня с женой. Я мысленно ахнул. Это была... вокзальная буфетчица. Грубое лицо, вульгарные манеры, речь кокни. На партию в вист зашёл его друг, живший по соседству. Я снова ахнул. Я не физиономист, но эти бегающие глаза и крысиная физиономия... Супруга приятеля начала строить мне глазки через четверть часа после приезда. Я пошёл на хитрость. Приказал груму отправить из соседней деревушки письмо... самому себе, где от имени управляющего срочно вызвал себя в имение. Через два месяца приятель пустил себе пулю в лоб. Его жена сбежала с тем самым его другом, похожим на крысу. В прощальном письме он написал, что «не может пережить предательства любимой и друга...» — Лицо Коркорана исказила брезгливость. — На его похоронах вне кладбищенской ограды меня настигло мерзейшее искушение, Доран. Мы не выбираем родителей и родственников, — он усмехнулся, — тут ничего не попишешь. Но уж любимых и друзей — выбираем мы. Многие костерили его супругу и любовника. Вздор. Окруживший себя ничтожествами... Мне безумно хотелось плюнуть на его могилу и изо всех сил пнуть её ногой. Вот и сейчас... испытываю странное искушение пнуть ногой это животное, для которого желания его растлённой задницы были высшим законом любви. Извините, я лучше пойду. — Он поднялся навстречу спускающимся.

Отец Доран судорожно вздохнул и кивнул.

Что и говорить, Гамлет, переживший пятый акт, был существом, повергающим в трепет. Священник долго задумчиво смотрел вслед удаляющемуся Коркорану, ощущая, как заledenело у него сердце. Когда Коркоран бестрепетно обыскивал мертвеца, ему стало страшно. Лишённый физической брезгливости, он никогда и ни к чему не выказывая отвращения, прикасался к покойному, как к кукле, не обнаруживая эмоций, гадливо же морщился только от мерзости духовной. Но последние слова... Нет, это был не артистизм. Он не играл. Ханжество и лицемерие были совершенно несвойственны этому странному существу, открыто обнаруживавшему свои потаённые чувства, как благие, так и не делавшие ему чести. Но главное...

Сейчас, в ситуации, когда у любого подкосились бы ноги, он сохранял спокойствие и невозмутимую жизнерадостность. Это знак огромной силы, понял мистер Доран. Такие люди способны даже умереть весело.

Все эти размышления задержали священника у уступа, но вскоре он двинулся следом за Кристианом. Изумление Дорана возрастало с каждой минутой. Рассказав спускающимся с гибели мистера Нортон, мистер Коркоран послал слугу за носилками, сам же, вернувшись в дом, неторопливо вымыл руки. Потом сел за стол и с отменным аппетитом позавтракал, пеняя Дорану, что тот почти ничего не ест. Отцу Патрику, и вправду, кусок не лез в горло. Он не знал, что сказать Лайонеллу и мисс Нортон, и чувствовал, что неколебимое спокойствие Коркорана почему-то действует ему на нервы. Тот же, плотно закусив, долго наблюдал из окна столовой за транспортировкой трупа, потом, заметив состояние священника, лениво попенял ему:

— Полно, Доран. Вы ещё оплачьте его. Смерть есть смерть, и потому печаль уместна, но «утверждаться в ней с закоренелым рвением — нечестиво. Мужчины недостойна эта скорбь, и обличает недостаток веры, слепое сердце, пустоту души и грубый ум без должного развития...» — Глаза его насмешливо искрились.

Тот кивнул.

— Это слова убийцы Клавдия, мистер Коркоран.

Тот кивнул и ещё раз резко посоветовал мистеру Дорану сказать правду.

— Такие люди опасны для общества, Патрик. Представьте только, что бы случилось, если вы вздумали вчера вечером прогуляться под Лысым Уступом? Мерзавец мог бы, падая вниз, зашибить вас! Это ваше «всепрощение», Доран, помяните слово, не доведёт до добра. Солгав, вы будете не находить себе места и горько сожалеть, что нарушили долг священства, скрыв непотребное.

Доран напрягся. Не потому ли Коркоран так убеждает его поступить по долгу, что, на самом деле, хочет склонить к совсем другому решению? Но зачем? Закон будет на его стороне. Сам Доран полагал, что Коркоран не виноват в гибели Нортон — так говорила Истина. Отголоски услышанного разговора Коркорана и Нортон дали ему понимание того, что Коркоран, по крайней мере, в том, что он слышал, поступил праведно и потому — безжалостно. Он не делал выбора, ибо для человека чести здесь никакого выбора и не было. Но не потому ли Коркоран дал ему возможность слышать разговор, чтобы создать впечатление своей праведности? А зачем? Какую цель он мог преследовать? Что ему, богачу и красавцу, до ничтожного *inverti*? К тому же — *inverti*, когда-то лишённого наследства в его пользу? Если сам он, как намекал мистер Кэмпбелл, тех же склонностей — то тогда... тогда это хладнокровное спасение собственного реноме, циничное и подлое. И тогда... тогда обнародование всех обстоятельств опасно для него, ибо делает ситуацию непредсказуемой. Мало ли, что всплывёт. Письмо, оставленное Нртоном, может, несмотря на неподсудность Коркорана закону, бросить пятно на его имя. Но разве он боится пятен? Он принял завещание лорда Чедвика и плевал на все разговоры. Он готов был и на обнародование последнего письма самоубийцы. Однако, хоть Доран и не находил повода для двойного поведения мистера Коркорана, он решил проверить свои подозрения.

— Наверное, вы правы, Коркоран. Между лёгким и истинным надо выбирать истинное, как бы трудно это не было. Расскажем все, как есть.

К его изумлению, Коркоран тут же вынул из внутреннего кармана записку и протянул Дорану.

— Покажите это полиции и милорду Лайонеллу. Скажите графу, чтобы вызвал коронёра. Надо уточнить, может, сестра захочет, чтобы он был упокоен без отпевания в каком-то семейном склепе? Хотя не удивлюсь, если она и подлинно согласится зарыть его при трёх дорогах, — насмешливо пробормотал он. Глаза его искрились, он снова смеялся.

Чёрт бы побрал этого Гамлета! Доран попал в собственную ловушку. Он не хотел причинять боль несчастной сестре Нортон, но Коркоран проявлял трогательное равнодушие к судьбе очередной Офелии. Почему?! Неожиданно Доран вспомнил, что мельком видел девичье платье около двери мистера Коркорана в памятную ночь появления призрака. Кристиан должен быть весьма низкого мнения о мисс Нортон, чтобы желать ей неприятностей, связанных с оглашением неприглядных обстоятельств смерти брата. Он хотел, чтобы она уехала? Но ведь если и не объявлять о причинах смерти Нортон, представив её несчастным случаем, это всё равно вынудит сестру Нортон покинуть Хэммондсхолл. И Коркоран не может не понимать этого. Что же руководит им?

Внезапно в памяти Дорана всплыла фраза Коркорана у трупа: «а то ведь замуж не возьмёт никто...» Господи... Уж не отдалась ли глупышка Коркорану? Не на это ли он намекнул? Но зачем намекать о подобном? Он умён, это бесспорно, а таких жалких тщеславных ошибок умный человек не совершает. И ему ли самоутверждаться, Господи? Ведь при его едином слове, чёрт возьми, любая потеряет голову, стыд, честь и раздвинет ноги! А, впрочем, чего он гадает? Доран резко проронил:

— Я могу задать вам один вопрос, мистер Коркоран, как джентльмен джентльмену?

Тот бросил на него удивлённый взгляд и лениво почесал запястье.

— Почему так официально? Мне помнится, вы называли меня Кристианом, Патрик.

— Хорошо, Кристиан. Мне нужен ответ благородного человека. — Он напрягся. — Мисс Нортон... ваша любовница?

Коркоран окинул Дорана ироничным взглядом, на миг опустил веки, потом, глядя прямо в глаза священнику, улыбнулся.

— Одна из величайших трагедий людского бытия, дорогой Патрик, состоит в том, что фундаментальные понятия человеческой этики находятся в неразрешимом противоречии между собой. Понятие nobless, благородство — противоречит veriti — истине. Nobless oblige, благородство обязывает, но обязывает лгать. Часто сказав правду, рискуешь перестать быть джентльменом, а солгав по-джентльменски, утрачиваешь право именоваться честным человеком. Что мне предпочесть — тоже гамлетовский вопрос — быть или не быть... джентльменом? — Коркоран весело расхохотался, но заметив потерянный взгляд Дорана, продолжил, — к счастью, в данном случае я могу ответить на ваш вопрос правдиво, Патрик, и — не перестать быть джентльменом. Мисс Нортон не является моей любовницей. — Он жестоко усмехнулся и уточнил. — Ей не дали возможности ею стать.

— А то, что я тогда видел тогда... Это она выбежала из вашей спальни?

Мистер Коркоран реагировал на разоблачение тайны Призрака Хэммондсхолла безмятежно и лениво.

— То, что вы видели — такая же загадка для меня, как и для вас, Патрик. Я вошёл в спальню — и обнаружил там мисс Нортон. Не успел я в должной мере удивиться этому обстоятельству, как влетел её братец и вцепился ей в волосы, благо, было во что вцепиться. Они катались по полу и орали друг на друга. Он звал её шлюхой, она его... ну, это труднопроизносимо для джентльмена. Не могу повторить. Я старался быть любезным и попросил их — время было за полночь — покинуть мою спальню и выяснить свои, видимо,

весьма непростые отношения в другом месте. Только они исчезли, на шум прибежали лакеи. Что оставалось делать джентльмену? Быть джентльменом. Nobless oblige... Я и сочинил историю про призрак. Но мисс Нортон не стала моей любовницей и не могла ею стать: её братец не дал бы ей такой возможности. Это, разумеется, помимо всех прочих обстоятельств.

— Каких? — не подумав, брякнул Доран и тут же прикусил язык.

Однако ему с готовностью ответили.

— Я не поклонник принципа Кассия: «Какая разница — куда и кому это воткнуть?» Разница есть, уверяю вас. Начни с не очень чистого — и не заметишь, как окажешься в грязи с головы до ног. А то ещё и в тебе что-нибудь окажется. Люди подлинного величия целомудренны. Естественное отверстие мисс Нортон также мало привлекало меня, как и задница её дорогого братца, Доран. From pillar to post^[4] — из чего выбирать-то? Поймите, когда вас, мужчину, возжелал мужчина — это омерзительно, но когда вас возжаждала женщина — это унизительно. Оставьте мне, ради Бога, моё сокровенное мужское право — возжелать самому.

Доран неожиданно рассмеялся.

— Боюсь, долго придётся ждать.

— Очень может быть. Мне лорд Бервик рассказывал, как однажды один англичанин в ливийской пустыне наскочил на льва. Он был безоружен, но стремительно с воплем ринулся на хищника. Лев испугался и удрал. Я верю в эту историю. Лев удрал бы от стремительно несущегося на него зайца. Испытываешь, и вправду, почти животный ужас, когда видишь, как на тебя нападает твоя же потенциальная жертва. Я не ханжа и полагаю, как и один из наших классиков, что джентльмен может использовать беззащитное положение женщины. Но лишь в том случае, если он сам её в такое положение и поставил...

Доран почему-то не смутился. С каждым новым часом общения с этим человеком его восприятие менялось.

— Вы полагаете, что теперь... — Отцу Дорану показалось, что он начал понимать глубинную мотивацию поступков мистера Коркорана. — теперь она уедет и не будет досаждать вам? И только поэтому...

— Да нет, это вздор, Доран. Отношения между мужчинами и женщинами зависят от взаимных притязаний. Одно дело брак. «И стала б Катарина женой Петруччо, когда бы он на ней женился...» Это сложно. Но если женщине захочется заполучить себе джентльмена в любовники — она его заполучит, разве что будет вовсе дурнушкой или законченной дурочкой. Тут нет проблем: если леди влезет в мою постель — я покажу себя мужчиной. Проблемы начнутся, когда леди решит, что переспала с джентльменом — и он обязан жениться. Но я могу жениться только на леди, которая не лезет к мужчине в постель до свадьбы. А та, что лезет, уже не леди, а шлюха, а на шлюхах джентльмены не женятся. Это жёсткая максима. Но если одного джентльмена захотят разом заполучить — неважно, в мужья или в любовники — три девицы — как ни парадоксально, джентльмен может спокойно заниматься своими делами. Они сцепятся друг с другом, как разъярённые кошки, оспаривая право первой атаки. А если сюда прибавить ещё и господина соответствующих наклонностей, то всё вообще будет прекрасно. — Он усмехнулся. — Но даже если таких девиц наберётся хотя бы две, то джентльмен все равно в безопасности, он может смотреть на звёзды, философствовать, рыбачить... Кстати, когда мы искали нашего друга Нортон, я заметил, что ручей стал после дождей куда полноводнее. Рыба-то там водится?

Доран слишком устал за это тяжкое и сумбурное утро, чтобы почувствовать себя шокированным зигзагами мышления своего собеседника. Он утвердительно кивнул.

— И что там плавает?

— Плотва, усач да голавль, что же ещё-то?

Мистер Коркоран удовлетворённо кивнул.

— Тогда, я думаю, завтра, после всей этой возни с коронёрским следствием и вечным упокоением в геенне жертвы заднепроходной любви, неплохо бы порыбачить. Я весьма прихотлив и не люблю охоту, это варварство, но вот поймать жирного голавля считаю почему-то за честь... *Leuciscus cephalus*, — промурлыкал он по-латыни. — Помнится, однажды мне повезло. Я, насобирав ручейника, облюбовал протоку между островком и берегом одной речушки в Пьемонте. При очередном забросе на струю, поплавок начал удаляться и резко ушёл под воду. Но вместо того, чтобы рвануть по течению вниз, он устремился вверх с отклонением в сторону противоположного берега. Не ослабляя леску, я передвинулся на несколько шагов вниз, потом подтянул его к берегу. Красавец с красными плавниками весил более пяти фунтов! Как ему удалось дожить до таких размеров?

— Память рыболова феноменальна: он помнит только то, чего не было, — усмехнулся мистер Доран фантастическому рассказу, — Пять фунтов! Я никогда не ловил ничего крупнее двух. А в этом ручье крупней полуфунтовых рыбёшек вообще ничего не водится.

— Знаете старый анекдот, Доран? «Судья обращается к свидетелю: „Вы сказали, что обвиняемый был исключительно правдивым человеком. Чем вы можете это доказать, сэр?“ Свидетель отвечает: „Я собственными ушами слышал, как он однажды признался, что просидел целый день с удочкой и ничего не поймал...“» Ложь и истина в рыболовецких байках — это творческая фантазия, Патрик, и подходить к ней с точки зрения разума — абсурд. Мой рассказ — гибрид чистой совести и творческого вдохновения, но голавль, правда, был огромный, поверьте. Так, стало быть, рыба есть... И поймать её — не будет браконьерством?

— Да нет, это будет чудом.

В эту минуту появились милорд Лайонелл и его гости. Тело принесли на носилках и поставили на террасе. Стэнтон выглядел порядком ошарашенным, но, в общем-то, довольно спокойным, остальные джентльмены имели вид несколько жалкий, мистеру Кэмпбеллу стало плохо, мистер Морган был чем-то перепуган, но внимательно всматривался в лицо мистера Коркорана. Мисс Нортон, подавленная и мрачная, не поднимала глаз от земли, кажется, вовсе не слыша успокоительных увещаний Софи Хэммонд, которая, однако, совсем не выглядела испуганной, глаза её сияли. Никто не слушал и льющейся потоком болтовни мисс Морган о том, как она потрясена случившимся. Мисс Стэнтон в ужасе смотрела на изувеченный труп и тихо плакала.

Доран поспешно отвёл милорда Хэммонда в сторону и что-то тихо сказал ему, и лицо графа помрачнело на глазах. Наконец его сиятельство обернулся к мистеру Коркорану и поманил к себе. Губы старика тряслись, руки дёргались.

— Кристиан, мальчик мой, это всё ужасно. Патрик говорит, что всё можно скрыть. Я бы предпочёл обойтись без скандала.

Коркоран пожал плечами и заверил дядю, что сложившуюся ситуацию надо разрешить так, чтобы она не сказалась пагубно на его здоровье. Все остальное — не имеет значения. Он уже предоставил мистеру Дорану право принять любое решение и выразил готовность к нему присоединиться.

— Этому несчастному юноше уже не помочь, скандал погубит репутацию его сестры и не сделает чести твоей кузине Софи — ведь это её гости, — со странной робостью проговорил милорд Лайонелл.

Мистер Коркоран мягко склонил голову.

— Согласен, милорд. Злополучный юноша стал жертвой *несчастливого* случая.

Лицо мистера Хэммонда просветлело. Он облегчённо вздохнул.

Прибытие представителя власти никого всерьёз не беспокоило. Бедняга просто любовался окрестностями болот и не заметил, как нога соскользнула по мокрой траве. Горе, конечно, но что поделаешь? Мисс Нортон предстояло направиться в Лондон. За ней на телеге в наспех сколачиваемом в конюшне гробу в последний путь должен был двинуться мистер Стивен Нортон. Заключение следствия позволяло похоронить его со всеми необходимыми обрядами.

Ещё одно искушение поджидало Дорана перед ужином. Мисс Эстер осведомилась у него, обязательно ли ей... уезжать с гробом брата в Лондон? Священник, вначале подумав, что она боится ехать одна с мертвецом, обещал попросить милорда Хэммонда выделить ей пожилого слугу, который будет сопровождать их до столицы и поможет ей. Но мисс Нортон уточнила свой вопрос, причём так, что у мистера Дорана потемнело в глазах. Девицу, как он понял теперь, интересовала возможность... остаться в Хэммондсхолле — несмотря на всё произошедшее. Вот, чёрт возьми, на что намекал Коркоран.

Доран растерялся. Но от необходимости отвечать его избавила любезность мисс Хэммонд, которая издали прислушивалась к их разговору. Она без обиняков обратилась теперь к подруге по пансиону.

— Я понимаю, милая Эстер, как тебе тяжело. Несчастный Стивен... Долг перед памятью брата обязывает тебя сделать всё для его мирного упокоения, и я знаю, что ты не из тех, кто пренебрегает своим долгом. Мне будет не хватать тебя.

Мисс Нортон зло блеснула глазами, поняв, что её выставляют, Доран побледнел, заметив взгляды, которыми обменялись бывшие подруги, мисс же Хэммонд громко обратилась с просьбой к дядюшке — выделить завтра мисс Нортон сопровождающего — и милорд Лайонелл, тронутый заботой племянницы о своей бедной подруге, тут же отдал соответствующие распоряжения.

Для Дорана этот день оказался мучительно тягостным, и под вечер он предпочёл уединиться в своей гостиной. Патрик был странно надломлен и сбит с толку — и произошедшим, и поведением Коркорана. Он не корил себя за ложный выбор, но духовное бесстрашие и готовность на скандал Коркорана подлинно удивили его. Тот спокойно шёл на то, что любой здравомыслящий человек предпочёл бы избежать любой ценой. Доран вынул из кармана записку Стивена Нортон. Короткая, всего в полторы строки, написанная на странице, вырванной из блокнота, который был во внутреннем кармане погибшего. «Я не могу и не хочу жить, когда ты так жесток, Кристиан...» Он снова поморщился. «... Испытываю странное искушение пнуть ногой это животное, для которого желания его растлённой задницы были высшим законом любви...»

Да, несчастный выбрал из всех возможных идолов своей страсти — самого бесстрастного. Самого недостижимого. Самого праведного. И разбился об него как хрупкий стеклянный бокал — о стальную наковальню. Что он сказал? Доран остановил неспешный и размеренный ход своих мыслей. Он назвал Коркорана... праведником?

Глава 12. Беспокойная ночь с покойником

Плотник, конюх и грум занялись по просьбе его сиятельства гробом для погибшего, из готовых досок смастерив его за час, после чего — установили в холле. Лицо мертвеца пришлось закрыть, но в остальном — всё было пристойно. Покойный лежал между двумя кенкетами с горящими свечами и был единственным, кто подлинно пребывал в покое, — впрочем, кроме того, кого он сам обвинял в своей смерти. Мистер Коркоран, лениво развалившись на софе, наигрывал на скрипке нечто фантазийное, скорее *amoroso e lusingando*, чем *funebre e doloroso*, временами прерывая импровизацию и дегустируя роскошный французский коньяк. Он ничуть не избегал ни Дорана, ни его сиятельства, напротив, как замечал Доран, старался успокоить графа, потрясённого смертью столь молодого человека и сопровождающими её обстоятельствами. По случайной реплике хозяина поместья Коркоран понял, что Доран рассказал милорду Хэммонду о склонностях юноши, и потому в своих утешениях был откровенен.

— Дядюшка, не расстраивайтесь. Порадуйтесь верности Слова Божьего. Сказано же «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость, и если кто будет делать все эти мерзости, то души делающих это истреблены будут из народа своего». Это Левит, глава, если мне не изменяет память, восемнадцатая.

Но милорд Хэммонд был подлинно убит смертью своего гостя.

— Господи, мы смертны, да. Вторжение недугов, смерть близких — все вещает о конце, но... он был так молод, Кристиан, ведь он был так юн... Так страшно, когда умирают молодые, — граф никак не мог прийти в себя.

Коркоран только пожал плечами, а ближе к полуночи пожаловавшись, что у него слипаются глаза, направился в спальню.

Сестра же мистера Нортон была совершенно безутешна, и её рыдания были слышны даже в курительной. Доран ужасался, вспоминая, как всего два часа назад девица хотела отправить тело брата в Лондон, с тем, чтобы самой влезть под одеяло к Коркорану. Теперь братец не смог бы ей помешать. Доран не мог отрешиться от мысли, что рыдает юная леди исключительно от обиды и злости на подругу, выпроводившую её из Хэммондсхолла. Все эти мысли заставляли его морщиться. К тому же он просто нервничал. Сейчас, когда за окнами стемнело, при одной мысли, что в холле стоит гроб с телом того, кто ещё вчера утром сидел с ним за одним столом, его словно замораживало. Заметив его состояние, граф посоветовал ему идти спать — день был тяжёлым, он просто устал. Доран медленно проследовал по коридору к себе, но в гостиной услышал голоса. Это были Чарльз Кэмпбелл и Гилберт Морган. Они говорили достаточно громко, и именно в их неспешном разговоре снова прозвучало слово «чертовщина».

— Который это по счёту труп на пути нашего красавца, Чарли?

— Кто же их считал? И заметь — его даже не обеспокоили...

— А с чего его беспокоить? Он, как всегда, ни в чём не виноват. Ланселот на белом коне и в белом смокинге. Рыцарь без страха и упрёка.

— Чертовщина.

— Ты уверен, что этот содомит ринулся вниз по собственной воле? Или все же случайность?

— В такие случайности верится с трудом, Берти. Он был без ума от Коркорана, ходил

вокруг, как кот вокруг сметаны, облизывался и грезил. Его сиятельство побледнел, когда говорил с племянничком. О заклад бьюсь — он покончил собой и записку наверняка оставил.

— Не исключено...

Доран снова поморщился. Придя к себе, обессиленный и вымотанный, он снова сел в кресло и уставился в каминное пламя. Вина... Он привык брать на себя свои вины — в искушениях, слабости, малодушии. Попытка убежать от вины провальна. Более того, желающий избавиться от неё, теряет бесценную возможность осуществить себя, стать человеком.

Но ему никогда не возлагалась на плечи *вина за чужую смерть*. Такого он бы не вынес. Доран снова вынул записку и перечитал. Обвинение было прямым, жёстким и недвусмысленным. Священник ощутил липкий ужас — точно описанный мисс Морган призрак Чёрной леди прикоснулся к нему ледяными руками. Доран понял, что на самом деле Коркоран держался всё это время лишь нечеловеческим напряжением воли — не желая перекладывать на его плечи бремя своей вины, и при мысли о том, что он должен чувствовать сейчас, в одиночестве, Дорана сковал новый ужас.

Он торопливо поднялся — и поспешил в апартаменты Коркорана, дважды едва не споткнувшись о ковёр, внутренне трепеща и содрогаясь. Он был уверен, что Кристиан в гостиной — но там никого не было. Неожиданно Доран вздрогнул — ему почудилось змеиное шипение. Он распахнул дверь в спальню — и замер. Шипение издавала портьера, которую сквозняком затягивало в распахнутое окно — в гардеробной тоже был раскрыт ставень. Штора после медленно опадала, шурша о подоконник.

Мистер же Коркоран вовсе не предавался угрызениям совести и не терзался чувством вины. Он, сбив одну из подушек на пол, лежал на постели. Голова его была запрокинута, мерное дыхание плавно вздымало безволосую грудь, на которой на серебряной цепочке темнел большой резной крест. Доран видел такие в Риме.

Шельмец спал сном праведника, тихо посапывая.

Впрочем, спать ему оставалось совсем недолго — в растерянности Доран задел столик у кресел, и стоявший на нём поднос с фруктами и чашкой шоколада издал резкое бречание. Коркоран раскрыл глаза и чуть привстал на постели, напряжённо озирая сонными глазами источник шума. Разглядев Дорана, он снова откинулся на подушке.

— Бог мой, Доран! Полуночник. Почему вы не спите? Только не говорите, что покойник воскрес. — Коркоран сладко зевнул и потянулся, закинув руки за голову. — Что стряслось, чёрт возьми?

Священник плюхнулся в кресло. Он чувствовал себя идиотом. Вяло объяснил, что почувствовал какой-то смутный страх, ведь его, Коркорана, напрямую обвинили в смерти человека.

Тот вздохнул.

— Неопределённость того, перед чем вас охватывает ужас — есть вовсе не недостаток определённости, а сущностная невозможность что-либо определить. Отрицать свою вину, будучи виновным, утверждая, что ты — жертва обстоятельств, значит, лишать себя человеческого достоинства. Но нельзя отрицать только свою вину, Доран. Свою. Вина за чужие грехи возникает вследствие глупости. Винить себя во всех бедах мира — как минимум, нескромно. Не роняйте репутацию дьявола.

— Вы, наверное, правы, просто сумерки и гроб в доме приносят неясный ужас. Я

почувствовал, что вам, должно быть, тяжело.

— Должно ли мне быть тяжело оттого, что мне не тяжело? Должен ли я страдать из-за того, что не страдаю? Если мы задаём нелепые вопросы, наступает момент, когда ответы смешат, Доран. Уж не знаю почему, но там, где приличествует печаль, я не могу подавить в себе почти неуправляемую фривольность мысли. Но я не думаю, Патрик, что нам нужно слишком серьёзно воспринимать людей, твердящих о вине отдельного человека в грехах всего мира. Это квазиинтеллектуальный псевдобогословский бред на возвышенные темы есть следствие глупости. Настоящая свобода начинается по ту сторону отчаяния. Душа таких людей, как Нортон, замкнутый мир, приводящий к тошноте и безнадёжности. Некоторые говорят о тоске, другие о тревоге, третьи — о бессмысленности. Но, по сути, мы имеем дело пустотой человека, для которого оказалось невозможным быть истинным.

Доран молча смотрел на философствующего Коркорана. В его глазах этот человек был существом запредельно странным. Он умел любоваться болотными орхидеями и крылом бабочки, и змеи лежали у ног его, он был светел и музыкален, одарён необычайно и необычайно красив. Его целомудрие и цельность натуры тоже завораживали. Но откуда эта безжалостная холодная жестокость воззрений, откуда безапелляционность приговоров? Он хотел, и теперь Доран был подлинно уверен в этом, *он хотел*, чтобы обстоятельства смерти Нортон стали известны. Но почему? Но ведь он способен любить и чувствовать! С какой добротой он говорил о своей гувернантке, его подарок Бэрил — безусловно, дар жалости и сопереживания, с ним самим он был мягок и кроток. С Коркораном ему самому было удивительно легко. Доран вздохнул. Этот человек был загадкой.

— Я не оправдываю Нортон...

— Оправдываете. Оправдываете, потому что ищите в произошедшем не его вину, а мою. Вы упорно считаете, что я довёл его до самоубийства. Будем искренни. Если бы я сказал вам, что я чувствую себя ужасно и начал бы проливать слёзы над луком у гроба нечестивца, стена в самоукорениях, — вы первый поспешили бы утешить меня и сказали бы, что я ни в чём не повинен. Но я поленился разыграть это представление. Когда я говорю, что я — плохой актёр, Доран, это надо понимать, что я лишён не таланта, но желания играть — это требует внутреннего напряжения, как следствие, утомляет, изматывает и изнашивает. Комедианты редко доживают до седины. Но если хотите, я сыграю.

Доран покачал головой. Странно, но сейчас, рядом с этим человеком, его страх пропал — Патрик просто не понимал, чего так испугался. Сейчас он с новой ясностью осознал — Коркоран был прав. В чём его можно было обвинить? В отказе от предложенной ему мерзости? А кем надо быть, чтобы согласиться? Бесспорно, произошедшее явилось следствием порочности самого Нортон, и нечего множить объяснения, когда и одного с избытком хватает. Мир Коркорана был миром запредельного духовного покоя, ведь даже записки с обвинением в смерти было недостаточно, чтобы испортить ему сон и аппетит — сила этого духа потрясала. Его моральные принципы отражали скорее его личную необычность, чем принятые в обществе этические нормы, но они были моральны. Он вовсе не был нигилистом. Нигилист — подросток, в пренебрежении к догмам пытающийся обрести чувство собственной значимости, Коркоран же проповедовал систему ценностей не популярного либерализма, но самых консервативных доктрин. Но эти доктрины он не выдумал и сам им... кажется, следовал. И всё же...

— Он ведь... любил вас... — Доран вдруг умолк.

Коркоран медленно поднимался. Простыня упала, мистер Доран не мог не обратить

внимание на его изящное сложение, но взглянув ему в лицо, похолодел. В такой ярости он его никогда не видел.

— Вы... сошли с ума? — Глаза Коркорана метали искры. Он задохнулся. — Вы безумец... — он поднял с ковра простыню, и швырнул её на постель, нисколько не беспокоясь, что стоит нагим перед Дораном, — как вы посмели произнести это слово... в таком контексте?

Доран отвёл глаза, но, глядя в пол, спросил:

— Неужели вы совсем неспособны понять... его боль? Вам не жаль его? Ведь его уже нет...

— Я предлагал ему любовь — бесплотную, одухотворяющую и вечную. С трёх ярдов. Он хотел другой. Которой нельзя понять без того, чтобы сразу не оказаться по ту сторону добра и зла, где начинается дурная мистерия метановых испарений гнилых болот. Некоторые этих границ не видят. Другие переступают через них. И первых, и вторых становится всё больше. Но всегда останутся и те, кто эти пределы видит и переступить не захочет. Тысячи падут, но десяток устоит. Я буду в их числе, Доран. Даже если устоят всего семеро — одним из них буду я. Даже если устоявших останется трое — там буду я. — Он плюхнулся на постель. — Видит Бог, мужеложство — не угроза державе и не тема для разговора. Но давайте начистоту. — Коркоран оперся на локоть и внимательно взглянул на Дорана, — никто не будет защищать содомита, не ощущая содомита в себе самом. Вы что, чувствуете желание оказаться подо мною и расширить... пределы понимания любовной страсти до размеров моего органа любви? У меня есть смутное подозрение, что ваш ночной визит в мою спальню — есть нескрываемое стремление разделить ложе с мужем...

Доран побледнел.

— Перестаньте, какого чёрта!

— Ах, простите, я забыл о необходимых для вас формальностях. Мне нужно доказать вам свою любовь... Что ж, — голос Коркорана приобрёл интонации Стивена Нортон, он откровенно кривлялся, — «Патрик, видел ваше лицо ночами в путаных снах, а днём моя рука неосознанно чертила ваш профиль на листах бумаги, потом я потерял различие сна и яви, видя ваш образ всегда и везде. Я люблю вас до безумия, до бреда, до отчаяния...» Ну, что приступим? — Доран, хоть и бесился, не мог оторвать замороженного взгляда от Коркорана, сыгравшего лежащего внизу в холле покойника и передавшего его интонации столь талантливо, что по коже прошёл мороз.

— Прекратите ломаться, Коркоран.

— Вы перед дьявольским выбором, Патрик. Если вы мне откажете — я напишу, что ваша жестокость убила меня — выпью настой коры крушины и обвиню вас в своей гибели. Ну, так что же? — издевательски спросил Коркоран.

— Какого чёрта, вы же всё понимаете...

Маска Нортон слетела с лица Коркорана. Он снова встал.

— Нет, я далеко не все понимаю. Какого чёрта вы, осмелюсь спросить, мистер Доран, врываетесь в мою спальню, прерываете мой сладкий полночный сон, мараете в грязи святые слова и пытаетесь заставить меня понять то, что нельзя понять и остаться человеком? Всепонимание и всепрощение мерзости запросто может сделать из джентльмена — подстилку, и вы близки к этому как никогда.

— К чёрту! — В глазах Дорана потемнело. Он вскочил. Кулаки его судорожно сжались. Ещё секунда — он ринулся бы на обидчика. Коркоран тоже снова поднялся. — Вы... о вас

самом говорят, что вы отдались графу Чедвику, за что и получили состояние, предназначенное другим! А сейчас пытаетесь разыграть комедию, строя из себя ангела во плоти!

Он замер — слова эти против воли вырвались у него, ибо он утратил контроль над собой.

Коркоран по-прежнему стоял перед ним. Доран ужаснулся. Лицо Кристиана в тусклом свете ночника стало прозрачным, почти светящимся. Несколько минут он ничего не говорил, просто стоял, закрыв глаза и не двигаясь, словно статуя Давида. Эти минуты показались Дорану вечностью. Постепенно лицо Коркорана оттаяло, он несколько мгновений беззвучно хватал ртом воздух, потом дыхание его успокоилось, глаза распахнулись. Он осторожно и тихо подошёл к постели, взял простыню, неспешно обмотал ею бедра, и, подняв с пола валяющуюся подушку, взбил её и сел, опершись на неё спиной, но поза его была напряжённой и надломленной. Глаза его упёрлись в Дорана и горели теперь такой злобой, что священник содрогнулся. Это были глаза дьявола. Кристиан, как заметил Доран, глубоко вздохнул, пытаясь скрыть обуревавшие его чувства. Голос его звучал придушенно и глухо. Коркоран даже пытался улыбнуться, но улыбка его просто перепугала священника.

— Патрик... — Коркоран опустил глаза. — Вы... вы человек чести... Вы не солжётё мне. Вы не выдумали это, вы просто... вы не могли такое придумать. Вам бы и в голову такое не пришло. Вы это слышали. В Лондоне вы не бываете. Я делаю вывод, что вы слышали об этом здесь. Кто вам это сказал?

Доран покачал головой. Он безумно жалел о вырвавшихся у него словах и не хотел подставлять под выяснение обстоятельств ни Кэмпбелла, ни Моргана, тем более что разговор их был приватным, ему никто ничего не говорил, а признаваться в подслушивании не хотелось. Но не это было важным. Пугающая реакция Коркорана на его слова, бледность мертвеца, проступившая на его лице, с трудом подавленное волнение — всё говорило о том, что обвинение правдиво. Доран поймал себя на горестной боли, острием ножа полоснувшей по душе. Значит, всё это время Коркоран лгал ему, кривлялся, играл комедию чести. Довёл до смерти себе подобного — только чтобы остаться чистым в его глазах и во мнении его сиятельства.

Вот она — подлинная мерзость...

Тем временем Коркоран повторил вопрос.

— Кто вам это сказал и когда, Доран? Кэмпбелл, Морган? До моего приезда? Сказали именно вам?

Сейчас он внушал мистеру Дорану такое отвращение, что тот был готов высказать всё, но все же промолчал. Он поднялся и двинулся к выходу. Но Коркоран одним прыжком опередил его, повернул ключ в замке и вынул его, зажав в руке. Глаза его смягчились, но взгляд был больным и измученным. Он двинулся прямо на священника, принуждая его вернуться на место. Голос его теперь молил.

— Вы не уйдёте. — Коркоран медленно опустился на колени перед креслом, — Доран, я прошу вас. Вы не понимаете... Кем бы вы не считали меня, и что бы ни думали... Что Кэмпбелл и Морган сказали? Передайте мне их слова дословно, и я отпущу вас.

Теперь Доран сам не находил оснований для жалости. Этот человек был последним негодяем. Говорят же, что поношение никогда не ополчается против непогрешимости. Клевета преувеличивает, но не возникает на пустом месте...

— Хорошо. Чарльз Кэмпбелл на вопрос вашего брата, за что вам оставлено наследство,

ответил, что в обществе уронили известный намёк, что наследство Чедвика было платой за определённые услуги, оказанные ему вами, и что они сродни тем, что добился Никомед Вифинский от Цезаря. О том же самом говорили и они с Морганом. Мне никто ничего не говорил — я просто услышал это, находясь неподалёку. Этого вам достаточно?

Коркоран поднялся с колен.

— Проклятие... — прошипел он с такой злобой, что Доран против воли ощутил мороз, прошедший по спине. Коркоран разжал ладонь, уронив ключ на колени Дорана. — Оставьте меня одного, Патрик. — Теперь в его голосе снова проступили уверенность и сила.

Доран пошёл к выходу, открыл дверь и вышел, оставил ключ в замке. Он прошёл по ковру через гостиную, распахнул дверь в коридор, но неожиданно с силой захлопнул её, оставшись в комнате. Он хотел вернуться — и подлинно ударить этого человека, разбить красивое лживое лицо, маску истины, которая сейчас казалась особенно гнусной оттого, что прикрывала такую мерзость, была личиной самого страшного обмана, невиданного и подлинно дьявольского, не прощаемого. Неожиданно в спальне раздался треск, потом зазвенела посуда, потом снова послышался удар. Доран ринулся к двери, распахнул её и отпрянул. Посреди комнаты обнажённый Коркоран яростными ударами стула, зажатого в руке, крушил все вокруг. Он, видимо, задел поднос с остатками ужина, на полу у его ног растеклись лужа вина и шоколада, на лице было выражение злобы запредельной, бешенства нечеловеческого.

Увидя Дорана, он остановился. Дышал так, словно пробежал милью.

— Что вам нужно? Оставьте меня.

Доран вышел, заметив, что Коркоран опустил стул, сел на постель и закрыл лицо руками.

...В холле Доран столкнулся с мисс Стэнтон, где та пыталась утешить мисс Нортон, явно при этом заблуждаясь в причине непрерывно льющих слез мисс Эстер. Мельком священник заметил, что сверху, со второго этажа, из-за колонны, за происходящим внизу наблюдает мисс Хэммонд. Глаза мисс Софи по-прежнему сияли, на губах порхала улыбка. Она ликовала: ждать оставалось до утра, и ненавистная соперница навсегда покинет Хэммондсхолл. Про себя Софи окончательно решила, что никогда больше не выберет себе в подруги миловидную девицу. Слишком дорого это обходится.

Бэрил поднялась к себе и около спальни увидела сестру. Софи явно ждала её. Сама мисс Стэнтон пребывала в недоумении, почему кухня не рядом с подругой, не выражает ей ни соболезнования, ни сочувствия, не пытается утешить и как-то смягчить её горе. Она внимательно приглядывалась к Софи — сестра пугала её бесчувствием и эгоизмом, но тут Бэрил подумала, что, возможно, причиной такого равнодушия к беде подруги является какое-то обстоятельство, о котором она не знает, и то, сестра пришла поговорить — обнадёживало.

Увы, разговор этот только ещё больше удручил Бэрил. Софи теперь была с ней откровенна — за минувшие несколько дней она увидела, что сестра отнюдь не стремится понравиться мистеру Коркорану, — и этим она была теперь ей симпатична. Мисс Хэммонд даже признала, что Бэрил, несмотря на то, что дурнушка и синий чулок, всё же наделена некоторыми талантами, и сейчас она без обиняков сказала ей, что дружба с мисс Нортон — была её величайшей ошибкой. Уж теперь-то её никто не обманет! Мисс Бэрил поняла, что обман Эстер состоял в том, что она, как и Софи, влюбилась в мистера Коркорана, и про себя

подумала, что застраховать её кузину от «величайших ошибок» в этой жизни будет весьма непросто. Но уговаривать сестру поговорить с мисс Нортон не стала, понимая теперь, что такая встреча ни одной из них не нужна.

— Жаль несчастного мистера Нортон. Такая ужасная смерть...

С этим Софи не спорила, но сам мистер Нортон был в её глазах настолько никому не нужным человеком, абсолютно лишённым галантности, талантов и вкуса, что всерьёз расстраиваться из-за его смерти она не собиралась. Бэрил направилась к себе, по дороге размышляя, что сестра — существо странное. Мисс Стэнтон никак не могла понять, что представляет собой Софи? Бэрил была юна, и просто не знала, что несть числа людям, не имеющих ни малейшего представления о том, что они такое, да вообще ни о чём не имеющих понятия, Бэрил же, столкнувшись с подобным впервые, была ошеломлена. Софи ничего всерьёз не занимало, она ничего толком не умела, её нельзя было ничем увлечь, а с появлением мистера Коркорана сестра лишилась последней толики здравого смысла и поминутно делала глупости. И что было с этим делать? Неожиданно мисс Бэрил услышала голоса.

В небольшом холле граф Хэммонд разговаривал с мистером Дораном.

— И что он написал? Прямо обвиняет Кристиана?

— Да, вот записка, — голос мистера Дорана звучал отстранённо и тихо, — он настаивал, чтобы сообщить и сестре.

— Ни в коем случае. Ничего ей о его самоубийстве не говори, Патрик.

Мисс Стэнтон услышала, что голоса удалялись. Мужчины уходили. Она поспешила в свою гостиную. В изнеможении опустилась в кресло. Ей не послышалось? Но, Боже мой знает ли Эстер? Скорее всего, нет. Самоубийца? Из-за мистера Коркорана? Как же это? Почему? Её мысли не текли, но прыгали, — в такт громко бьющемуся сердцу. Значит, то, что ей в эти дни смутно мерещилось, что бесконечно изумляло и заставляло думать о вещах, которым и имени-то не было — всё это правда?

У Бэрил стеснилось дыхание. Мисс Эстер просила утром проводить её. Боже упаси показать, что она что-то знает. Да и правильно ли она всё поняла? Уснула Бэрил почти перед рассветом, но, не проспав и нескольких часов, — проснулась, снова с теми же пугающими мыслями и стремлением во что бы то ни стало скрыть от несчастной Эстер свою возросшую осведомлённость. Сама Бэрил очень хотела бы поговорить с мистером Дораном, но не могла на это решиться. Это было и нескромно, и страшно. Да и наберись она смелости заговорить с ним наедине — как вообще говорить о подобном?

Не мог уснуть в этот вечер и Клэмент Стэнтон. Произошедшее не сильно задело его. Нортон не нравился ему, и не было в обстоятельствах его смерти ничего, что обратило бы на себя его внимание или показалось бы подозрительным. Но весьма прозрачный намёк Кэмпбелла на порочные склонности погибшего заставил его насторожиться, а утверждение Моргана, что братец мисс Нортон влюбился в Коркорана, скорее всего, был отвергнут, после чего решил свести счёты с жизнью, ошеломило. Он был слишком занят личными делами, чтобы обращать внимание на остальных, но, Боже мой, неужели это правда?

Глава 13. Бочка Данаид

Наутро экипаж со следующей за ним телегой с гробом покинул Хэммондсхолл. Мисс Эстер уезжала. Проводить её вышли граф Хэммонд, мисс Стэнтон и мистер Доран, все остальные сочли, что простились с отъезжающей накануне. Мисс Бэрил, скрывшая все свои подозрения, горевала куда искренней, чем Эстер, в глазах которой читались досада, раздражение и злость. Милорд Хэммонд велел не говорить сестре несчастного Стивена о причинах его гибели, и та тоже пребывала в неведении, что именно жестокий отказ мистера Коркорана ответить на любовь мистера Нортон повлѣк за собой смерть последнего.

Доран не спал ночь. Напрасно, право слово, напрасно он был столь низкого мнения о нынешней молодѣжи. Среди мелких ничтожеств, циничных, пустых и расчѣтливых, попадались и подлинны глыбы — негодяи шекспировского масштаба. С одним из таких его и свела судьба. Красивейший, умнейший, одарѣннейший и подлейший. Хладнокровно отдавшийся старику за немалые деньги, продавший красоту и честь — он проповедовал целомудрие и аскезу, внутренне хохоча над внимающими ему. Доран покачал головой. Он сам виноват в том, что был одурачен, — и это при его-то недоверчивости и скепсисе, но талант лжи этого негодяя был запредельным. Он одурачил бы любого.

Если Коркоран согласился дать растлить себя Чедвику — это могла быть расчѣтливость, просто сребролюбие. Но хладнокровно издеваться над Нортон, довести его до смерти и смеяться... Бездны этой души были глубже адских. В любую из них можно было бы провалиться, как в чѣртову топь, и уже не вылезти никогда.

Доран ненавидел Коркорана. При этом заметил, что, несмотря на проступившую ненависть, не может презирать его. Он его боялся, осознал священник. Осознанный страх взбесил Дорана. Почему? Почему он боялся встретиться с негодяем, натолкнуться на его взгляд? Открытие, последовавшее в спальне мистера Коркорана, было для него подобно внезапно обнаружившейся на чистейшей коже зловонной сифилитической язве — но безглювность не проявлялась. И было и ещё что-то, превосходившее в душе даже страх. Эта была боль. Боль потери чего-то, успевшего стать бесконечно дорогим...

Боль предательства, боль обмана доверия.

Но ведь он и не доверял! Доран никогда, как казалось ему самому, до конца не доверял Коркорану, поминутно сомневался — и всё же был обманут. Это было неосмысляемо, но ощутимо. Напрасно Доран твердил себе, что во всем виноват сам. В душе была разлита зловонная мерзость, его мутило и от отвращения к себе, и от ненависти к Коркорану. Его слова, фразы, улыбки и жесты всплывали в памяти и убивали. Зачем? Зачем он так? Ради наследства? Но ведь Нортон не стоял у него на пути!

И в этой бесцельности зла был последний ужас.

Воображение Дорана, распалившись, рисовало юную красоту Коркорана, растлеваемую похотливым стариком, но едва ли можно было бы растлить его душу — душу подлинного чудовища. Интересно, старик сразу оформил завещание на своего Цезаря и тем заманил его на ложе разврата — или деньги были обещаны за ночь мерзости? Удивительно ещё, что разврат не оставил следов на теле «царицы Вифинской». БСльшую красоту Доран не видел даже во мраморе.

Да, красивейший, умнейший, одарѣннейший и подлейший...

...Когда экипаж мисс Эстер уже покинул имение, уединившись в столовой с милордом

Лайонеллом, Доран спросил у его сиятельства, что делать с запиской Нортон? Тот посоветовал либо отдать её Коркорану, либо уничтожить. Доран кивнул, но сам хотел бы пока избежать встречи с негодяем. Он не хотел видеть его. До этого священник, размышляя полночи, решил позже объясниться с Коркораном, попросив больше не числить его в числе своих знакомых.

Однако Коркоран не дал ему такой возможности, как всегда, не посчитавшись ни с кем, тут же появившись в столовой. Выглядел он ужасно — иначе не скажешь. Губы его за минувшую ночь просто пропали с лица, став бескровными и бледными, под глазами залегли страшные беспросветные круги, но сами глаза, к удивлению мистера Дорана, метали молнии. Он, хоть и пытался сдержать себя, походил на беснующегося Азраила, ангела ада. Доран ожидал, что тот теперь будет отводить от него глаза и постарается избегать его, но мистер Коркоран не взглянул на него вовсе. Одет был в чёрный парадный фрак, серые брюки и, к удивлению мистера Дорана, сжимал в руке пару чёрных кожаных перчаток.

Не обращая ни на кого сугубого внимания, мистер Коркоран подошёл к Чарльзу Кэмпбеллу и попросил его налить ему вина. Тот, странно покосившись на него, наполнил бокал. Отойдя на два шага от Кэмпбелла, Коркоран яростно выплеснул вино в лицо последнему, после чего, хлестнул его по мокрой щеке наотмашь чёрными перчатками. Мистер Кэмпбелл, не ожидавший удара, резко подался назад, не удержался на ногах и упал, но тут же, пытаясь подняться, снова поскользнулся на мокром полу и отлетел к стене, ударившись головой о комод. Мистер же Коркоран, вежливо извинившись перед собравшимися, швырнул чёрные перчатки в лицо мистеру Кэмпбеллу, потом, не дожидаясь никого, сел к столу, нервно заправив за воротник салфетку. Ел он с волчьим аппетитом, не замечая ни поднявшегося вокруг шума, ни возгласов девиц, впрочем, негромких, словно придушенных. Мистер Кэмпбелл, сумев наконец при помощи мистера Моргана подняться, поспешно вышел, за ним столь же торопливо выбежал следом и мистер Морган.

Чёрные перчатки остались на полу в луже красного вина.

Доран растерялся и теперь исподлобья бросал на Коркорана задумчивые взгляды, преисполняясь новым недоумением. Почему Кэмпбелл не отреагировал на столь явное и гневное оскорбление? Неужели он всё же оклеветал Коркорана? Вчера отцу Дорану показалось, что сообщённое им стало разоблачением, но сейчас снова не знал, что и думать. Между тем Коркоран явно пришёл в себя, и хоть и выглядел больным, улыбался. Глядя в глаза его сиятельству, сообщил, что только что произошедший инцидент — следствие лихорадочного перенапряжения последних дней, ведь он нашёл труп, вот и разнервничался. Впрочем, он недолго утруждал себя притворством, и отчётливо пояснил, повернувшись к Клементу Стэнтону:

— В злословии, как в краже, виноватым считается потерпевший, я просто забыл об этом, — злобно отчеканил он. — Трудно отмыться, особенно, если последним узнаёшь, что облит. Но я забыл и ещё кое-что. Не суть важно, что болтают у вас за спиной, если все умолкают, стоит вам только обернуться. — Он подложил себе на тарелку пару кусков жареной косули и с остервенением вонзил в один из них зубы.

Граф бросил на племянника загадочный взгляд, но ничего не сказал. Друзья мистера Стэнтона не нравились ему. Сам же Стэнтон смотрел на брата с неожиданным испугом. Сейчас тот был подлинно страшен, в нём проступила величавая мощь, что-то царственное и палачески безжалостное. Доран видел, что Коркоран рассчитывался за ночной инцидент и теперь не знал, что и думать, окончательно потеряв себя в неясностях и сумбуре отношений,

слов, понятий. В Коркоране снова проступила истина — величественно и победительно. Но почему он ночью был столь потерян и убит? Почему вдруг сломался, как хрупкий тростник, надломленный ветром? Ответов не было.

Между тем добродушное послушание мистера Коркорана доводам разума в случае с мистером Нортоном, изысканная красота и образование племянника, его музыкальная и театральная одарённость давно покорили сердце милорда Лайонелла. Восторги и похвалы Кристиану расточали все слуги милорда, и не стоило удивляться, что лакеи, видя в нём будущего хозяина, то и дело вежливо роняли: «прошу вас, милорд», «да, милорд»... — чем почти до нервной дрожи бесили Стэнтон.

После завтрака Клэмент передал друзьям слова Коркорана, сказанные за столом. Те их никак не прокомментировали. В душе мистера Стэнтон поселились сомнения. Ему казалось вполне естественным предположение, что Коркоран получил деньги Чедвика ценой тех услуг, о которых говорили Чарльз и Гилберт, яростная же реакция Коркорана испугала его.

— Почему ты не вызвал Коркорана? — Клэмент напрямую обратился к Кэмпбеллу, внимательно вглядываясь в лицо приятеля.

Тот опустил глаза и пожал плечами.

— Он же сказал — разнервничался. Он невменяем и психопатичен. Просто сумасшедший. Что за смысл?

— Ну, смысл есть...

— Он на это и нарывался. Только пусть поищет другого дурака. Стрелять его учили Чедвик и Тилни, а те не промахивались. Дуэли отменены.

Мистер Стэнтон задумался. Да, в 1840 году дуэльный кодекс был упразднён. Но на месте Кэмпбелла он послал бы вызов и стрелялся, игнорируя любые последствия. В том случае, если... если бы считал себя правым. Клэмент не мог не сделать вывода о том, что либо его приятель трусоват, либо понимает, что оговорил Коркорана. Впрочем, не исключались и обе причины. Но это было не суть важно.

У Клэмента Стэнтон были совсем другие заботы. Его сводила с ума Софи, явная влюблённая в Коркорана. Он нервничал и его нервозность спровоцировала ещё одну странность. Он только за два предыдущих дня разбил несколько бокалов, без конца срывался на Бэрил, и даже имел неосторожность нагрубить дяде. При этом перед обедом того же дня, он, нервничая, раскрыл коробку с сигарами. Но ошибся. Это был всё тот же музыкальный сундучок — шкатулка георгианских времён, что продолжала стоять сломанной на комод. Вдруг оттуда снова раздалась мелодия.

«Поспеши ко мне, смерть, поспеши
И в дубовом гробу успокой,
Свет в глазах потуши, потуши, —
Я обманут красавицей злой.
Положите на гроб не цветы,
А камни.
Только ты, о смерть,
только ты
мила мне...»

Доран развёл руками. Искушение, право слово! Он после того раза, как шкатулку неловко сдвинул мистер Нортон, разобрал её едва ли не по винтику — и ничего. И вот — снова. Коркоран, слышавший эти звуки впервые, мрачно спросил, что тут удивительного? Это песенка шута Фесте из «Двенадцатой ночи». Милорд Хэммонд объяснил ему все обстоятельства, но большого недоумения в Кристиане не вызвал. Механизм неисправен, только и всего. А что она пела в прошлый раз? То же самое, осведомил его дядя, но со второго куплета. Ну, понятно, должно быть, заело пружину.

Сразу после завтрака Доран протянул Коркорану записку мистера Нортон, но тот окинул его непонимающим взглядом. Отец Патрик передал ему слова его сиятельства. Коркоран пожал плечами и предложил сжечь её.

— Или вы предлагаете мне гербаризировать её?

Доран молча бросил записку в камин. Он опять ничего не понимал, несмотря на ночь объяснений.

До конца этого дня Коркоран не то чтобы избегал Дорана, просто уединился в своем подвале. Доран чувствовал себя странно потерянным, и под вечер, сам не понимая зачем, всё же зашёл в его «келью». Коркоран сушил хвощ и перегонял что-то весьма благовонное. Заметив священника, прервался и, запрокинув голову, свысока посмотрел на него. Он был, кажется, подлинно обозлён и обижен, выглядел по-прежнему больным.

— Если вы пришли сюда с новыми подозрениями, не являюсь ли я царицей Вифинской, можете сразу и уйти. Никаких объяснений вы от меня не получите, — раздражённо бросил он, швыряя в ведро, стоящее у входа, ни в чём не повинный побег молодого хвоща.

— У вас больное лицо, Кристиан.

— Отчасти благодаря вам, Патрик, благодаря вам, — Коркоран вздохнул, опустил глаза с тяжёлыми веками, — воистину, «поношение сокрушило сердце моё...», — он тяжело вздохнул, — но это не упрёк. — Он усмехнулся, — ладно. Я не сержусь и готов считать ваши ночные обвинения отрывкой пустых бредней, случайным заблуждением мятущегося духа, а не упорством в ереси. Принимаю ваши непринесённые мне извинения. Понять, значит простить, говорили вы? Да, это я понять ещё способен. Мы оба погорячились. Забудем обо всём.

Доран против воли улыбнулся. Он не хотел терять этого человека, понял он. Он хотел до конца разобраться в безднах этого духа. Сейчас его порадовало, что Коркоран так отходчив и незлобив, но отсутствие объяснений с его стороны тяготило.

Но кое-что тяготило и Коркорана.

— Значит, всё это время, ещё до нашей встречи — вы подозревали меня... — Глаза его были темны и страшны.

— Нет. — Отцу Дорану казалось, что он правдив, по крайней мере, ему не хотелось усугублять боль Коркорана. — Скорее, эти слова вспоминались по временам, тревожили. Мистер Кэмпбелл не тот человек, любому слову которого веришь безоговорочно.

— И на том спасибо.

С того дня кое-что изменилось. Мистер Стэнтон, мистер Морган и мистер Кэмпбелл стали неизменно уединяться во время обеда в малой гостиной и не принимали участия в общих трапезах. Доран не мог не заметить, что гости мистера Стэнтон теперь всячески стремились избегать прямых столкновений и встреч с Коркораном, если же они случайно происходили, — делали все, чтобы быть как можно незаметнее и не провоцировать мистера Коркорана на агрессию. А последнее было необходимо, ибо отношение мистера Коркорана к

гостям брата изменилось разительно. Если раньше он едва замечал их, то теперь, стоило им где-нибудь столкнуться — глаза его вспыхивали сатанинской ненавистью.

В остальном же мистер Коркоран проводил дни размеренно и приятно. Утренние часы посвящал работе в своей «келье», как он окрестил подвальчик, днём гулял по окрестностям с Дораном, рыбачил с ним, вечерами музицировал для дяди, пел с мисс Бэрил, и развлекал девиц карточными фокусами.

Доран видел, что происходящее нервирует мистера Клэмента Стэнтонна, замечал и ещё одно обстоятельство, позволяющее назвать обстановку нервной в целом. Это была уже почти одержимая влюблённость мисс Хэммонд в мистера Коркорана и явно читаемая страсть мисс Морган — к тому же самому джентльмену. Ну, а так как эти особы постоянно сталкивались в проявлении внимания к мистеру Коркорану, то это не могло не вызвать между ними сначала — с трудом скрываемой антипатии, а затем и откровенной неприязни. Положение усугублялось полным безразличием указанного джентльмена к попыткам обеих юных леди привлечь его внимание.

Патрик Доран с новым недоумением наблюдал за младшим племянником графа. За неделю, прошедшую с того времени, когда гроб Нортон покинул Хэммондсхолл, Кристиан Коркоран ни разу не произнёс его имени, казалось, забыл о нём. Не упоминал он и о мисс Нортон. При этом его отношения с самим Дораном вернулись в прежнее русло, словно и не было той страшной ночи с гробом самоубийцы в холле. Все казалось небывшим.

Замечая равнодушие Коркорана к влюблённым в него девицам, священник как-то снова спросил его о том, почему бы ему не обзавестись семьёй? Семейное блаженство может подарить покой мятущейся душе, к тому же для него будет грехом уйти из этого мира, не оставив копий. Верная, любящая супруга, дети, домашний уют — разве это плохо?

— Я не назвал бы свою душу мятущейся, Доран. И почему, в таком случае, не женитесь вы сами?

Доран вздохнул.

— Мне себя копировать не резон. Ну, появятся в мире маленькие Дораны, если будут такими же, как папаша, — без таких копий мир проживёт, уверяю вас.

— Вы излишне строги к себе, Доран, — улыбнулся мистер Коркоран.

— Но у вас прекрасное состояние и такая внешность, что вам ни одна не откажет.

— А... вам, стало быть, отказали.

Доран смутился.

— Я не о себе. Но семейное счастье — это важно...

— Прекрасно. Именно о такой жизни мечтает мистер Джеймс Соммер.

— Джеймс Соммер? Кто это?

— Мой лакей, Патрик. Человек в высшей степени разумный. Но если о такой жизни мечтают наши лакеи — наши мечты должны быть хоть чуть иными. Еда и кров, любовь, семейное блаженство, чувство собственного достоинства, творчество... Вот обычные цели. Потом следует распад. Никогда нельзя ставить перед собой подобные цели, если только не влечетесь к гибели. Достижение цели станет началом распада. Но бесцельность тоже бессмысленна. Если хотите остаться в вечности — ставьте перед собой самую недостижимую цель. — Он посмотрел на Дорана и усмехнулся, — я понимаю, о чём вы хотите спросить меня. Я льщу себя надеждой, что в короткую эпоху своего формирования, становления во мне мужчины, я не сильно нагрешил. Я быстро понял, сколь искустельна

моя внешность. В меня легко влюбиться. Чужая любовь ни к чему тебя не обязывает. De jure. Но в итоге приходится быть либо безжалостным — либо лживым, изображая ответное чувство, которое вовсе не испытываешь.

— Господи! Вы никогда не были влюблены?

— Почему же? Был. Правда, лишь единожды. Но чувство принесло новые беды — я перестал быть собой, терял себя, выходил за свои пределы, словно повисал в бездне. И это тяготило неимоверно. Любовь требовала всего. Я отдал душу, и сущность свою, и святую тайну духа... Меня любили, Доран. Эта была радость невинная и святая — ибо желаемая природой, освящена Господом!.. но... я ведь чувствовал: в этом счастье была горькая примесь боли, лёгкая грусть — ибо достигнута была вершина, и вечно преходящее хотело остаться в вечности!.. — он вздохнул. — И боль не обманула. Я скорбел, когда все кончилось — но, если быть честным с собой, я был рад, что всё кончилось. Господь дал мне возможность сравнения. В юности мы вынуждены принимать основополагающие решения — выбирать призвание, спутника жизни, — выбирать, ещё не зная самих себя. Выбор такого рода случаен, ты просто влечёшься в общем потоке, совершаешь предписанное, кем-то рекомендованное, но дальнейшее формирование открывает тебе — тебя, и ты понимаешь ложность многих предшествующих ходов, сделанных по инерции, по чужому совету или вслепую. Мне, по счастью, дано было понять, не успев исказить и испортить чужую жизнь, что я — волк-одиночка. Но не содомит, Доран, отбросьте ваши дурацкие подозрения, не унижайте меня больше подобными поношениями. Клевета — месть негодяев, но верить ей — низко.

Доран проигнорировал последние слова.

— Вы хотите сказать, что расставшись с любимой, вы не исказили её жизнь? Что она счастлива без вас?

Коркоран взглянул на него сонными глазами.

— Она умерла от оспы, Доран. Но, повторяю, потеряв её — я почувствовал себя не столько несчастным, сколько свободным. Я честен с вами. Я лгу только из жалости — вы в этом не нуждаетесь. Я понимаю, с кем говорю.

Доран не усомнился в искренности собеседника, ибо признание в подобном чести не делало — но кто знает, что в таких случаях делало человеку честь? Он знал тех, кто не мог годами оправиться от жизненного удара, — но едва ли они внушали какое-то уважение. Скорее и вправду — только жалость. Доран не был слабым человеком и смотрел на мир не с позиции кролика. Взгляд собеседника был ему понятен.

— Я больше не могу любить женщину, Доран. Позволить себе быть зависимым от другого человека — это худшее, что можно с собой поделать. Я понял это и теперь нашёл новую любовь — и счастлив, ибо она вечна, нерушима и истинна. Я найден Господом, и Он возлюбил меня. Любить же человека можно только ради Бога, Доран, всё остальное — похоть.

Доран смутно понимал Коркорана, что-то подобное он чувствовал и сам, но его трагедия была в том, что ему ради Бога просто некого было любить.

— Значит, ваши планы — одиночество? Вы хотите целиком посвятить себя науке?

— Это паллиатив. Я обычно говорю это, чтобы не шокировать людей.

Доран усмехнулся.

— Вы уже столь часто шокировали меня, Кристиан, что я без труда вынесу ещё один шок.

Коркоран посмотрел в землю и некоторое время молчал. Потом проговорил.

— Я рассказывал вам, что мы с коллегой оказались год назад в монастырской больнице. Там я познакомился с лекарем — братом Гаэтано. Его настоящее имя — Эдмондо Карачиоло. Это одна из древних фамилий Италии. Он, я говорил вам, многому научил меня. Незадолго до того, как нам пришла пора уезжать, к нему привезли под вечер мальчонку, упавшего с дикой груши, и старика с приступом астмы. Он врачевал их до полуночи, но вот все больные заснули... Я наблюдал за ним. Он вышел в монастырский садик, где были привязаны к изгороди два ослёнка, а около стены лежали несколько охапок соломы, бросил на них свой плащ и лёг. Когда я вышел в сад, он уже спал. Он лёг здесь, чтобы первый петух разбудил его. Я долго смотрел на него. Лунный свет заливал сад. Он лежал, чуть запрокинув голову, одна рука лежала под головой, другая — спокойно покоилась вдоль тела, во всей его позе было столько величия... Но его лицо... — Глаза Коркорана вдруг налились слезами, — Доран, я никогда и нигде в мире не видел такого лица! На нём сиял свет Вечности! Так спят бессмертные, Доран! Я не мистик, призраков могу только придумать. Мне не мерещилось. На лице этого монаха был отсвет совсем иного бытия, потаённое сияние Божественности. Так сияло во тьме Гефсимании лицо Господа. Я не спал до утра. Наутро мы уезжали... Я говорил вам, что не встречал среди ровесников друга... Но этого человека... Я сбивчиво проговорил ему на прощание несколько слов благодарности. «Grazie, amico mio» Мне так хотелось, чтобы в ответ он тоже назвал бы меня другом. Я загадал, что тогда непременно вернусь сюда — и навсегда.

— Но он этих слов не произнёс?

— ...Нет. Этих не произнёс... — лицо Коркорана было, однако, мечтательно и странно нежно. Он тихо вздохнул. — Вместо этого — я здесь. С влюблёнными педерастами, с вздорными дурочками, с братом, ненавидящим меня до дрожи и завидующим мне, с гильденстернами и розенкранцами... «Sie haben mich gequaleet, geargert blau und blaß, die Einer mit ihrer Liebe, die Andern mit ihrem Haß...»^[5] — вяло пробормотал он строчку из немецкого поэта. — Я давно сформирован и различаю в себе зов Божий и искушения дьявольские. Меня влечёт туда не искусы, но призвание, Доран.

— Но, стало быть, всё же католицизм?

— Христос, Доран, Христос. Он находит вас там, где это угодно Ему, а не там, где это удобно вам. Этот мир отвернулся от Христа, и к теперь к Христу придёшь, только отвернувшись от мира.

— Помилуйте, похоронить себя в Богом забытом итальянском селении! С такой внешностью, одарённостью и состоянием?

— Да поймите же, Доран, во-первых, похоронить себя в лондонских клубах и в семейке ничуть не лучше, а, во-вторых, мне нельзя здесь оставаться. Подобные мне опасны на людских путях. Разве вы ещё этого не поняли?

— Мистер Кэмпбелл и мистер Морган говорили о чем-то подобном. Но Нортон опасны сами для себя.

— Рад, что вы начитаете это понимать. Но я — воистину дурной искус для весьма многих.

— И ваше решение твёрдо? Монашество?

Коркоран вздохнул.

— Нет. Это путь, с которого нет возврата. Я чувствую себя любимым Господом. Господь со мной. Но и сейчас бывают дни страшной богооставленности, ужасных сомнений,

искушений запредельных. Что будет там? Глупо думать, там — покой духа. Это бой с дьяволом, а готов ли я? Вы же видите, я не тороплюсь, не делаю нелепых жестов, невозвратных движений. Это не минутный порыв: оно зреет во мне уже годы, я чувствую призвание к одиночеству и, кажется, посвящён Господу. Но страх... Гаэтано говорил, что уходит каждый второй. Уйти я уже не смогу, но боюсь остаться в монашестве, дабы не нарушить обеты, при этом кляня судьбу. При надрыве — смогу ли я переломить себя? Ошибка может иметь для такого, как я, роковые последствия, дав обеты, а затем поняв, что монашество мне не по силам, я всю оставшуюся жизнь буду чувствовать себя искалеченным. Гаэтано убедился, что это его призвание, только после долгого искуса, постриг был не началом его монашеского пути, а итогом семилетнего испытания. Он говорил, что был холоден и мало думал о женщинах в миру, но в монастыре от напряжения плоти год едва не бился головой о стены, что ни в грош не ставил свои знаки власти в этом мире, но за стенами монастыря его настигли горестные сожаления о них, искусы были тягостны и суровы. Монашество — удел избранных. Но избран ли я? Как не переоценить себя? Я боюсь, Доран.

Доран молчал.

— Но... здесь, — Коркоран уставился в землю, — не знаю, как объяснить. Такие, как я, не нужны здесь, в этом мире. Мы — иные.

Чедвик говорил, что я его усиливал. Хотелось бы верить. Но слишком многих я... я не люблю мистических аналогий... Но из некоторых людей я словно вытягиваю душу, выматываю их и изнуряю. Говорю же вам, я опасен на людских путях. Меня называли вампиром. Это чушь — мне не нужна чужая гнилая кровь, но вокруг меня много трагедий. Ведь Чедвики — редки, а Нортон — общее правило. — Коркоран вздохнул. — При этом я сам порой не знаю, куда девать себя. В Риме и Болонье в научных кругах говорят о служении людям. Вздор. Наука может лишь поднять уровень комфорта задницы человечества, она позволит доехать из Рима в Лондон втрое быстрее, чем ныне, даст возможность продлить человеческое бытие, — но она никогда не сделает из мистера Кэмпбелла приличного человека, не излечит брата от жадности, не одарит мистера Нортон самоуважением и не прибавит ума мисс Морган. В итоге бесчисленные подлецы, педерасты, пустые, корыстные ничтожества и дурочки будут, как одержимые, носиться по свету, жить в комфорте и уюте, заботясь о продлении своей никчёмной жизни. Служение людям... Нетрудно любить Христа, отдавшего за тебя свою жизнь. Но как любить во имя Его тех, кто порочит имя Божье одним своим смрадным присутствием в этом мире? Это для меня неразрешимая апория, Доран, — он горько усмехнулся. — И все же туда, в Пьемонт, я стремлюсь не от мерзости мира, Доран, ибо я сильнее мерзости мира, но к Господу... Там я видел свет, какого нет нигде в мире. Я думаю о долгом послушании в миру, работе вместе с Гаэтано, работе в Болонье, и может, к сорока годам...

Доран вздохнул. Коркоран, что и говорить, на свой счёт не заблуждался. Но Доран не хотел расставаться с этим человеком, тоже усиливавшим его, хотя не мог не понять его правоту.

...Как-то они направились на рыбалку. Доран признал, что мистер Коркоран — удачлив. Пятифунтового голавля он, правда, в ручье не выловил, но клевало у него непрерывно, и садок его быстро наполнился. Воспользовавшись его добродушным настроением, Доран поинтересовался:

— Вы сказали, что хотели избавиться от мисс Нортон вовсе не потому, что она была навязчива. Так почему же? Почему вы вообще хотели все рассказать и — обречь её на неприятности?

Мистер Коркоран опустил удочку и задумался, глядя на приречные камыши.

— Постарайтесь понять меня, Патрик. Вы пеклись в этой истории о том, чтобы избавиться от неприятностей девушку. Девушку, которая, нисколько не колеблясь, без стыда забирается в спальню джентльмена среди ночи. Девушку, которая вероломно и низко поливает грязью свою ближайшую подругу, рассказывая самое дурное, что знает о ней. Девушку, готовую похоронить родного брата при трёх дорогах, и вообще — выбросить его тело псам, лишь бы добиться вожаденной цели — заполучить в мужа богатого и красивого джентльмена. Вам не кажется, Патрик, что эта девица нуждалась в... некотором вразумлении? В очищении её столь рано искажённой и сильно перекошенной души? Скандал привёл бы к тому, что от неё начали бы шарахаться в обществе — ни одна разумная мать не позволила бы сыну жениться на подобной особе — сестре самоубийцы и содомита. Это заставило бы её задуматься — что стоит порядочность? Что есть честь? Может быть, она опомнилась бы. Одиночество вразумляет. Если же и это не заставило бы её поумнеть и образумиться — значит, порча разъела эту душу окончательно. Но вы пошли по пути легчайшему и грешному — всё покрыли. В Лондон уехало ничтожное, пустое, развратное, подлое и озлобленное существо. Вы милосердны, Патрик, но вы увеличили количество зла в мире, — он грустно взглянул на мистера Дорана. — Я не осуждаю — просто констатирую.

Доран был подлинно поражён.

— Помилуйте, Коркоран! Эта девочка, почти ребёнок...

Коркоран окинул его долгим взглядом, в котором читались дружелюбие, жалость и насмешка.

— Это вы почти ребёнок, Доран, несмотря на зрелые годы и здравомыслие. Я видел её глаза, когда она стояла у моей постели. Это были глаза Мессалины. Проходя мимо неё, я опускал очи, как семинарист, идущий мимо ночного заведения. И это притом, что застенчивостью не отличаюсь.

— Бога ради, что вы говорите?...

— Разумные вещи, Патрик, разумные вещи. Вспомните себя. Вы обмолвились, что вам отказали. Эти четырнадцать лет одиночества сделали вас хуже? Глупее? Нет. Вы набрались ума и созрели. Зачем же отнимать у другого шанс поумнеть? Не бойтесь бед и ударов судьбы — они посылаются нам во спасение и вразумление.

Они собрали снасти и двинулись к дому. Коркоран лениво продолжал.

— Моё сиротство научило меня разбираться в любви и людях, моё одиночество заставило мыслить, унижения и обиды, испытанные в детстве, закалили меня. Я жалею, что помощь дяди не дала мне узнать вкус нищеты — это тоже пошло бы мне на пользу. Горе делает нас людьми, Доран, а ваше «всепрощение» — просто потворство мерзости.

Доран поморщился, но не сдавался.

— Но ведь и его сиятельство просил вас...

— Граф понятия не имел, что представляла собой мисс Нортон на самом деле. Он — добрый человек и склонен смотреть на молодёжь с улыбкой и снисхождением. Во всяком случае, пытается.

Доран кивнул. Это было верно. Он опустил глаза и спросил о том, что его подлинно удивляло в Коркоране.

— Вы говорите, что не застенчивы... Я бы даже сказал, лишены стыда. Почему?

— Я не лишён стыда, с чего бы? Просто меня вечно заставляли стыдиться всего, что во мне подлинного: самого себя, своего тела, своего произношения, своих взглядов. Я пытался подстраиваться под всех, но едва не кончил разладом с самим собой. Людям не приходилось бы стыдиться, если бы они уважали себя сами и были подлинно достойны уважения. Я стыжусь своих мерзких мыслей, своей плотской слабости, но почему я должен стыдиться своей наготы? Я образ Божий.

С этим спорить отцу Дорану было трудно, хоть он и понимал, что суждения мистера Коркорана не универсальны.

Тот же уверенно продолжал:

— Во мне есть стыд — стыд совершить низость, но этот стыд есть мужество. А почему я должен стыдиться своего мужества?

Доран снова бросил внимательный взгляд на Коркорана. Он вернулся к изначальной теме разговора.

— Ну, хорошо, мисс Нортон, по-вашему, юная Мессалина. А ваша кузина Софи и мисс Морган? О них вы придерживаетесь, надеюсь, более лестного мнения?

Чёрные брови мистера Коркорана взлетели вверх, изогнувшись причудливым изломом.

— Это ещё почему? Мисс Хэммонд — особа самовлюблённая, невежественная, высокомерная и эгоистичная. Мисс Морган — девица пустенькая по преимуществу, к тому же — вздорная и истеричная. Но глупость не вразумляема, тут ничего не поделаешь, а вот кухне порция розог не помешала бы. И не маленькая порция.

Доран усмехнулся.

— Кто-то из гостей мистера Стэнтонна рассказывал, что вы однажды отдали любовное письмо девицы её отцу и посоветовали ему выпороть бедняжку. Это шутка?

— Ничуть, — возразил Коркоран. — Помню эти безграмотные каракули семнадцатилетней дурочки. Её отец... по понятным причинам, не могу назвать, человек был весьма разумный. Он сердечно поблагодарил меня и задал дочурке таких розог, что говорят, неделю она могла только лежать задом кверху, пришлось делать припарки с розовым маслом, потом её отправили на год в закрытый пансион в Корнуолле. Там глупышку основательно подучили грамоте. Сейчас она — супруга лорда, мать троих детишек. Говорят, отличается большой разумностью суждений, особа зрелая и серьёзная.

— Но ведь девушка... любила вас, Кристиан.

Коркоран вознёс глаза к небу.

— Опять?? Я танцевал с ней на балу у сэра Джеймса Тилни, Доран. Нас представили. Во время танца я поинтересовался, давно ли она вышла в свет и часто ли бывает у Тилни? Спустя десять минут я задал ей ещё один вопрос, знакома ли она с дочерью хозяина? После того, как танец закончился, сел играть в вист с Чедвиком — и больше не видел её и вообще забыл о ней, пока не получил пылкое письмо влюблённой глупышки. Если вы считаете это любовью — у вас странные представления о любви. Что она полюбила? Что до моей дорогой кузины Софи, — он развёл руками, — бойтесь женщины, в душе которой нет Бога. Господь не войдёт в нас, пока мы заполнены мерзостью, но Он не войдёт в нас и пока мы пусты. В этом смысле пустота кузины Софи предпочтительнее откровенной мерзости мисс Нортон, но я не хотел бы сравнивать. Я люблю несравненное, Доран.

Они подошли к дому, сгрузили снаряжение в подвальчике, подоспевший лакей отнёс рыбу на кухню, бросив на мистера Коркорана взгляд, исполненный уважения и восхищения.

Первое относилось к его улову, второе — к его внешности.

Они сели в саду на скамью.

— И не надо покрывать мерзость, Доран, не надо прятать грязь. Кто не замаран и чист, — не боится грязи. Не бойтесь бросить тень на реноме подлеца — это удержит в узде других подлецов, не бойтесь определённых высказываний — иначе в вас самом поселится неопределённость, а то и что похуже... О, Господи! — Последнее восклицание вырвалось у Коркорана, когда на террасе появился мистер Клэмент Стэнтон. Он огляделся и, заметив брата со священником в саду, решительно направился к ним. — У моего брата такой вид, словно он намерен бросить мне в лицо перчатку.

Клэмент Стэнтон, и вправду, был взвинчен и рассержен, и хотя причина его гнева, на первый взгляд, не имела непосредственного отношения к мистеру Коркорану, — но это только на первый взгляд. В разговоре домоправительницы с садовником, только что услышанном им, снова прозвучали слова «молодой милорд Коркоран поймал дюжину голавлей и приказал поджарить их...», дядя, по слухам, вызвал на вечер пятницы юриста из Гластонбери, а это свидетельствовало о том, что он уже готов был сделать последние распоряжения. Стэнтон кипел.

Доран понял достаточно, чтобы поспешить удалиться, но Клэмент заговорил, не дожидаясь и словно и не ожидая его ухода. Вскоре после приезда узнав, что доход священника всего несколько сот фунтов в год, Стэнтон не обращал на него внимания и никогда не обращался к нему. Проигнорировал он его присутствие и сейчас.

— Меня предупреждали, Коркоран, что в вашем лице я имею дело с хитрейшим пройдохой и умнейшим негодяем, который прибыл сюда специально, чтобы прибрать к рукам Хэммондсхолл. Я не верил, но теперь убедился в правоте людей, предупреждавших меня. Вы ловко вкрались в доверие старику, и теперь рассчитываете, что сможете прибрать к рукам титул, дом, деньги и уголья. Разве вы не достаточно богаты, чтобы притязать на то, что вам не принадлежит? Точно также вы поступили с Чедвиком, ублажив его похоть, и лишив имущества законных наследников!

Коркоран оставался безучастным во время этой речи брата, даже улыбался, но страшно напрягся, когда тот упомянул Чедвика. Рука его, как молния, хлестнула по щеке мистера Стэнтонна, после чего Коркоран сказал, что Клэмент может передать дяде, что он, Кристиан, отказывается от титула и своей доли в наследстве.

Клэмент задохнулся от ярости и удивления, бросил недоумевающе-гневный взгляд на Коркорана, ибо был одновременно взбешён пощёчиной и поражён его согласием удовлетворить его требование.

— Вы... издеваетесь?

— Брат мой... — Кристиан был теперь внешне спокоен и сумрачен. — Вы выразили мысль, что я притязаю на то, что мне не принадлежит, я же говорю вам, что ни на что не претендую. Разве вы не этого от меня хотели услышать? Скажите милорду Лайонеллу, что я отказался от наследства. Мистер Доран — свидетель. При этом позвольте вам сказать, что если вы осмелитесь ещё раз в оскорбительном контексте упомянуть имя его сиятельства графа Чедвика, то я забуду о нашем родстве — и все мои обязательства станут прахом. Перестаньте повторять лживые мерзости господ Моргана и Кэмпбелла. А теперь, если у вас больше нет ко мне претензий, дозвольте нам с мистером Дораном продолжить прерванную вашим вторжением занимательнейшую беседу.

Стэнтон побледнел. Несколько мгновений он молча пожирал глазами Коркорана,

потом, резко развернувшись, быстро пошёл к террасе. Священник с любопытством посмотрел на него. Граф Хэммонд сделает те распоряжения, которые найдёт нужными, и отказ Коркорана от его доли наследства ничего не решал. Каким образом Стэнтон решится сказать дяде о словах кузена? Он не уполномочен обсуждать чужую волю ни с кем, более того, подобным заявлением, решишь на него Стэнтон, он слишком уж бестактно продемонстрирует графу, чем озабочен. Сделай он подобное, — лишь взбесит милорда.

— По-моему, ваш братец несколько странен, — заметил он.

Коркоран болезненно поморщился.

— Ненасытная утроба. Ну, что ж, отдадим всё, что он хочет. Если и не наполним бочку Данаид, то хоть от скупца отделаемся, — он поморщился, — и это брат... а ещё говорят, blood is thicker than water^[6]. Как велики людские притязания, и как ничтожны их цели. Ну, вот, — вяло откомментировал он, глядя на пальцы, — руку отбил.

Доран снова задумался. «Хитрейшим пройдохой и умнейшим негодяем» называли этого человека Стэнтону. «Прибыл сюда специально, чтобы прибрать к рукам Хэммондсхолл». Всё, что говорил Коркоран, было в разительном противоречии с этим утверждением, между тем, Коркоран никогда не был так близок к тому, чтобы стать наследником состояния и титула.

Патрик Доран неожиданно разозлился на самого себя. Что мешало ему понять этого человека, разобраться в нём? Почему он постоянно подозревал в нём скрытую низость? Между тем Коркоран, пожаловавшись, что становится жарко, предложил скоротать время до обеда в бильярдной. Вскоре туда вошёл и милорд Хэммонд. Кристиан незамедлительно обратился к нему с вопросом, беседовал ли с ним уже его кузен? Граф удивился. Он не видел Клэмента. Коркоран переглянулся с мистером Дораном и пожал плечами. Вскоре, вызванный домоправителем, его сиятельство их покинул.

— Мне неудобно говорить с графом о завещании, но я уполномочиваю вас, Патрик, сказать его сиятельству о том, что я отказываюсь от своей доли наследства в пользу оставшихся. Если Стэнтон сошлётся на вас в подтверждение нашего разговора — подтвердите его слова. Я думаю в конце недели отбыть в Италию.

— Мне кажется, ваш брат просто не ведал, что говорил. Не вам и не ему это решать.

— Разумеется, но мне просто... начинает надоедать всё это, Доран. Закончу сбор трав в ближайшие три дня, упакуюсь — и откланяюсь. Если вы не против, завтра, за два дня до полнолуния, нужно собрать шалфей и богородичные травы. Поможете мне? Их важно собирать в утренних сумерках вдали от дорог...

Доран вздохнул и кивнул. Он заметил, что Коркоран, уходя, окинул его каким-то странным взглядом, ласковым и грустным, в котором ему к тому же почему-то померещился упрёк.

Глава 14. Голубая бездна

Отъезд мисс Нортон, с нескрываемой радостью воспринятый мисс Хэммонд, не привёл, однако, к каким-то заметным изменениям в Хэммондсхолле. Мистер Коркоран по-прежнему не обращал никакого внимания на ухищрения двух юных леди, более того — он стал намного резче, перестал, даже здороваясь по утрам, улыбаться, был поглощён своими исследованиями, часами не выходя из подвала, беседовал только с дядюшкой и мистером Дораном, и — что особенно досаждало Софи, — неожиданно стал оказывать кухне Бэрил знаки явной симпатии. Вечерами разучивал с ней новые дуэты, потом они организовали трио с мистером Дораном и часами музицировали под восторженным взглядом его сиятельства, любившего хорошую музыку. Однако, как с удивлением отмечала Софи, кухня вовсе не пыталась воспользоваться оказываемым ей вниманием. Она всё так же проводила дни в уединении — в библиотеке и в музыкальном зале. Софи же сходила с ума, от неё осталась одна тень, она казалась совсем больной, словно чахоточной.

Это, наконец, соизволил отметить и мистер Коркоран. Однажды, войдя в библиотеку к Бэрил, Софи услышала своё имя. Мистер Коркоран и Бэрил говорили о ней, но услышать ей ничего не пришлось, ибо из коридора послышались шаги. Не успела Софи укрыться за колонной, вошёл мистер Доран и поторопил мистера Коркорана. Все они вышли из книгохранилища. Несколько минут Софи не могла смирить волнение, но потом решила разыскать кухню. Застав её у рояля, когда мистер Коркоран с мистером Дораном ушли на рыбалку, мисс Хэммонд напрямик спросила сестру, о чем они говорили с мистером Коркораном в библиотеке?

Бэрил не стала делать вид, что не знает, о чём речь, поняв, что Софи слышала что-то из беседы. Надо сказать, что зачинателем разговора был сам мистер Коркоран, обратившийся к ней с вопросом, насколько хорошо Бэрил знает мисс Хэммонд и имеет ли на неё какое-либо влияние? Мисс Бэрил пожала плечами. Они несколько раз виделись, когда были детьми, но последние семь лет не встречались. Молодая леди не думала, что способна в какой-то мере повлиять на Софи: та слышала только то, что хотела слышать и игнорировала всё, что ранило её самолюбие. Мисс Бэрил понимала, что поведение кухни неприлично и ставит мистера Коркорана в неприятное положение, но не надеялась образумить сестру.

— Может быть, мисс Хэммонд можно было бы занять чем-нибудь? Чтением, музицированием, шитьём или вышиванием, прогулками по окрестностям? Живопись? Картами, наконец?

Мисс Бэрил снова пожала плечами. Она неоднократно предлагала сестре подобные развлечения, но это ни к чему не приводило. Чтение сестру не интересовало, рукоделия она не любила, рисовать не умела, а петь отказывалась. Тогда мистер Коркоран предложил вечером отправиться на прогулку — с ними двумя. Будет ли это удобно? Они могли бы погулять по парку. Мисс Стэнтон улыбнулась и заметила, что к ним наверняка присоединится и мисс Морган. Это не испугало мистера Коркорана, и он просил Бэрил передать мисс Софи, что после заката они пойдут в парк.

Передавать содержание этого разговора сестре мисс Бэрил не стала, но сказала, что мистер Коркоран пригласил их обоих на вечернюю прогулку. Глаза мисс Софи блеснули. Сестра не шутит? Мистер Коркоран пригласил их? На миг ей стало обидно, что с приглашением он обратился не к ней, но к Бэрил, но это чувство быстро растаяло от новой

мысли — как ей одеться? Она торопливо распрошлась — и побежала к себе.

Оставшись одна, Бэрил вздохнула. Как можно столь явно показывать свою склонность? Пугала ее и страстность сестры: та не могла сдерживать свои чувства и порывы, была навязчива и многоречива. Мисс Бэрил понимала, что мистер Коркоран ничуть не увлечён сестрой. Но это приглашение... Она восприняла его совсем иначе, нежели кузина. Уж не хочет ли мистер Коркоран прямо при ней объясниться с мисс Софи? Он — человек прямой и резкий, и вполне на это способен.

Но ведь последствия могут быть ужасны!

Неожиданно она вспомнила мистера Нортон и обрывок услышанного разговора дяди с мистером Дораном. Не высказался ли мистер Коркоран... но нет. Она слишком мало понимала в произошедшем, чтобы делать какие-либо заключения. Но теперь Бэрил почувствовала прилив смелости и решила при первом удобном случае попытаться выяснить неясные обстоятельства гибели мистера Нортон. Нет, она и мысли не допускала о разговоре с мистером Коркораном или с дядей. Она поговорит с мистером Дораном, который был, безусловно, в курсе всех обстоятельств, при этом внушал мисс Бэрил большое доверие мягкостью, музыкальностью и спокойным прагматизмом.

Но что если смутно угаданное ею — правильно? Тогда можно опасаться, что мистер Коркоран может столь же откровенно сказать кузине правду, а предсказать последствия... Но что делать? Повлиять на Софи немислимо — пустота этой души не подлежала оформлению. Повлиять на мистера Коркорана тоже было невозможно — такими людьми управлять нельзя, он поступит так, как сочтёт нужным, ни с кем не считаясь. Она вздохнула. «Господи, вразуми и сохрани их всех...»

После ужина прогулка и впрямь состоялась, причём, мистеру Коркорану удалось устроить так, что мисс Морган не смогла сопровождать их — она играла в кадрили с милордом Хэммондом. Мисс Бэрил трепетала, опасаясь, что кузен прямо при ней выскажет своё недовольство сестре. Мисс Хэммонд тоже трепетала — в восторге от приглашения. Её платье изумляло роскошью, весьма мало, правда, подходя для прогулок и составляя странный контраст простому платью Бэрил.

Кузен не оправдал ни опасений Бэрил, ни надежд Софи. Он затеял весьма странный разговор с мисс Стэнтон об известных музыкантах, потом цитировал на память десятки поэтов, говорил и о составах древних снадобий и лекарств, которыми глупцы пытались продлить жизнь.

— Вы говорите с таким презрением, — заметила мисс Бэрил, — словно считаете исцеление больных глупостью, а попытки продлить жизнь — грехом.

— Так и есть, сестрица. Человек должен жить, пока он угоден Господу. Если же ты не угоден Господу — зачем жить?

— Но мне показалось, что вы все же интересуетесь древними снадобьями, тайнами растений. Зачем же?

— Чтобы постичь величие Божие, только и всего. Если же какое-то открытое мной снадобье заживит царапину, или позволит дышать астматику — это вторично, но допустимо к применению, ведь это всё равно есть проявление величия Божьего.

Бэрил улыбнулась.

— Вы часто говорите о Господе. Почему же вы не предпочли церковь?

Мистер Коркоран улыбнулся.

— Такие вещи не могут быть предпочитаемы, дорогая Бэрил. Это они оказывают

предпочтение вам. И кто знает, может, Божьи стези когда-нибудь выберут меня. Между моим нынешним делом и стезями Господними пропасти нет.

Мисс Хэммонд устала слушать разговор, в котором не было ни слова о том, что было для неё самым важным на свете, но вступить в беседу не решалась, однако последняя реплика мистера Коркорана заставила её поморщиться.

— Можно подумать, все эти священники — святые. Посмотрите на этого... что ходит повсюду с вами. Только и делает, что на девиц пялится. Он, что, по-вашему, святой?

Мисс Бэрил вздохнула и поморщилась. Зачем она так? Сестре не следовало осуждать человека, которого она совсем не знала. Мистер Коркоран улыбнулся.

— Мистер Доран — человек порядочный и праведный, хотя и не безгрешный, ибо несть человека родившегося — и не грешащего. Святость, дорогая кузина, не есть кристальная чистота души и тела, но стремление к ней и усилия по её достижению. Чем большие усилия прилагаются человеком по очищению своей души — тем выше и его святость.

Софи полагала, что это никому не нужно, но вслух этого не сказала. Прогулка все больше разочаровывала её — мисс Бэрил то и дело вставляла реплики, обменивалась с мистером Коркораном шутками и замечаниями, делавшими беседу занимательной, но ей не представлялось случая сказать что-либо интересное. Точнее, в случаях-то недостатка не было, но что было сказать-то? Мистер Коркоран затеял с кузинами забавную игру — цитировал высказывание, предлагая угадать, чьё оно. Мисс Бэрил угадывала часто, и тогда, отгадавшая, задавала вопрос сама. Тот, кто отвечал правильно, получал очко.

— «Как далеко простираются лучики крохотной свечки! Так же сияет и доброе дело в мире ненастья».

— Шекспир!

— Правильно. Пять очков. Ваша очередь, Бэрил.

— «Любовь — это мудрость дурака и глупость мудреца».

— Это Самуэль Джонсон, мисс Бэрил. Теперь вы угадывайте. «Человек отличается от других созданий способностью смеяться».

Бэрил задумалась. Софи же игра раздражала — она мало читала, не могла угадать ничего, и ей казалось, что мистер Коркоран специально затеял эту игру, чтобы унижить её. Мисс Бэрил наконец робко спросила:

— Джозеф Аддисон?

— Правильно. Шесть очков. Ну, а что вы предложите?

— «Если ваш знакомый полагает, что между добродетелью и пороком нет никакой разницы, после его ухода нелишне пересчитать чайные ложки».

— Это тоже Джонсон. Вы любите его?

Бэрил рассмеялась.

— У нас в пансионе преподаватель греческого языка часто его цитировал. Особенно рекомендовал запомнить, что «мужчине приятнее видеть накрытый к обеду стол, чем слышать, как его жена говорит по-гречески». А преподаватель гимнастики часто цитировал другое его высказывание: «Я не раз со всей искренностью говорил молодым людям: если хотите чего-то добиться, вставайте пораньше — сам же ни разу в жизни не подымался с постели раньше полудня...», а миссис Линдон, прекрасная пианистка, всегда приводила высказывание Джозефа Аддисона: «То, что не является чепухой, не может быть положено на музыку». Я возражала, ведь и шекспировские сонеты, и псалмы поются, но она была уверена, что современных песенок с умными словами не сыскать.

— Ну, в этом она не так уж и ошибалась.

Тут их трио стало квартетом — на тропинке показался мистер Доран. Он удивился, заметив мистера Коркорана с его кузинами. К разочарованию мисс Хэммонд, мистер Коркоран пригласил и его принять участие в игре, чем окончательно дал понять, что в этой встрече, от которой она ждала столь многого — для него нет ничего личного. Однако священник пришёл, чтобы позвать в дом мисс Бэрил — её искал брат. Они ушли, и мисс Софи возликовала — теперь мистер Кристиан остался с ней наедине. Она не могла не сделать ряд замечаний о заумных синих чулках и увлекла его в глубину парка. Сам же мистер Коркоран в очередной раз утвердился в своем невысоком мнении о кузине Софи, сделав для себя вывод, что мисс Хэммонд — особа удручающе невежественная и пустенькая. Но на лице его при этом сохранялась улыбка мягкой доброжелательности. Мистер Коркоран, что и говорить, был истинным джентльменом. Когда сам того хотел.

Мистер же Доран, проводив мисс Стэнтон в гостиную, вышел в ночной сад, долго слушал шелест листвы, сливающийся с тишиной треск цикад и размышлял. Странно все, пронеслось у него в голове. Воистину, чертовщина. Коркоран и подлинно сумел всего за несколько недель покорить сердце милорда Лайонелла. Тот не надышится на племянника. Говорит только о нём, восторженно цитирует, хвалится им даже перед лакеями. Нет слов, с такой-то внешностью больших усилий, чтобы привлекать сердца, не требуется. Разве он сам не с трудом борется с колдовским обаянием Коркорана?

Итак, допустим, цель его — Хэммондсхолл, графский титул и ещё одно состояние. Он не торопится к цели, идёт к ней спокойно и размеренно. Его слова призваны одурачить его, Дорана, заставить думать, что его волнуют вопросы духа, кои нынче никого не занимают. Доран не верил теперь в грязь моргановых и кэмпбелловых сплетен о какой-либо мерзости в их отношениях Коркорана и Чедвика, видимо, Коркоран просто ненавязчиво и осторожно втёрся в доверие к старику, скомпрометировал естественных наследников, что с его-то умом и артистизмом — просто пара пустяков, да и те, видимо, своим образом жизни давали основания для этого, и вот он — обладатель двухсоттысячного состояния. Теперь — новая цель, Хэммондсхолл.

Но так ли? Демонстративный отказ от наследства ничего не решал, скорее, мог сыграть на руку Коркорану. Час назад Доран уединился с графом и задал его сиятельству вопрос о том, принял ли он какое-то решение по завещанию в отношении двух племянников, ни словом не обмолвившись о произошедшем между Стэнтоном и Коркораном разговоре. Милорд взглянул на него с тоской. Он думает оставить титул Кристиану, словно извиняясь, сказал граф. Но ему не хочется отделять титул от денег. Стэнтон получит сто тысяч фунтов, девушки — по пятьдесят тысяч. Остальное он завещает Кристиану — около двухсот тысяч. Впрочем, окончательное решение он ещё не принял. Доран сказал графу, что Коркоран полагает себя достаточно состоятельным, и хотел бы, чтобы все было распределено между остальными и собирается через несколько дней вернуться в Италию. Граф нахмурился и резко повернувшись, приказал лакею позвать к нему племянника.

И вот Доран снова вышел в ночь. Из-за дома, со стороны парковой калитки, медленно выходили мистер Коркоран и мисс Хэммонд, возвращаясь с прогулки. В свете ночного фонаря их тени длинными полосами ложились на плиты террасы. В руках Кристиана был тяжёлый гербарный пресс, который он, видимо, по пути захватил из своей «кельи» и нёс к себе наверх. Доран не успел принять решения — поступок его был продиктован любопытством и упорным стремлением постичь этого необъяснимого человека. Коркоран

бросил ему вызов и ускользал от понимания, как пустое сновидение.

Доран торопливо зашёл за колонну.

— Но ведь этого не может быть, мистер Коркоран! — Нежный и высокий голос мисс Хэммонд странно прозвенел в тишине.

Мистер Коркоран ответил не сразу, перекладывая пресс из одной руки в другую.

— Но что вам кажется невозможным, моя очаровательная кухня?

— Вы просто смеётесь! Не может быть, чтобы вас занимали все эти травы под ногами и чтобы вы никогда не любили! Гамлета нет без Офелии!

— Вы выбрали неудачный пример, мисс Софи. Для Офелии «Гамлет и его расположение — так это лишь порыв, лишь прихоть крови, цветок фиалки на заре весны, поспешный, хрупкий, сладкий, неживучий, благоухание одной минуты. И только...» Вот вразумление умного брата, данное наивной девушке, вразумление мудрое и воистину праведное. Но ведь и Гамлет, хоть и выражается не столь поэтично, искренен с ней. «Все мы — отпетые плуты, никому из нас не верь». Верней не скажешь. Ему не до неё — и он честен в своих словах. Он мог выразиться и более резко, — но ведь принц, хоть и датчанин, всё же джентльмен.

— «Всё это только вихрь бессвязных слов, милорд», — засмеялась мисс Хэммонд. — Вы же не видели тень короля и вам не надо мстить за отца. Чем же вы озабочены?

Мистер Коркоран задумчиво посмотрел в темноту.

— Не надо мстить за отца? Наверное... а занят я, дражайшая кухня, поиском рассеянных смыслов, сбором чудодейственных трав, обретением утраченного понимания смысла бытия и составлением алхимических настоев, дорогая. Мне нужен эликсир вечной молодости, философский камень и ключи Соломона.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мисс Хэммонд не оценила шутливого красноречия мистера Коркорана.

— Все это даёт любовь, мистер Коркоран.

— Я ещё не любящий, я лишь верующий, мисс Хэммонд.

— Что?

— Я верю в Господа и его Любовь. И верю, тут вы правы, что Его Любовь — есть эликсир вечной молодости, философский камень и ключи Соломона. Я истово верю в вечность, иначе собственная тленность становится невыносимой.

— Но почему вы всё сводите к абстракциям? Ведь надо любить людей!

Слышно было, как мистер Коркоран вздохнул. То ли потому, что устал от разговора, то ли — его чрезмерно обременял гербарный пресс.

— Вы правы, кухня. Любовь к ближнему нам заповедана. Но ближний — это тот, кто сделал тебе добро. Враг — тот, кто причинил тебе зло. Предписано любить и любящих тебя, и ненавидящих. Любить — это прощать, терпеть, не помнить зла, не искать своего. Я стараюсь именно так и поступать. Стараюсь...

Доран понимал, что всё красноречие мисс Хэммонд сводится к тому, чтобы обратить любовь мистера Коркорана, поминутно ускользающую, на себя самое, Кристиан же упорно делал вид, что не понимает слов девицы. Неожиданно он сменил тему.

— Вам нравится ваша кухня Бэрил, мисс Софи?

— Ничуть. Внушает только жалость. Ущербность всегда жалка. Разве что голос... — мисс Софи всё ещё злилась на внимание мистера Коркорана к мисс Бэрил и его подчёркнутую доброжелательную чуткость к ней.

Мистер Коркоран усмехнулся.

— Но ведь надо любить людей. А это ваша сестра. — Голос мистера Коркорана хлестнул воздух, словно взмах крыльев ворона — Зачем же вы проповедуете любовь, не имея её? Если даже сестру любить не можете. Или вы любите только мужчин? И только красивых? Уродливые и горбатые не пользуются успехом, не правда ли? Они не люди? — Он снова вздохнул. — Вы правы, наверное. Офелии подавай принца, она не может любить могильщика.

В эту минуту на террасе показались господа Кэмпбелл и Морган, следом за ними появился лакей его сиятельства и попросил мистера Коркорана пройти в бильярдную — его хочет видеть милорд Хэммонд. Коркоран кивнул, извинился перед кухней, и спокойно прошёл с прессом вверх по лестнице, демонстративно не замечая стоявших мужчин. Мистер Кэмпбелл чуть попятился от Коркорана. Мисс Хэммонд, отрешённо пожелав джентльменам спокойной ночи, медленно вошла в гостиную. Едва она удалилась, Чарльз Кэмпбелл обратился к приятелю.

— Похоже, наш друг Клэмент не преуспевает в своих ухаживаниях?

— Пока чудовище здесь — это невысказано. К тому же наш друг так сильно озабочен опасностью упустить наследство, что просто разрывается. Но он не более по душе девице, чем сама девица Коркорану. Красавец вечно строит из себя недотрогу.

— Я до сих пор не понимаю — он знает? Он тогда...

Мистер Морган поймал его взгляд и пожал плечами.

— Чёрт поймёт это дьяволово отродье. Знай он всё — давно так или иначе дал бы понять. А впрочем, кто за него поручится?

Отец Доран неторопливо вышел из-за колонны, словно только что вернулся из сада. Посидев около получаса у себя, он направился в бильярдную. Коркорана у мистера Хэммонда уже не было. Не было его и в его комнатах. Не было в столовой и в музыкальном зале. Там была лишь мисс Стэнтон, разучивавшая, как ни странно, тот самый хорал, что мистер Доран уже слышал. Причём, во сне. Теперь он вспомнил. Это был григорианский хорал на латыни и слышал он его лет двадцать назад, ещё совсем юнцом во Франции в исполнении мужского хора. Сто двенадцатый псалом — он любил его.

«*Laudate, pueri, Dominum: laudate nomen Domini. Sit nomen Domini benedictum, ex hoc nunc ut usque in saeculum...*»^[7]

Прекрасный голос звучал как перезвон церковных колоколов.

— *Quis sicut Dominus, Deus noster, qui in altis habitat, et humilia respicit in caelo et in terra?*

Suscitans a terra inopem, et de stercore erigens pauperem:

Ut collocet eum cum principibus, cum principibus populi sui...^[8]

Дух отрешённости от земного, мистического созерцания наполнял залу. Заметив священника, мисс Бэрил умолкла и улыбнулась. Потом, неожиданно смутившись, сбивчиво спросила, может ли она поговорить с ним? Доран, удивившись, кивнул, и мисс Бэрил прошла на балкон. Небо очистилось от туч и сияло россыпью звёзд. Мисс Стэнтон долго молчала. Потом неожиданно взглянув ему прямо в глаза, — причём мистер Доран впервые заметил, как они велики и прозрачны, — заговорила:

— Вы должны простить мне этот вопрос — он продиктован моей глупой бестактностью. Я случайно... право слово, случайно, услышала ваш разговор... с милордом Хэммондом. — Она снова опустила глаза. Мистер Доран молча ждал. Неужели и она озабочена завещанием? Мисс Бэрил продолжила, — я, наверное, неправильно поняла, но и мистер Морган тоже намекал... Правда ли, что мистер Нортон погиб не случайно? Вы говорили с его сиятельством о записке. Он... сделал это сам? Почему? Из-за мистера Коркорана?

Глаза мисс Бэрил обладали, как теперь понял мистер Доран, свойством необычайным. Огромные, голубые, как горный хрусталь, они привораживали, и стоило один раз заглянуть в их глубину — она, словно бездна, притягивала взгляд, маня уже не отрываться. Священник с трудом заставил себя отвести взгляд.

Он задумался. Что ж, если Коркоран хотел быть правдив — это ему не повредит. Доран жёстко ответил, что мистер Нортон стал жертвой собственных пороков. Мистер Коркоран тут совершенно не причём. Он не желал смерти мистера Нортон и не считает себя ответственным за неё. Она снова взглянула ему прямо в глаза.

— Но я правильно поняла, это самоубийство?

— Да, мисс Стэнтон. Его сиятельство не стал это афишировать... из жалости к несчастной мисс Нортон.

Бэрил несколько секунд молчала. Сильно побледнев, спросила, упоминалось ли в записке имя мистера Коркорана и... не он ли предложил... пожалуй мисс Нортон? Доран разрывался между желанием заглянуть в глаза мисс Бэрил и пониманием опасности этого. Но бездна заманила его. В глазах девушки он увидел тень подозрения и страх.

— Предложение скрыть все обстоятельства исходило от меня, мисс Стэнтон. Мне было жаль мисс Нортон. Мистер Коркоран придерживался прямо противоположного суждения. Он полагал, что необходимо ничего не скрывать и никакой жалости к мисс Нортон не выказывал. Имя же мистера Коркорана в записке действительно фигурировало. Именно его мистер Нортон считал виновником своей гибели.

Она внимательно выслушала и сдержанно поблагодарила. Мистер Доран видел, что ей что-то ещё неясно и без обиняков спросил, стараясь не смотреть в её хрустальные глаза, есть ли у неё ещё вопросы по поводу мистера Нортон? Мисс Бэрил улыбнулась — болезненно и жалко. В её лексиконе нет слов для её вопроса, сказала она. Доран вздохнул. Мисс Стэнтон мыслила правильно. Названия того, о чём она спрашивала, в языке не было. «На ваш незаданный вопрос я могу, с прискорбным сожалением, дать утвердительный ответ», ответил он, ловя её новый взгляд.

Она помянула Господа, снова поблагодарила его за откровенность, и тихо ушла.

Оторвавшись от колдовских глаз, мистер Доран вспомнил, что пришёл сюда в поисках Коркорана. Он подумал было, что тот по другой лестнице снова улизнул в свою «келью», но тут, проходя мимо домово́й церкви, увидел под дверью полосу света. Отец Доран бесшумно поднялся по покрытой ковром лестнице, и заглянул через алтарную дверь внутрь.

Мистер Коркоран молча стоял пред алтарём с судорожно согнутыми в локтях руками, жест ладоней был нервным и изломанным. Закрыв глаза, он, видимо, молился: были заметны движения губ, но не слышно даже шёпота. Без движения он пребывал недолго, и быстро покинул церковь. Доран пошёл следом за ним. Коркоран вышел на террасу, опустился на скамью у старого ясеня и, запрокинув голову, уставился в звёздное небо. Доран подошёл и сел рядом. Коркоран скосил на него глаза и снова впери́лся в небо, черневшее над

головой меж древесных ветвей.

— Вам не кажется, Патрик, что деревья — наши живые предстоятели пред Господом, их ветви замерли в жестах возвышенных славословий Всевышнему? Мы не можем истинно молиться, но деревья молятся вечно... В них — экстатичность безмолвных молитв, трепет чистых приношений бескровных жертв, это жесты торжественных месс, молитвенный шёпот природы. Она молится деревьями. Не помню, чьё это?

On respire en ces bois sombres, magestueux,
Je ne sais quoi d'auguste et religieux:
C'est sans doute l'aspect de ces lieux de mistXre,
C'est leur profond silence et leur paix solitaire
Qui fit croire longtemps chez les peuple gaulois
Que les dieux ne parlaient que dans le fond des bois.^[9]

— Я видел вас в церкви. О чём вы молились? У вас есть неисполненные желания?

— О чём молится Гамлет? О мести, дорогой Патрик, о мести... Шучу.

Доран рассказал Коркорану о встрече с мисс Бэрил и о том, что она догадалась по случайно услышанным словам графа о произошедшем с Нортоном. Переданный разговор посмешил и явно развлёк мистера Коркорана.

— Моя кузина порадовала меня. Кто бы мог подумать? Кристальная душа, одарённость, скромность... так ещё и мозги на месте! Сокровище, не правда ли?

— Вы о мисс Бэрил? Да, она и меня удивила. Даже показалась... красивой.

— Она необычна, её надо рассмотреть, — с доброжелательной улыбкой подтвердил мистер Коркоран. — Но вы не забыли мою просьбу? Завтра, если погода будет нам благоприятствовать — мы отправимся на сбор трав. Да... Дядя просит меня задержаться. Вы сказали ему, что я собирался уехать? — Доран кивнул. — Он говорил со мной. — Коркоран тяжело вздохнул. — Я пробуду здесь до конца августа, как и намечалось изначально.

Глава 15. «Взывает к мести каркающий ворон...»

Назавтра погода благоприятствовала. Оба они вышли из дома за час до рассвета, и медленно двинулись к Лысому Уступу, где неожиданно раздалось громкое карканье — дерево над Уступом было полно воронья. «Взывает к мести каркающий ворон...», вяло процитировал Коркоран, и Доран заметил, что глаза его блеснули. «Вы пугаете меня, Кристиан», проронил он, заметив, как побелело и без того бледное лицо Коркорана, неожиданно отметив и то, что со дня приезда тот сильно похудел. Доран подумал, что, как ни пытается Кристиан скрывать свои переживания, события последних дней, трагическая гибель мистера Нортон, их сумбурное объяснение и история с Чедвиком, видимо, ударили его намного сильнее, чем он хотел признать.

Но странно было и то, что не в первый раз Коркоран ронял странные слова о мести. Человек, утверждавший, что у него нет врагов, не будет говорить о возмездии. Отец Доран давно понял, что Коркоран и впрямь ленится быть артистом, хотя способен сыграть что угодно, но тем страннее были и его измученный вид, и бледность, делавшая его похожим на призрак.

— В школе, когда нам был по шестнадцать, — рассказывал меж тем Коркоран, — мы часто собирались у преподавателя латыни Реджинальда Мартина. Он приглашал тех, кто чем-то привлекал его внимание. Сам он — несуразный, выглядящий сутулым и подслеповатым, просто сидел в вольтеровском кресле на возвышении и слушал разговоры молодёжи, редко вставляя одно-два слова, которые, тем не менее, как я заметил, обычно давали разговору иное направление. Да, он направлял разговоры — и только.

Однажды нас собралось там семеро. Пришёл я, Арчибальд, известный вам мистер Чарльз Кэмпбелл, а также Бенджамин Гилмор, Льюис Барнет, Марк Джаррел и Филипп Лесли. На этот раз мистер Мартин спросил Филиппа, крепыша и жизнелюба, о том, в чём он видит высшее счастье жизни? Мы все доверяли Мартину — он неоднократно, будучи куратором, выручал тех из нас, кому доводилось проштрафиться, и никогда никого не выдал. Лесли улыбнулся, несколько смутился, но сказал, что женщины и любовь, наверно, привлекательнее всего. Кэмпбелл перебил его и сказал, что это глупость. Деньги — вот что придаёт жизни интерес. Для Джаррела много значили слава и успех, для Гилмора — власть, он тогда уже мечтал о политической карьере, Барнет превозносил знание. Арчибальд молчал, но на прямой вопрос Мартина все же ответил, что хотел бы познать себя... и не пустить себе при этом пулю в лоб. Я, помню, ужаснулся. И тут услышал, что этот же вопрос Мартин задаёт и мне. Я ещё в отрочестве спрашивал себя, что есть Истина? И так как ответа ещё тогда не нашёл, ответил, что хотел бы посвятить себя поиску Истины. Все, кроме Арчибальда и Мартина, рассмеялись.

Мартин же сказал, что ему будет любопытно встретиться с нами лет этак через тридцать, если он, конечно, доживёт. Но не дожил. Он умер через год от сердечного приступа. Но если бы Господь и продлил его дни — его желание всё равно не осуществилось бы. Филипп Лесли пустил себе пулю в лоб. Дурная болезнь. Джаррел был пойман на финансовых аферах и покинул страну. Гилмор... Он взобрался на самый верх — но в каком состоянии! Добиться успеха легче, чем его заслужить, но он оный успех пытался просто подстеречь и изнасиловать. После этого трудно сохранить респектабельность. Он был уличён в продаже некоторых весьма ценных сведений третьим лицам — и его карьера

рухнула. Он просто исчез. Барнет спился. Ну, о мистере Кэмпбелле не стоит и говорить — он разорён, и спасти его может только удачная женитьба на сотне тысяч фунтов или чудо. Арчибальд преуспел и за свои разработки в химии получил известность, деньги и титул. Странно тасуется колода, не правда ли? Но закономерность в случайной смене мастей есть всегда — нам просто не хватает понимания и внимания — заметить, ухватить, вычленить. Я ещё недолго живу, а вот лорд Чедвик уверял, что по прошествии достаточных лет закономерности людских судеб проступают явственно и заметны опытному глазу сразу.

— А вы довольны жизнью?

— Бог весть за что, но я в пределе земном получил всё земное, хотя всю жизнь искал только Небесное. И если у меня есть некоторые неосуществлённые желания — это не мои векселя. Хотя, перед тем как уйти, хотелось бы подвести сальдо у баланса. — Коркоран уставился вдаль. — Но, видимо, не получится. Есть удивительные мухи, Доран, самая ничтожная мошкара, которая способна пролезать в самые крохотные отверстия, кусать большее всех, ускользать в силу своей ничтожности от любых мухобоек. Но, может быть, глупо охотиться за такими ничтожествами? Орлы не ловят мух. Хотя только Господь знает, сколько зла способны натворить такие мухи.

Отец Доран внимательно посмотрел на Коркорана. Лицо того было странно напряжённым и злым. Он ронял непонятные, но явно не пустые слова. Впрочем, пустых слов он не произносил никогда. Но о чём он? О Кэмпбелле и Моргане? Слов нет, если это наговоры, то они и впрямь оскорбительны, тем более что касались покойного, Коркоран прав. Но мстить за сплетни? Люди всегда болтают.

Впрочем, Коркоран вскоре отвлёкся от злых размышлений — ради куда более страшных.

— Помните, Доран, «тлетворный сок полночных трав, трикратно пронизанный проклятием Гекаты...» — Обронил он, ткнув носком сапога в землю. — Взгляните на эту мерзость, Патрик, чудо в своём роде, её прозвали «чашей смерти», бледная поганка, — Коркоран натянул толстую перчатку и с отвращением сорвал гриб, сунув его в бумажный пакет. — Изучение её представляет немалый теоретический интерес. Как создаётся в ней её страшный яд? Что он собой представляет, какова его природа? Возможно ли, зная его, создать противоядие? Уже предпринимались экспериментальные исследования. Немцы обнаружили, что этот яд её стоек и сохранялся даже при длительном кипячении. Его не уничтожает ни высушивание, ни спирт, ни уксус, но активность яда слабела при воздействии щелочей. Сделаю вытяжку, попробую поэкспериментировать, но... как сказал какой-то шутник-священник заядлому грешнику: «Я помолюсь о вас, сэр, но признаться, на особый успех не рассчитываю».

Они медленно шли вдоль топи. Доран осторожно спросил:

— Граф Чедвик был дорог вам?

На лице Коркорана, мгновенно смягчившемся, проступила несвойственная этим чертам нежность.

— Да. Я не помнил отца, и в юности особенно тяготел к зрелости. Мальчику нужен в эти годы тот, кто наставит, поможет избежать юношеских глупостей и ошибок, иногда просто объяснит, что с тобой происходит, поделится опытом. Чедвик и я встретились поздно. Лучше бы эта встреча произошла бы лет на пять раньше. Но и тогда... Раймонд выглядел намного моложе своих пятидесяти пяти — ему давали лет на десять меньше. Он был красив, но не моей слащавой красотой, излишне женственной и рафинированной, а

подлинно мужественной красотой викинга. Правильные резкие черты, яркие синие глаза... Он был истово верующим, и отличался даже не целомудрием, но какой-то странной исступлённой застенчивостью, был скромн до того, что, когда я однажды задал ему вопрос о рукоблудии, искушавшем меня в юности, он покраснел до корней волос. Я больше ему таких вопросов не задавал — не хотел смущать. Я случайно узнал о трагедии его любви — он любил Джейн Маршалл, но её выдали за другого. Я понял, что он любил её потом годы... Я часто заставлял его в Кенсингтонских садах — и только много спустя понял, что он ходил туда — просто бросить мимолётный взгляд на окно её дома.

Коркоран вздохнул.

— Но я не о том. Я узнавал его постепенно — он не раскрывал души первому встречному и душевно был также застенчив, как и телесно. Но стоило узнать его ближе, и я понял, что не встречал ещё человека более порядочного и чистого. Он, сам того не замечая, учил меня благородству, — в каждом помысле, в каждом жесте, но, оказывается, находил, чему поучиться и у меня. Я был изумлён, когда он сказал мне это. Я — в моём понимании — всегда был бесстыдным наглецом и бесшабашным шалопаем, властолюбивым эгоистом, заикленным на своей истине и безразличным ко всему остальному. Но он был добр, и считал, что я неординарен, глубок, умён и нравственен, но, главное, естественен. Этим он восхищался больше всего, называл «божественной простотой». Как-то даже уронил, что я воплощаю сакральные черты сильной личности. Я так и не понял, — расхохотался Коркоран, — имел ли он в виду моё нежелание скрывать себя или наплевательское отношение к некоторым условностям.

Коркоран снова помрачнел.

— В любом случае — я любил его, Патрик, и чувствовал с его стороны ответное чувство. Он видел во мне сына, пробудил интерес к энтомологии и ботанике, некоторым книгам и театру. — Коркоран вздохнул. — Я любил его. — Он помрачнел, и глаза его вдруг загорелись злостью, — и когда тварь, ничтожная и подлая, поливает ядом желчи и смрадом своих испражнений то, что тебе свято, а ты, Гамлет чёртов, отделяешься оплеухой там, где пули мало, — Коркоран закипал и снова начал бесноваться, но опомнился. — Да, кстати, — чуть успокоившись, продолжил он, — забыл предупредить вас. Никому не рассказывайте о том, что слышали тогда от Кэмпбелла. Клевета эта задевает мою честь и моё достоинство, но это я по-христиански этим джентльменам прощаю, как вы того и требуете. Тогда в столовой я просто был не в себе... Это был срыв, — безмятежно пояснил Коркоран, — но если я прощаю этим господам подлость, то вправе требовать, чтобы они простили мне горячность, и вполне могу простить её себе сам... — он, казалось, успокаивал себя и оправдывался, — но есть вещи иные, Доран, и вы должны понять это. Есть честь и достоинство человека, который не может уже за себя постоять, защититься от мерзостных измышлений, ибо мёртв. Марать память покойного поношением непростительно. Я заговорил об этом потому, что хочу исповедать вам свои помыслы. Они обременяют меня, растлевают и убивают. Вы не католик, но должны понять. Рассказав вам, о чём я думал в ту ночь, когда в доме лежал покойник, я не совершу задуманного. Слушайте меня и не говорите, что не слышали. — Коркоран сел на поваленное дерево, откинувшись на корневище, как на спинку кресла. — Я думал о том, что негодяи задели самого дорогого мне человека, осквернив его память лживыми и мерзостными выдумками. Я хотел бы осквернить то, что дорого им. Если бы... — Коркоран сглотнул, — если бы эта дурочка Розали была бы хоть на волос дорога Моргану — она бы погибла. Я соблазнил бы её, растлил, обрюхатил и

опозорил бы. Полночи я мысленно насиловал её, бесчестил и поганил. Несть мерзости, клянусь, какой я не сотворил над ней.

— Опомнитесь, Коркоран! — в ужасе отпрянул Доран. — Вы... вы не сделаете этого!

Тот кивнул и как эхо повторил:

— Я не сделаю этого. Сестрица совершенно безразлична Моргану, кроме того, от неё непереносимо воняет смесью пота и духами из роз, а я не переносу даже розовую воду, не говоря уже о том, что при звуках её голоса у меня начинается мигрень. Я не сделаю этого, Доран.

Доран опустил рядом. Он понял, что Гамлет просто «отводил словами душу и упражнялся в ругани как баба, как судомойка...» Патрик вздохнул. Да, надо было дать ему возможность выговориться и очистить себя. Это были «слова, слова, слова...»

— Негодяй назвал меня царицей Вифинской. И это о Раймонде! Полночи я мечтал сделать Кэмпбелла женщиной. Что я только над ним не вытворял! Но как растлить дерьмо и не перемазаться в дерьме? Я мечтал пристрелить его как собаку, но как убить и не измарать руки в крови? Как не стать убийцей? Под утро этой бессонной ночи я нашёл способ посчитаться с обоими — и не оскверниться самому. — Доран с интересом слушал и даже забавлялся. — Вы поможете мне, ибо трус не примет мой вызов и не придёт никуда по моему приглашению. Сошлётся на Веллингтона и отмену дуэли. Всё, что нужно, это пригласить его к вам, Доран.

— А там будете поджидать его вы и растлите бедного мистера Кэмпбелла рукояткой грабель? — усмехнулся мистер Доран.

— Нет, зачем же пачкать садовый инвентарь? Нет, там у вас на окне я видел кактус... Прекрасный экземпляр *Austrocactus coxii*, он *acanthurus* — колючехвостый...

Доран рассмеялся и махнул рукой.

— Бросьте ваши шутки, Коркоран. Уродовать мой кактус я вам не позволю.

— Я из Италии пришлю вам другой.

Доран резко покачал головой.

— Не затем я его три года растил. Вы видели на нём бутон? Он собирается зацвести — а вы его...

Коркоран неожиданно расхохотался и хлопнул Дорана ладонью по плечу.

— Спасибо, Патрик, мне полегчало. Что бы мы делали без нашей удивительной, богодарованной способности грезить? Без этой изумительной возможности воображения — сбросить напряжение и злость — и рассмеяться, вздохнуть полной грудью — и снова жить в радости? Господь с ними, Господь с ними, Господь с ними, — Коркоран, однако, снова мрачнел. — Чедвик прикоснулся ко мне только дважды, Доран. Когда обнял на премьере и — за несколько дней до смерти, когда провёл по моей щеке тыльной стороной ладони, назвал сыном и просил помнить... Господь с вами, мистер Кэмпбелл. Веселитесь во дни юности вашей. Как это вы учите, Доран? Какое бы поношение не сокрушало сердце... великодушие и всепрощение?

Доран теперь понимал Коркорана. Нам особенно больно, когда нас обвиняют в том, в чем мы не виноваты даже помыслом, когда обливается грязью то, что для нас подлинно свято. Неожиданно в бок Дорану уткнулось нечто твёрдое.

В руке Коркорана чернел пистолет.

— Шутки шутками, Доран, кактусы — кактусами, а поддержите эту шутку у себя до моего отъезда. Ведь я убил их обоих сегодня...

— Что?

Коркоран поморщился.

— Я пристрелил их обоих со сладострастным наслаждением, Доран, на женщине такого не испытаетшь, клянусь. Когда проснулся — едва не заплакал. Но ведь сны могут и исполняться.

— Могу я спросить? — тихо проговорил Доран, глядя на Лысый Уступ.

— Я скрываю только чужие тайны, Доран, свои иметь обременительно и неумно.

— Мистер Кэмпбелл и мистер Морган — понимают, что эти обвинения ложны? Они повторяют то, что выдуманно в обществе, или...

Дремотные глаза Коркорана вновь, как над телом Нортонa, заискрились, точно болотные огни, черты исказила гримаса, словно он раздавил жабу.

— Я же сказал вам, поношение сокрушило сердце моё! Они ничего не повторяют. Они *сами сочинили* эту клевету и распространяют её. Это дымовая завеса, скрывающая их подлость. Есть десятки людей в Лондоне, знающих Чедвика годы — узнай они о подобном... Тот же Бервик или Тилни, не задумываясь, вышибли бы мозги негодьям! Это я, монашествующий Гамлет, урод, колеблюсь. Я дал слово Чедвику — не позорить его родню. Я обещал. Однако...

— Решили нарушить слово?

Коркоран усмехнулся.

— Я говорил вам, Чедвик восхищался моей... естественностью. И я был верен слову, пока это было естественно. Но когда тебя обвиняют в противоестественной мерзости, естественно, можно несколько утратить естественность. Я намерен защитить Чедвика от мерзких обвинений и поношения. Пред смертью он обмолвился, что, хоть и не познал женщину, благодарен судьбе, что дала ему сына. Но я буду плохим сыном, если позволю обвинять отца в содомии. Данное ему слово в новых обстоятельствах я считаю утратившим силу. Пистолет только помешает, поверьте. Я намерен огласить все обстоятельства. А для некоторых это — почище кактуса в заднице будет, поверьте. Италия... — зло пробормотал он, — Италия подождёт. И это не месть, нет, — Коркоран кивнул головой, словно убеждая самого себя. — Мстят лакеи. Это всего-навсего — плата по векселям... — Он снова кивнул сам себе, словно уговаривая, — джентльмены платят по счетам, а с такими неоплаченными векселями я уйти просто не могу.

Глаза Коркорана лучились. Доран понял, что отговорить его не удастся. Да он и не хотел, почему-то и не вспомнив на этот раз о всепрощении.

Глава 16. «Вряд ли мистер Коркоран будет тратить время на заполнение чьих-то пустот...»

Мисс Хэммонд чувствовала, что сходит с ума. Едва она увидела Кристиана, душа её взлетела к Небу, и с этого времени она жила только этим человеком, думала только о нём. В его присутствии у неё вырастали крылья, углублялось дыхание, душа пела, без него она начинала задыхаться и словно умирала. Ощущения эти были для неё новы и остры, и даже мимолётной улыбки мистера Коркорана хватало порой для счастья целого дня. Но счастье это быстро кончалось, и того, что радовало ещё вчера, сегодня уже не хватало. Мистер же Кристиан, кроме обычной улыбки, ничем её не дарил и не делал ничего, чтобы сделать её счастливой. Она металась между страхом утраты и ревностью, между отчаянием и разочарованием.

Победительная красота Кристиана подавляла её.

Она пыталась заманить любимого в сети: соблазняла, кокетничала, искушала, пыталась вызвать ревность, следила за ним, подстраивала встречи, привораживала — всё было бесполезно. Не могла она только того, что осмелилась посоветовать ей сестра — позабыть эту любовь, выкинуть всё из головы и успокоиться.

За это время отношения Софи с кузиной претерпели ряд метаморфоз — от пренебрежительного презрения к Бэрил до молчаливого признания некоторых её достоинств. Софи окончательно уверилась, что сестра не является её соперницей: Бэрил была любезна с мистером Коркораном, с удовольствием проводила время в его обществе, но ничуть не потеряла головы и не сходила по нему с ума. При этом оказалась особой понимающей и душевной, чего, признаться, Софи вовсе и не ожидала, могла дать добрый совет и её суждения иногда заставляли Софи задумываться. Но поведение мисс Хэммонд по отношению к мистеру Коркорану мисс Бэрил считала недопустимым и не скрывала это мнение от сестры.

— Дорогая, ты просто больна. Опомнись, умоляю.

Софи в негодовании отворачивалась. Это была та тема, где никакие советы не действовали. Что этот синий чулок может понимать в любви? Доран часто был свидетелем их разговоров — сёстры не брали его в расчёт, когда находились рядом.

— Вспомни Джульетту... Я страдаю, как и она, и горжусь этим! Я знаю, что такое настоящая любовь!

— Никакой Джульетты не существовало, дорогая, мы же не книжные герои. Ты впечатлительна, романтична и разочарована в кажущейся тебе пошлой действительности — и потому романы выглядят для тебя жизнью. Все, что написано в них, бесспорно, красиво и возвышенно, но это — не любовь, но болезнь. Такая любовь ведёт к трагедии и саморазрушению. Джульетта — не пример для подражания. Она плохо кончила. Книги создают идеалы, но идеалов в жизни нет.

— Как ты можешь так говорить? Нет идеала? Он — мой идол и идеал. Я не могу жить без него, только он один может сделать меня счастливой!

— Никто и ничто в этом мире не может сделать нас счастливыми или несчастными. Только мы сами можем стать источником своих мук. Мы сами наполняем свою жизнь страданиями или радостью. Ты должна образумиться и забыть мистера Коркорана. Нужно заниматься собой, нужно лечить свою душу, выстраивать, создавать себя.

Софи плакала, потом плач переходил в рыдания, и она убегала в спальню. Оставаясь одна, мисс Бэрил горестно вздыхала.

Между тем мистер Доран в который раз ловил себя на желании привлечь внимание этой девушки с её глубокими и разумными суждениями, поймать на себе её взгляд, поговорить. Её удивительный талант, столь пленивший в нём музыканта, её воспитанность и скромность, мягкая застенчивость — все нравилось. После разговора с сестрой, и на этот раз закончившегося горестными слезами мисс Софи, мистер Доран пригласил её в парк. Сам он тоже был обеспокоен безумным чувством мисс Хэммонд. Случай с мистером Нортоном заставил его всерьёз опасаться за неё. Зная настроения мистера Коркорана, Доран видел, что та нелюбима, и понимал, что мисс Стэнтон обеспокоена не меньше.

— Мисс Хэммонд не казалась мне, мисс Стэнтон, созданной для столь глубоких страстей. Далеко ли до беды? Она подлинно любит до безумия, — заметил он, едва они углубились в парк.

— Боюсь, вы не правы, мистер Доран. — мисс Бэрил тихо опустила на скамью и покачала головой, — она так жаждет быть любимой, что у неё не остаётся сил любить. Но не это пугает. В Софи словно таится бездонная яма, которую невозможно наполнить. Ей на самом деле не хватает не любимого, а себя, при всей драматичности её любовные страсти удивительно пусты. — Мистер Доран внимательно слушал негромкую речь мисс Бэрил, ловя себя на том, что любит её высоким чистым лбом и ясными глазами. Она же вздохнула, — Сама я не могу ей этого сказать, но, к несчастью, понимаю мистера Коркорана. Понимаю в его отношении к Софи, я хочу сказать, — уточнила она. — Мистер Коркоран слишком красив сам, чтобы ценить чужую красоту. А у неё больше ничего нет. Для такого человека, как мистер Коркоран, — а он не просто полон, а переполнен в избыточной цельности, — любовь к женщине... это... — она опустила глаза, потом подняла их на Дорана. — Не знаю, как и назвать. Даже не часть жизни... скорее, эпизод, книжная глава, а то и абзац.

Доран понял, что она интуитивно угадала в Коркоране больше того, что смог понять он сам.

— Но, может быть, его избыточность могла бы восполнить её ущербность?

Она не улыбнулась, но печально покачала головой.

— Вряд ли мистер Коркоран будет тратить время на заполнение чьих-то пустот.

Доран задумался. Да, и это было верно.

— Буду откровенен с вами, мисс Стэнтон, — осторожно проговорил он, — я заинтересовался этим человеком. Он нравится вам? Вы ему доверяете?

Мисс Бэрил улыбнулась.

— Доверие? Не знаю. Мистер Коркоран — человек очень сложный. Но он не показался мне... примитивным лжецом. — Она вдруг снова ослепительно улыбнулась. — Можно предположить, что он, как и мой брат, мечтает стать наследником Хэммондсхолла и графом, что цель его приезда, как говорит мистер Морган, «прибрать всё к рукам». Но едва ли. Это для моего брата Хэммондсхолл — цель подлинно вожденная, мистер же Коркоран... — Бэрил на мгновение закусила губу, — эти цели кажутся мелкими для него...

Доран кивнул. Да, неосознанно он и сам так полагал. Слишком умный, слишком цельный, слишком целомудренный, и ничтожество целей как-то не вязалось с ним. Разыграть целый спектакль, чтобы получить искомое — это понятно, но как всё это мелко, ничтожно, недостойно того подавляющего величия, что мелькало в этом человеке поминутно. Доран усмехнулся. Он тоже, наверное, как мисс Хэммонд, влюбился в идеал

придуманного им самим святого, чей образ так не хотелось терять...

— Значит, вы склонны доверять ему?

Бэрил снова улыбнулась. Пожала плечами.

— Степень моего доверия мистеру Коркорану — это лунный свет на воде. Верю я ему или не верю — что меняется?

— Но ведь и вы, мисс Бэрил... вы подозревали его в смерти мистера Нортон.

Бэрил посмотрела на него с изумлением.

— Что вы! Никогда. Мистер Нортон... у меня не было возможности близко узнать его, но то, что я наблюдала... — она не закончила фразу. — Если отбросить непроизносимое, он был... как свеча без фитиля. Я не понимала, но он казался иногда жалким, иногда — словно обделённым, но чаще — ещё более пустым, чем Софи. В Софи обделённость только чувствуется, а в нём она проступала явственно. Понятно, что на заполнение его пустот мистер Коркоран тратить время тоже не стал бы. Я подумала, что мистер Нортон мог обвинить мистера Коркорана в своей смерти, но сам мистер Коркоран виноват быть не мог. Помилуйте.

— В записке, оставленной Нртоном, были всего полторы строки, — отстранённо заметил мистер Доран и процитировал, — «Я не могу и не хочу жить, когда ты так жесток, Кристиан». Я тогда подумал, что несчастный выбрал из всех возможных идолов своей страсти — самого бесстрастного, и разбился об него как стеклянный бокал — о стальную наковальню...

Мисс Бэрил кивнула.

— Правильно подумали.

— Значит, вы... верите ему?

— Странно, что вас так волнует это. Но верю — во что? В искренность его слов? Поступков? В его личность? — Бэрил посмотрела на траву у своих ног и продолжала, — Пока ничто не заставило меня усомниться в его большом уме, образованности, цельности и порядочности, а так же в его... — Бэрил на миг смутилась, — в его душевной щедрости, благородстве и доброте. Давайте верить тому, что видим.

— Вы великодушны...

Мисс Бэрил покачала головой.

— Мне кажется, что вы не верите мистеру Коркорану... по каким-то совсем иным причинам. Но я присмотрюсь к нему. Вы посеяли сомнения в моей душе, мистер Доран, — улыбнулась мисс Бэрил, — и я постараюсь либо убедиться в вашей правоте, либо развеять эти сомнения.

— Но, Бога ради, поговорите и с мисс Софи. Упаси её Господь...

Мисс Бэрил бросила на него быстрый и болезненно напряжённый взгляд.

— Мистер Коркоран говорил с вами о ней? Он не... — Бэрил вздохнула, — он не любит её. Но она не должна это понять, мистер Доран. Если он скажет ей это — мне страшно подумать, что может случиться. Если он просто уедет, у неё будет хоть какая-то надежда. Потом Софи, быть может, придёт в себя, успокоится. — Бэрил стремительно обернулась к нему, и мистера Дорана снова поглотила голубая бездна её глаз. — Поговорите с мистером Коркораном, сэр. Скажите ему, что он не должен отвергать её.

— Но помилуйте, мисс Бэрил, как можно? — Доран растерялся, — с чего бы мистеру Коркорану говорить мисс Софи подобное? Он не собирается заводить семьи, намерен уехать, и никаких объяснений с мисс Хэммонд у мистера Коркорана быть не может. — Он

не успел проговорить это, как слова мисс Стэнтон дошли до него в полноте. — Постойте...
Вы хотите сказать, что она сама... хочет сказать ему... о своей любви?

Бэрил кивнула.

— Я очень боюсь этого.

Глава 17. «Может быть только палачом...»

Граф Хэммонд был человеком неглупым. Не было ничего такого, чего милорд не мог бы понять, дай он только себе труд задуматься. Однако, будучи благожелательным и несколько рассеянным, к тому же, долгое время живя в уединении, граф предпочитал размышлять над вопросами скорее академическими, нежели житейскими. Именно поэтому он и обратился к своему молодому другу с просьбой понаблюдать за его родней — он понимал, что при нём самом никто не будет вести себя с должной естественностью. Милорд целиком положился на суждения друга и, тем не менее, кое-какие наблюдения сделал и сам.

Клément ему не понравился, и чувство это усугублялось день ото дня. Постоянные резкие вспышки раздражительности, оскорбления в адрес сестры, роняемые поминутно, заметная неприязнь к брату — не делали ему чести в глазах дяди. Проявившееся столь неожиданно дарование мисс Бэрил весьма возвысило племянницу в глазах графа, и стремление Клémentа по-прежнему унижать мисс Стэнтон теперь уже вызывало гнев мистера Хэммонда.

Зато мисс Бэрил Стэнтон с каждым днём нравилась его сиятельству всё больше. Граф несколько раз заставлял свою старшую племянницу в библиотеке. Мисс Бэрил много читала — по сути, это было её единственное времяпрепровождение. Ответы Бэрил на вопросы дяди были спокойны и разумны.

Но тут его сиятельство заметил и то наистраннейшее обстоятельство, что всё чаще рядом с мисс Стэнтон оказывался... мистер Доран. Первое время граф ещё мог подумать, что Патрик озабочен стремлением глубже понять натуру мисс Бэрил, но спустя несколько дней не мог не сделать вывода, что интерес друга к его племяннице далеко выходит за рамки того, о чём они договаривались. Можно побеседовать с девицей раз, два и даже трижды, но помилуйте, дуэты-то к чему распевать? Его сиятельству не потребовалось много времени, чтобы сделать несколько ошеломивший его самого вывод: его друг... в некотором роде... влюблён.

Но говорить с Дораном на эту тему милорд не мог, как-то терялся. Лайонелл Хэммонд присмотрелся и к племяннице. Было заметно, что она охотно беседует с мистером Дораном. Но столь же охотно она музицирует с мистером Коркораном и вечерами читает ему, милорду Хэммонду, античных авторов. Осуществимы ли надежды Патрика? Он симпатизировал другу и сожалел, что столь благородный человек одинок и явно несчастен. Мисс Бэрил не красавица, но очень мила и была бы ему отличной женой. Но возможно, сама Бэрил метит выше? Что ей сельский священник? Тем более что рядом такой красавец, как Кристиан?

Что до мисс Софи Хэммонд, то если раньше, до приезда мистера Коркорана, она часто бывала с дядей, стараясь понравиться и защищая себя от навязчивости кузена, то с недавних пор дядя видел Софи только в столовой. Это не могло не натолкнуть его на определённое предположение, которым он поделился с другом.

— Если я понимаю правильно, Патрик, мой племянник Кристиан нравится мисс Хэммонд, и возможно, что приданое, которое я собираюсь выделить девочкам, не уйдёт из семьи? Я прав?

Священник покачал головой.

— Ситуация не столь проста, Лайонелл. Твой старший племянник Клément, судя по

словам его друзей и по моим наблюдениям, влюблён в свою кузину Софи, но сама она влюблена в мистера Коркорана. Но, увы, насколько я могу судить, без взаимности.

— Она не нравится Кристиану?

Доран вспомнил мнение Коркорана о кузине.

— Я не замечал проявлений симпатии с его стороны. Коркоран, в самом деле, не думает обзаводиться семьёй.

Доран давно хотел выбрать время и поговорить с графом о его родне — но, несмотря на все старания, всё ещё не понимал Кристиана Коркорана. При том, что тот был неизменно открыт и доброжелателен, отец Доран не находил объяснения весьма многому. Он не верил суждениям циничных друзей мистера Стэнтон, и казалось, был близок к тому, чтобы назвать младшего племянника своего друга человеком кристальной честности и подлинного благородства. Но известные ему обстоятельства, причины которых по-прежнему оставались неясными, тяготили и мешали любым выводам. Никто не оставляет колоссальные состояния по симпатии. Понимающий в делах житейских и на минуту подобного не допустит.

Мистер Доран был человеком умным и в делах житейских понимал.

Но при этом стремлению отца Патрика разобраться в натуре мистера Коркорана в последнее время стало мешать одно изумляющее его самого обстоятельство. Он стал замечать за собой неосознанное до конца стремление чаще бывать в парке, в музыкальном зале и библиотеке Хэммондсхолла, — именно в тех местах, которые облюбовала себе... мисс Бэрил Стэнтон. Он быстро привык к её лицу, глаза девицы завораживали, и он сам не мог понять, как сразу не заметил, насколько мисс Бэрил красива. Искушаться же он почему-то перестал. Плоть умолкла, он не испытывал никаких тягот, чувствовал себя с девушкой легко и свободно. Часто, направляясь в «келью» мистера Коркорана, не доходил до неё, задерживаясь то в музыкальном зале, то в библиотеке с мисс Стэнтон.

Доран не передал слова мисс Бэрил о её кухне мистеру Коркорану, но поинтересовался мнением последнего, какими он видит свои дальнейшие отношения с кузинами? Ответ мистера Коркорана был одновременно и безнадёжным, и обнадеживающим.

— У меня не так много родни, чтобы разбрасываться, Доран...

— Но вы намерены... как-то объясниться с мисс Софи?

Коркоран изумлённо вытаращил глаза.

— За каким чёртом, помилуйте?

— Ну а если всё же...

— Что «всё же»?

— Если девушка признается вам в любви...

Коркоран поморщился и вздохнул.

— Я бы ей этого не посоветовал...

Доран помедлил, но всё же высказал затаённое.

— Не хотелось бы найти дурочку там же, где и мистера Нортон.

Мистер Коркоран посмотрел на него спокойно и внимательно. Столь же спокойно подтвердил, эхом повторив его слова.

— Не хотелось бы...

Именно эти слова мистер Доран счёл обнадеживающими.

Через неделю после разговора в парке о Софи, мистер Доран с мисс Стэнтон снова заговорили о Коркоране. Мисс Бэрил обещала ему понаблюдать за мистером Коркораном и высказать свое мнение и теперь, обратив голубые глаза в голубое небо, не задумываясь,

ответила, что наблюдения убедили её в двух вещах: мистер Коркоран, безусловно, искренен, и он — человек не от мира сего. Люди не от мира сего в этом мире — либо смертники, либо палачи. Причём, невольные. Либо безбожный мир убивает их, либо они начинают ломать безбожный мир. Мистер Коркоран слишком силен и может быть только палачом. Ему и впрямь лучше жить в лесу, в горах Италии или в монастыре.

— Вы как-то говорили с ним о святых в миру. Но мистер Коркоран из тех святых, кому в мире не место. Он слишком подлинный для условностей мира. Он их ломает, и как знать, скольких при этом ненароком искалечит.

Доран пронзил девушку пристальным взглядом. Мисс Стэнтон была ещё умнее, чем ему показалось. При этом он заметил, что высказанное суждение привлекло его не только глубиной и верностью. Было и ещё что-то, странно порадовавшее его. Но что — он не понял.

Они теперь проводили много времени в парке, часто вместе музицировали, пока Коркоран пропадал на болотах. Однако, возвращаясь, он безжалостно разрушал их тет-а-тет, ибо стоило мистеру Патрику, оставив его, направиться в парк или в библиотеку, как самого мистера Коркорана начинали осаждать своим настойчивым вниманием мисс Хэммонд и мисс Морган. В итоге он однажды почти прибежал в парк — правда, сделав вид, что просто спешит в тень с солнца и, извинившись, что прервал беседу, без обиняков попросил Дорана не покидать его без нужды. Он ещё не договорил, как из-за кустов появилась с лукошком чего-то мисс Морган и затараторила, как она рада случайно встретить мистера Коркорана. Доран закусил губу, Коркоран что-то неразборчиво пробормотал сквозь зубы о своей любви к случайностям, мисс Бэрил прыснула, обнажив прекрасные белоснежные зубки.

Мужчины удивились — они впервые видели девушку смеющейся.

В итоге, едва мистеру Коркорану удалось отделаться от мисс Морган, они направились в лес, где ботаник прочёл им занимательнейшую лекцию о древних друидах. Мисс Стэнтон неожиданно поинтересовалась, над ней подшутили, или подруги рассказывали правду, будто над болотами часто видят огни по ночам? Это совсем не шутка, заметил Коркоран, и не выдумки дремучих старух. В тёплые тёмные ночи на болотах или свежих могилах можно действительно наблюдать бледно-голубоватые, слабо мерцающие огоньки. Они словно пляшут в воздухе, выписывая сложную траекторию. Это фосфорные соединения, кои под действием грунтовых вод разлагаются с образованием фосфористого водорода. При рыхлой насыпи над могилой или небольшом слое воды в болоте газ, выйдя на поверхность, воспламеняется от паров жидкого фосфористого водорода. Блуждающие огоньки на болотах одинокие путники часто принимают за огни жилищ и приходят напрямик в топь. Из-за характерного расположения огоньков — на высоте человеческой руки — их называли «свечами покойника». Считалось, что тот, кто увидел их, получил предупреждение о скорой смерти, а несут их пришельцы с того света.

Они вернулись домой в наилучшем расположении духа, при этом мистер Коркоран про себя несколько недоумевал: день клонился к вечеру, а мисс Хэммонд ни разу за день не попалась ему на глаза. Он мало верил, что она образумилась, и не возлагал надежд на воцарение покоя в Хэммондсхолле до своего отъезда.

Между тем для Софи Хэммонд этот день был подлинно тяжёлым. Мистер Стэнтон выбрал именно его, для того, чтобы рассказать кухне о своих чувствах и предложить ей себя. Девушка искренне недоумевала: как может этот человек не понимать, насколько он не интересен и не нужен ей? Теперь в ней, как в зеркале, отражалось тоскливое неприятие мистера Коркорана, но оно не осмыслялось. Впрочем, кем и когда оно осмысляется? Софи

не могла понять — неужели мистер Стэнтон не понимает, что не любим? Но сама понять и осмыслить, что безразлична мистеру Коркорану — не могла, и была убеждена, что на самом деле тот просто скрывает свои чувства или боится открыться ей, или... Впрочем, самообман, к которому в подобных случаях прибегают даже весьма неглупые люди — поразителен.

Клэмент же торопился. Он видел, как кузина всё больше увлекается чёртовым Коркораном, и от одной мысли, что тот опередит его и получит Софи — ему становилось дурно. Он, Клэмент, должен понимать, что может предложить ей. Стэнтон решил поговорить с братом о наследстве, не подумав, просто — разозлённый и взволнованный намёками Чарльза и Гилберта, репликами лакеев да восторгами дяди. Но что было делать с отказом Коркорана от наследства, столь изумившим его? Передать его милорду Хэммонду было немыслимо — это он по размышлении понял. Одержанная победа оказалась бесполезной и глупой. Он чуть пришёл в себя — и с новой явью заметил откровенную влюблённость кузины в проклятого Коркорана.

Стэнтон сделал мисс Хэммонд формальное предложение, не упустив и тот факт, что именно он станет владельцем Хэммондсхолла, ибо мистер Коркоран отказался от своей доли наследства в его пользу при свидетелях. На мисс Софи это не произвело ни малейшего впечатления. Даже если бы кузен унаследовал бы корону Стюартов, ей было бы это безразлично. Она глубоко сожалеет, но выйти за него не может, ответила она. Она не любит его и не полюбит никогда.

Слова Софи убили Стэнтона. Клэмент ощутил странную, почти осязаемую беспомощность. Рушилось всё, на что он четыре года возлагал надежды, чем жил, чем дышал. Обездвиженный и полупарализованный, он сидел в гостиной ещё час после того, как мисс Софи ушла.

Ненавистный Коркоран, отец Доран и его сестрица Бэрил появились в гостиной, когда лакеи уже зажигали свечи. Почти следом за ними через другие двери вошли милорд Хэммонд, мисс Софи и мисс Морган. Стэнтон не заметил их. Гнев, отчаяние и злость спрессовались для Клэмента в едкой фразе, которою он походя бросил сестре.

— И ты туда же? Куда павлины, туда и вороны?

Дорана качнуло. В глазах потемнело. Этот хам ещё зовёт себя джентльменом? Он ринулся к Стэнтону и, схватив его за фалды фрака, сильно встряхнул, едва не опрокинув, но в ту же минуту на его плечо легла белая рука мистера Коркорана.

— Полно, Патрик. — Кристиан наклонился к уху мистера Стэнтона и что-то прошептал.

Стэнтон побелел, после чего подошёл к мисс Бэрил и принуждённо спокойным тоном попросил прощения за грубость. Мисс Бэрил испуганно кивнула. Все сделали вид, что не заметили произошедшего инцидента, и только милорд Хэммонд брезгливо поморщился: лишь воспитание помешало ему высказаться по этому поводу публично.

Любопытно, что мисс Бэрил Стэнтон ничуть не задумывалась о внимании, которое с недавних пор оказывал ей мистер Доран. Насмешки брата уверили её, что жениться на ней мужчина может захотеть только из-за тридцати тысяч её приданого, она давно смирилась с этой мыслью и, заметив, что никто из друзей брата не оказывает ей никакого внимания — даже формального, стала думать, что и тридцать тысяч фунтов мало, чтобы сделать её привлекательной. Благожелательная доброта кузена вызывала ответную благодарность, но влюбиться в мистера Коркорана было, в её понимании, безумием. Аргументы в защиту этого мнения она уже изложила кузине Софи. Мистер же Доран казался ей человеком разумным и привлекательным, его суждения были основательны и здравы, ей были приятны беседы с

ним. Последняя сцена в гостиной поразила Бэрил. Она давно привыкла к издевательствам брата, и редкие его слова по-настоящему задевали её. То, что мистер Доран столь горячо вступился за неё, было весьма странно. Бэрил увидела в этом проявление благородства и жалости к ней, этот поступок в глазах Бэрил делал ему честь, но у неё и мысли не возникало о чём-то большем, пока к ней в гостиную не вошла после ужина Софи Хэммонд.

Она насмешливо обратилась к сестре.

— Ну, что, дорогая Бэрил? Тебя, стало быть, можно поздравить? Ты обзавелась обожателем. Уровень притязаний у всех, конечно, разный, но он все-таки джентльмен. Его сиятельство сказал даже, что из старого шотландского рода...

Мисс Бэрил окинула сестру непонимающим взглядом.

— Джентльмен? — Бэрил и вправду не поняла, о чём говорила Софи.

— Я о мистере Доране. Он явно равнодушен к тебе.

Мисс Бэрил улыбнулась. Всё показалось ей шуткой. «Мистер Доран просто вежливый и благородный человек, очень добрый и кроткий, сказала она Софи, не следует видеть слишком много там, где ничего нет». Софи Хэммонд не настолько волновала эта тема, чтобы продолжить её, однако, оставшись в одиночестве, мисс Стэнтон задумалась. Если Бог не дал красоты и ты не привлекаешь мужчин — что остаётся? Жизнь женщины без семьи и детей прогоркает, как старое масло. Приходилось соглашаться ради замужества на всё — на нелюбящего мужа, скверное обращение, некоторые смирялись и с побоями. Бэрил вздохнула. Уровень притязаний... да, он у всех разный. Мистер Доран — сельский священник, но он подлинный джентльмен. Её брат, хоть и много выше по рождению, едва ли мог претендовать на это... Но Бэрил тут же и прогнала эти глупые мысли. Вздор это всё.

...Последовавшие за этим ужином события мистери Патрику Дорану пришлось восстанавливать в памяти во многом гипотетически. Милорда Хэммонда хамство Стэнтонна взбесило до дрожи. Вечером граф, чуть успокоившись, посоветовался с другом. Он вообще ничего не хотел оставлять этому наглецу. Животное! Мистер Доран, не менее его сиятельства возмущённый произошедшим, тем не менее, посоветовал тому не делать резких движений, о которых потом придётся пожалеть. Для начала достаточно и внушения, уверял он. Граф согласился, попросил его найти мистера Стэнтонна и пригласить к нему. Доран кивнул. Патрик снова прощал, хотя и чувствовал, что делает что-то не то. «Всепрощение...» Может, Коркоран прав и в Писании и подлинно нет такого слова? Любопытства ради Доран на досуге поискал — но ничего не нашёл.

Доран отправился на поиски Стэнтонна, однако в гостиной обнаружил лишь мистера Моргана с его сестрой, играющих в карты, и мисс Бэрил Стэнтон, сидящую у камина с книгой. Не было ни мисс Хэммонд, ни мистера Коркорана, ни мистера Кэмпбелла. Мисс Бэрил на его вопрос ответила, что мистер Коркоран, кажется, вышел из дома минут двадцать назад. Брат тоже на улице.

Мистер Доран, подумав, направился в сад.

Глава 18. «Вы полюбили меня, Доран...»

...Бархатистые покровы мхов изъязвляли, точно проказой, приречные валуны. Вдали, едва проступая в вечерних густых сумерках в лунном свете виднелись ограды, увитые побегами хмеля. Коркорану казалось, что ночь дышит, и её тихие вздохи ясно читались в шуршании травы. Он спустился вниз, в заросли осота и чертополоха. Там он и остановился. Круглый диск луны отдавал по краям желтизной, листья хмеля с прозеленью старинной бронзы просвечивали в его лучах венами прожилок и трель цикад, замороженных полнолунием, звенела неистовой трелью.

Коркоран вышел сюда из переполненного дома специально затем, чтобы отдаться собственным мыслям. Но лунная ночь заморозила его. Обо всех этих суетных глупостях он успеет поразмышлять и в другой раз... Коркоран прикрыл глаза. Где-то за лесом послышался совиный крик, отозвался в долине и затих в тине, среди кувшинок. В нём не было ничего страшного и гнетущего, скорее, он тоже лёг последним аккордом в симфонию летней ночи. Кристиан стоял недвижим, словно околдован. Он не хотел ни о чём думать, лишь мучительно боялся помешать гимну ночи, коим наполнила его ночь...

Неожиданно дверь дома, который он покинул несколько минут назад, отворилась и на пороге в неверном свете фонаря мелькнула тень, кажется, девушки. Раздался тихий смех, потом послышался звонкий и нежный голос.

— Мистер Коркоран, где вы?!

Коркоран вздохнул. Он знал, что с того места, где она стояла, его заметить нельзя, и не откликнулся. Он видел, что Софи решила обойти дом, чтобы поискать его, и вскоре её силуэт исчез из виду. В ту минуту, когда он подумал, что, пожалуй, и впрямь нужно вернуться, двери парадного снова распахнулись, пропуская двух мужчин, в намерения которых совсем не входило встретиться с ним. Тем не менее, они медленно пошли вниз по склону, как раз туда, где стоял Коркоран. Он узнал их.

Это были Кэмпбелл и Стэнтон.

— Не пытайтесь найти этому объяснение, Стэнтон, его просто нет. — Голос Кэмпбелла был размерен и спокоен, но было заметно, что это следствие не вялости натуры, и не безразличия к обсуждаемому вопросу, скорее — усталой безнадёжности.

— Послушайте, Кэмпбелл, но это же чертовщина!

— Согласен, если вы имеете в виду, что происходит чёрт знает что. Но я не чёрт, и потому ничего не понимаю. Хотя, замечу, я и Гилберт наблюдаем подобное не в первый раз.

— Но вы же говорили, что учились с ним вместе, должны же вы хоть что-то знать о нём!

С этим утверждением Кэмпбелл не спорил, но его ответ ничуть не обнадежил собеседника.

— Мы учились с Коркораном не в университете, а в Вестминстере, но, поверьте, он и там был загадкой. Сколько его помню, всегда ходил, уткнувшись в книгу, и когда ему докучали, ронял несколько слов невпопад. Вот и всё. Потом — университет, откуда он уехал в Европу. По его возвращении мы увиделись в Лондоне. К этому времени шлейф этой чертовщины, как вы изволили выразиться, за ним уже тянулся. Женщины теряют головы. И не только женщины, кстати... — Он умолк, затем после непродолжительного молчания ядовито продолжил, — упомянутый субъект является вашим братцем, и уж вы-то...

Его слова затихли, и тут раздался тихий стон. Мистер Кэмпбелл, который был не

настолько бессердечен, чтобы не утруждать себя демонстрацией сердечности, положил руку на плечо Стэнтон. Того шатало он еле скрываемой боли.

— Ну, полно, что вы, успокойтесь, Клэм, прошу вас!

— Вы же говорили, что он содомит! Какого ж чёрта он не клюнул на Нортон? Они не шибко-то выбирают — не из кого.

— Я не знаю, Клэмент.

— Но что делать, Господи, что делать, Софи же потеряла голову!

— Можно подумать, только она... Не убейся этот чёртов Нортон, точно также потеряла бы голову и его сестрица, что до сестрицы Моргана — чего и ждать от такой дурёхи? Это чертовщина, но происходит она везде, где он появляется. Удивительно, что ваша сестрица, Стэнтон, как будто не утратила способность соображать. Кстати, почему вы не говорили, что у неё такой божественный голос?

Стэнтон нервно отмахнулся, давая понять, что это его не занимает.

— Идите к чёрту... — пробормотал он.

Мистер Кэмпбелл, пожав плечами, направился в дом. Коркоран, неслышно ступая по траве, растворился в тени лигуструма и вышел к скамье галереи в круг фонарного света. Он не заметил, что мисс Хэммонд, обойдя дом и не найдя его, подошла к альпийским горкам. Не заметил он и отца Дорана, искавшего Клэмента, и остановившегося с другой стороны колоннады.

Доран же нашёл того, кого искал, но мистер Клэмент Стэнтон, заметив при возвращении в дом в свете фонаря мистера Коркорана, резко повернул к нему. Увидев брата, Кристиан расслабленно поднялся. Некоторое время оба молча стояли друг напротив друга. Доран подошёл ближе. Это не Нортон. Этой стычки он боялся.

Однако произошло то, чего он совсем не ожидал.

— Я... я ненавижу вас, Коркоран. Я... но я... — Стэнтон рухнул на колени, он едва не выль, — я... я умоляю вас. Сжальтесь... Завтра я, вспоминая об этом, наверное, возненавижу вас ещё больше...

— Разве это возможно? — Коркоран зло поморщился и протянул руку брату, — встаньте и не злите меня, Клэмент. Чего вы хотите?

— Я...я умоляю... Мне плевать, что Хэммонд оставит все вам, но её я отдать не могу! Пожалейте. Я не могу без неё, — он потерянно уставился на ботинки Коркорана. — Вы должны понять... Она говорит, что не любит меня, но... Я думал, надеялся, что титул и имение... и она тогда не откажет, — Клэмент неожиданно возненавидел себя до дрожи и, трепеща, вскочил. Коркоран, однако, не упивался, как он ожидал, торжеством. На его лице были написаны чувства достаточно противоречивые — раздражение и усталость, но и изумлённое потрясение одновременно. Теперь, когда Стэнтон поднялся, они снова стояли вровень.

— Вы говорите о мисс Хэммонд? — Коркоран тяжело вздохнул и задумался. Стэнтон не сводил с него больного взгляда. Коркоран вяло продолжил, при этом не был груб, скорее было заметно, что он делает над собой усилие, пытаясь быть мягким, — но мне кажется, что вы не совсем понимаете ситуацию. Буду откровенен с вами, брат мой. Ваша просьба... не знаю, как это сформулировать, чтобы не обидеть вас... Ваша просьба... «оставить вам мисс Хэммонд...» отвечает заветному желанию моего сердца. Я ничуть не увлечён. Не будь просьбы дяди — уже был бы в Италии. Но есть ли у вас уверенность в том, что объяснив мисс Софи, что она влюблена без взаимности, мы не обнаружим её утром в том же ущелье,

что и Нортон? — Стэнтон побледнел как полотно. — Вы же первый обвините меня после её гибели.

Стэнтон резким движением распустил шейный платок и опустил глаза в землю.

— Это всё вы... Если бы не вы...

Вежливости и терпимости мистеру Коркорану стало не хватать. Он резко выдохнул и заговорил как обычно.

— Вздор, Клэмент, вас отвергли вовсе не из-за меня. Не выдумывайте. Ваша трагедия в том, что вы не любимы, любя, моя — в том, что я, не любя, любим, но вы способны чувствовать только свою боль. И вы требуете от меня, чтобы я причинил невероятную боль той, кого вы любите. Так хотя бы подумайте, чего это может стоить и к чему привести. Впрочем, чего и от кого я требую?.. — Коркоран окинул кузена тоскливым взглядом полусонных глаз. И снова заговорил мягче, делая над собой усилие. — Я скоро покину Хэммондсхолл. Мой отъезд, быть может, не причинит ей такой боли, как те слова, которые вы вынуждаете меня произнести. Через неделю-другую мисс Софи придёт в себя, воспримет меня как наваждение, успокоится. Тогда попытайте счастья вторично, если это счастье, конечно...

Стэнтон всеми силами пытался сдержаться. Обида, гнев и ненависть к этому человеку душили. Он смеет высокомерно предписывать ему, что делать! «Если это счастье...» Равнодушие к той, что сводила его с ума, бесило. И понимание, что Коркоран благодетельствует ему, что от прихоти этого хлыща зависит счастье, о котором этот негодяй говорит... смеет говорить с таким пренебрежением, что этот красавец страстно любим той, за один взгляд которой...

Клэмент почувствовал, что в глазах его темнеет. Коркоран продолжал.

— Если же вы будете настаивать на вашей просьбе, Клэмент, я её выполню. Мисс Хэммонд мне безразлична. — Слова Коркорана наотмашь ударили Стэнтона.

Клэмент без сил опустился на скамью — ноги не держали его. Он не знал, что сказать. Больше всего он хотел бы видеть этого человека мёртвым. Что до Дорана, то он слушал разговор братьев спокойно, поняв, что потасовки не произойдёт, и просто ждал конца разговора, чтобы позвать Клэмента к его сиятельству. Он отошёл к соседней скамье, проводил взглядом тень, скользнувшую в кустах, и когда мистер Стэнтон проходил мимо, передал ему просьбу милорда. Тот, кивнув и покачнувшись всем телом, пошёл в дом. За ним вышел в портал галереи и Коркоран. Не выразив ни малейшего удивления, что видит здесь Дорана, опустился рядом на скамью.

— После таких бесед так хочется припасть к Чаше Грааля, Доран... иначе выпьешь цикуты. «О, если бы Предвечный не занёс в грехи самоубийство, Боже, Боже...» Помните легенду об Иосифе Аримафейском? Он собрал в изумрудную чашу кровь Христову и стал одним из первых проповедников христианства, добравшихся до Англии и именно до Гластонбери. Эта чаша и есть Грааль и там, где она хранилась, забил источник, дарующий забвение...

— Счастье.

— Я думаю, забвение. Забвение всей мерзости и пошлости мира. Это и есть счастье. Устав от обыденности, обычно жаждешь великолепных цитат, ароматов несуществующих вин и воображаемого запаха невиданных цветов... Я так и мечтал в детстве. Оставался один, и мечтал. В детстве получалось. Сейчас за воздушные замки уже не уцепиться. Но сколько себя помню, всегда мечтал о маленьком домике в горах. Мне нравилось в Корнуолле.

Скальные отроги, море, тишина. Кабинет, исследовательская работа, толстый кот, тихая ненавязчивая старая служанка в огромном чепце. Ни людских толп, ни суетных глупостей, ни пустоты девиц, ни навязчивости светских болтунов. Божественное уединение, тишина, потрескивающая свеча в кенкете и тепло камина, полнота Божества, счастье... — Он отрешённо и чуть болезненно улыбнулся. — Вместо этого — на тебя претендуют извращенцы, тебя обливают поклёпами негодяи, тебя любят Бог весть за что вздорные дурочки, в которых, в свою очередь, влюблены скаредные Шейлоки. И, знаете, ведь не в первый раз. Несть числа дурацким влюблённостям, нелепым претензиям и глупым мечтам. Впрочем, о чём это я? Я же хотел о Чаше Грааля... А, может, хотите послушать, как в лунных лучах золотятся мраморные колонны Парфенона?

— Вы ещё и поэт, Кристиан? — Дорану тоже было тоскливо. Он понимал Коркорана. Тот снова проявлял себя. Сила духа делала его в безбожном мире палачом. Мисс Бэрил права. Он снова убивал — теперь Стэнтон. Убивал, ничуть не желая его гибели, презирая и даже жалея.

— Я? Поэт? Терпеть не могу поэтов. Если вдуматься, сколько ими набормочено попусту в судорожных кривляньях — смешно становится. Вся эта поэзия — нервические припадки да вымышленные жития раздражительного поэтического племени, и только...

Доран видел, что Коркоран плачет. Точнее, слёзы просто струились по щекам, не меняя ни тембра голоса, ни размеренности дыхания. Он продолжал говорить, чуть запрокинув лицо вверх, словно предоставляя лунному свету осушить его слёзы, судорожно сжав на груди белые руки.

— Знаете, мне однажды было видение, — пробормотал меж тем Коркоран, — подлинное, в смысле — пьяное. Я видел, как у стойки и притолок в одной старой французской таверне в Лионе, сливаясь с искорками абсента, в дымке витали неверными тенями мертвецы в прозрачных лохмотьях. Их губы в неутолимой жажде приникали к живым и пьющим, и визжащие кокотки, снующие в угаре, выглядели бесноватыми от их поцелуев. У потолочных балясин из абсентовых паров роились и строились нефритовые чертоги, и в них, как в древней Валгалле боги, пировали духи-пропойцы... Вечный пир мертвецов. Там было легко. Я бы выпил. Где можно достать коньяку, Доран?

Доран, истый житель болот, без фляжки с бренди никогда и никуда не выходил. Он без слов протянул её Коркорану. Тот, благодарно взглянув на него влажными глазами, тремя глотками высадил её. Он успокаивался.

— Джонсон говорил, что красное вино — напиток для мальчишек, портвейн — для мужчин; но тот, кто стремится быть героем, должен пить бренди. Геройство меня не интересует, но надо заметить, этот напиток подлинно поднимает дух...

В эту минуту что-то случилось, но что — Доран не понял. Коркоран улыбнулся.

— Слышите, Доран? Пенье цикады так сливалось с тишиной, что казалось частью этой тишины, но вот оно смолкло — и тишина стала словно полупустой, точнее — неполной. Я уже замечал это. Но тишина жива не только звуком, но и запахом жасминным и лунным светом. Исчезни они — и тишина оглохнет, и ночь ослепнет, и онемееет безмолвие. Скоро будет дождь. Смотрите, небо-то как заволокло, комары пропали... — Он глубоко вздохнул. — Я однажды целую ночь бродил ночью по Городу...

— Рим?

— Нет, Иерусалим. В долине Иосафата. Недалеко от могилы Авессалома. Приобщался полуночных тайн и постигал щедрость лунных сакральных мистерий. Стручками ванили,

лимонною цедрой приманивал к себе ночь, гладил её по стволам криптомерий, губами касался темноты, и луна ходила за мной приручённым зверем в край моих сновидений. Я ловил её отражения в тёмном сумеречном потоке Кидрона, в нём же растворялась, как соль, и моя полуночная горечь...

Дыхание Коркорана выровнялось.

— Стэнтон оказывается, добивался титула и поместья... отчасти для неё. Это странно облегчает моё сердце. Мне и в голову не приходили подобные способы покорения женских сердец, но это лучше банальной жадности, не правда ли?

Мистер Доран снова вздохнул.

— А что вы сказали Стэнтону? Не здесь, а вечером в гостиной?

Коркоран усмехнулся. Он снова был собой. Его слова — мерные и насмешливые — прозвучали в темноте несколько изуверски.

— Я сказал, если он не извинится перед сестрой — мисс Хэммонд проведёт эту ночь в моей спальне. Что любопытно — Клэмент ни на минуту не усомнился в этом. Интересно, чтобы я делал, если бы он — по самолюбию и вздорной гордыне — не поверил бы? — Коркоран умолк. Но вскоре заговорил снова. — Но вот что удивительно. Он влюблён. Это состояние самца в гон. Я тоже порой чувствую себя так по весне, в крови бродит вино любви и любое хорошенькое личико будоражит кровь, плоть, воображение. Правда, я говорю, что меня искушает кривляка-Асмодей, весенняя похоть. Эти же уверены, что это и есть любовь. Но это не самое удивительное. Он говорит, что любит её, твёрдо зная, что по единому моему слову она придёт ко мне в спальню. Чудо. Ни в нём, ни в ней нет ничего. Но какие незыблемые чувства! Глупцы скажут — любовь, другого-то слова в языке нет. Кривляние да манерничанье закона тождества, амфиболия и эквивокация. Я не мог бы любить женщину, зная, что она может провести ночь в спальне другого — а он может. Он ведь ни на минуту не усомнился! Этим Стэнтон, кстати, отличается от вас. — Коркоран неожиданно оживился, — знаете, Доран, я все это время изучал вас. И, признаться, удивлён. Вы совершенно необычное явление.

— Я? — Доран был ошеломлён. Он наблюдал за Коркораном, но ему и в голову не приходило, что тот тоже исследует — но его самого. — Скорее, это можно сказать о вас, Кристиан.

— Вздор. Я целен и понятен. Я говорю то, что думаю. Я ни разу не солгал вам. Я живу так, как проповедую, и верю в то, что провозглашаю. Немногие сегодня скажут о себе также. Но вот как умудряетесь жить вы? Вы, простите мне этот вопрос, в Бога-то веруете? Я готов уже и в этом усомниться.

— Что? — поворот в разговоре был столь неожиданным и странным, что Доран растерялся, — я не верую? Почему, ради Бога? Вы что, считаете меня... подлецом?

— Подлецами я считаю морганов. Они не знают ничего высокого, живут в мире низости, готовы на любую низость — но ведь они морганы! Они не могут разглядеть высоты — и в любом высоком помысле прозревают только низость. Но вы-то почему заражены этим? Как вы можете проповедовать с амвона добродетель, и даже, судя по моим наблюдениям — быть добродетельным, и при этом... ни минуты не верить в добродетель? Я заметил — вы не верите ни в честь, ни в совесть. Вы, даже полюбив — не можете в это поверить! Кто вы, Доран?

Доран не отвечая, смотрел в землю. Вопросы Коркорана не обижали его, но изумляли. Последние же слова и вовсе шокировали. Он в изумлении поднял глаза.

— Я... полюбил?

— Конечно. Но сами в это не верите. Вот я и интересуюсь — во что вы вообще верите-то? К тому же, вы так странно милосердны и сострадательны... к мерзости, а ведь вы прекрасно понимаете, что это мерзость. Неосуждение зла, терпимость к низости, отсутствие порицания творящемуся, всепрощение подлецов, попустительство и потворство грехам мира. Не верящий в собственную любовь, но верящий, что нортон и глупенькие мисс могут любить, страдающий злу и снисходительный к содомлянам и потаскушкам. Кто вы, Доран?

Слова Коркорана настолько изумили Дорана, что он, в оцепенении замолчав, долго обдумывал их. Он... полюбил? Вздор. Мисс Бэрил... Ему было приятно её общество, ум кротость, милосердие. Нет слов, мисс Стэнтон нравилась ему. Да, она была именно той женщиной, которая была нужна ему — если, конечно допустить, что ему кто-то нужен. Но в его-то годы — любовь? К тому же Бэрил богата, и что может привлечь её в нищем священнике, который, к тому же, на пятнадцать лет старше?

Он оспорил мнение собеседника.

— Вздор это всё, Коркоран.

— Вовсе нет. Я заметил, что вы постоянно не верите мне. Сначала я не понимал причин, но потом мне показалось, что дело в мерзейшем наговоре Кэмпбелла. Но нет. Я понял, что вы по-прежнему сомневаетесь — тут отчасти... я связан словом. Ладно, я прощу вам недоверие ко мне. Но вы не верите не только мне. Вы всегда недоверчивы. Вечный скепсис. И это приводит к тому, что вы сомневаетесь в своих суждениях и утрачиваете доверие самого себя — самому себе. Никаких критериев различения добра и зла — и вот мерзейшие сношения инверти у вас называются любовью, мы начинаем жалеть самоубийц, сострадать подлецам. Кто прощает преступление, становится его соучастником. Я поэтому и спросил о Высшей Истине. В Бога-то вы хотя бы веруете?

— Верую, Коркоран. В Бога верую.

— Это обнадеживает. Теперь начните верить себе, опираясь на Божественные постулаты. А потом — постарайтесь поверить и мне. Ваш недоверчивый взгляд порядком досаждал.

Доран усмехнулся. Если Коркоран так декларирует свою искренность, что ж, будет искренним и он. При этом надо заметить, из всей обвинительной речи мистера Коркорана Доран вычленил только то, что было для него наиболее значимым.

— Да, у меня портилось настроение, когда я думал, что мисс Бэрил скоро уедет в Лондон. Но я с горечью думал и о вашем грядущем отъезде. Что, вас я тоже полюбил, чёрт возьми?

— Да. Конечно.

— Что?!

— Вы полюбили меня, Доран. — Глаза Коркорана смотрели прямо и задумчиво, — вы полюбили мисс Бэрил. Вы любите графа Хэммонда. Что здесь дурного, помилуйте? Любить — это прощать, не искать своего, не помнить зла, но, по сути, любить человека — желать ему подлинного, спасающего душу блага. Кому, как ни вам, знать истинные определения подлинной Любви? Вы же не Нортон, помилуйте.

— А сами вы, по-вашему, верите себе и умеете любить? И при этом — не умеете прощать? Не потому ли вы сказали, что подобные вам опасны на людских путях? — Доран невесело усмехнулся. — Мисс Бэрил назвала вас человеком не от мира сего. «Мистер

Коркоран, сказала она, слишком силён и может быть только палачом...»

— Бэрил — умница. — Коркоран тоже вздохнул. — Но я опасен только для тех, кто пытается на мне играть... Я — не флейта. Опасен я и для тех, кто хочет сделать меня своей игрушкой. Опасен я и для того, кто хочет стать моей игрушкой... Мне игрушки не нужны. А прощать я умею. Всё — кроме мерзости и подлости. Их и нельзя прощать — от этого они как плесень в сырости расползаются и страшно усиливаются. А вот вы умудряетесь to give the devil his due^[10]. Простить и иродов, и иуд... Вы нашли в Писании слово «всепрощение»?

— Нет...

— Ну, так и помните об этом. Но проблема ваша глубже. — Коркоран наклонился к Дорану, — мы можем дать только то, что у нас есть. Любить расслабляющей любовью, которая позволяет человеку становиться все мельче и мельче, скатываться ниже и ниже — это не любовь, Доран. Это — измена Христу. Христос любил Иоанна, любил Петра и Андрея, но на лицемерных фарисеев смотрел «с гневом». Грешник же не вразумляющийся, по сказанному, «будет тебе как язычник и мытарь». А у вас — чем подлей и иудистей, тем милей почему-то. Пастырь-всепроститель! Не удивлюсь, если паства ваша хиреет, — вы же волков норовите держать вместе с овцами. Вырази ложную мысль ясно, и она сама себя опровергнет. Не надо смешивать снисходительность, преступную и губительную, с милосердием, которое никогда таковым не бывает. Христос не «снисходителен», — Коркоран откинулся на скамье, — правда, иногда у вас бывают проблески истинности. Я это отметил. Вы пожалели для задниц господ Моргана и Кэмпбелла свой кактус, но не пожалели сами задницы — и то хорошо. Но, боюсь, это не проявление праведных судов Божьих и подлинной любви к природе, а просто — эгоистическое нежелание жертвовать своей собственностью. Скарედность, так сказать. Что там такое, Господи?

Последняя фраза Коркорана — элегичная и задумчивая, относилась к неожиданно появившейся у входа в дом странной процессии с тремя фонарями. Раздались и крики — кого-то звали. Доран и Коркоран, сидевшие в круге фонарного света, были замечены с порога, и к ним поспешно побежал толстый человек с фонарём. Доран узнал его по силуэту и неторопливо поднялся навстречу.

— Ледлоу, это вы? Что там случилось?

Полный лакей ответил не сразу, некоторое время пытаясь отдышаться. Наконец, заговорил.

— Мистер Стэнтон, сэр... — При этих словах стремительно поднялся и Коркоран, — Он... там...

— Только не говорите, что он выбросился из окна! — голос Коркорана звенел злостью.

— Нет, сэр, как можно? Что вы, милорд? Он... не нашёл в доме мисс Хэммонд и сейчас требует, чтобы её искали в парке.

— Мисс Хэммонд? Но что ей делать в парке в такое время? Она наверняка в доме — он просто не нашёл её.

Ледлоу пожал плечами.

— Мы везде посмотрели, сэр. Разве что мисс Софи специально спряталась куда-то — а так осмотрели весь дом.

— Я её не видел. Здесь её не было, — Коркоран сел на скамью, — может быть, она пошла в оранжерею? Или в одной из беседок?

Ледлоу кивнул и, обещав посмотреть, двинулся к оранжерее.

Доран сел рядом с Коркораном, тупо глядя перед собой. Коркоран удивлённо окинул

его взглядом.

— Что с вами, Патрик?

Доран закусил губу и обратился к нему напряжённое лицо.

— После вашего нравоучения мне трудно говорить, но я не могу поверить, — он и вправду не мог в это поверить. Просто не мог. — Кажется, я заметил... Во время вашего разговора с Клэментом в галерее стояла женщина. Я видел тень, она метнулась потом за кусты лигуструма.

Коркоран побледнел.

— Вы хотите сказать, Софи... подслушала наш разговор со Стэнтоном? — Он опустил глаза в землю, — чёрт, я же видел, как она вышла из дома и пошла вокруг Хэммондсхолла. Я забыл о ней. Конечно, она вышла к галерее. Little pitchers have long ears.^[11] Я как-то забыл об этом.

— Ночь, тишина... Вас было слышно за двадцать шагов.

Оба они некоторое время молчали. На лицо Коркорана легла печать мутной тоски и уныния.

— Ну, и где она может быть?

— Где угодно. Не исключён и Лысый Уступ...

— Типун вам на язык, Доран!

— Разве вы сами не об этом подумали? Ваши слова были жестоки...

— Что за вздор? От меня она слышала то же самое, что от неё самой слышал Стэнтон. Почему же вы её не обвиняете в жестокости? В конце концов, из услышанного она сделала тот же вывод, который ей пришлось бы сделать через две недели. Неделей раньше, недель позже! У женщины поразительная интуиция: она может догадаться обо всем, кроме самого очевидного. Видит Бог, если ей казалось, что она любима, то у неё вовсе не было мозгов. Жестокие слова! Чёрт возьми, начинается дождь... — Он тяжело вздохнул и поднялся. — Но я вас понял. Пойдёмте.

— Куда?

— Надеть сапоги и взять фонари. Надо найти дурочку.

Глава 19. «Вы возили дьявола на чёртову мельницу?»

Ни за что на свете Доран не хотел бы пережить вторую такую ночь.

Надо сказать, что Клэмент Стэнтон не понял причин исчезновения мисс Хэммонд. После того, как ему пришлось выслушать весьма резкий выговор дяди, он, раздосадованный и обозлённый — и отказом мисс Софи, и ужасными словами Коркорана, и нагоняем его сиятельства, — пришёл в гостиную. Он хотел просто обдумать ситуацию. Разговор с кузенком, хоть и оставил в нём гнетущее чувство неприязни и унижения, был отраден. Тот определённо сказал, что не любит Софи, и добиваться её не собирается. Клэмент мог считать Коркорана каким угодно мерзавцем, но в словах его не усомнился ни на минуту. В его понимании, его брат был кем угодно, но не лжецом. По размышлении Стэнтон подумал, что чёртов кузен прав — когда он уедет, Софи успокоится, и тогда сможет в полной мере оценить то, что он может ей предложить. Надо было просто выждать, ибо угрозы, — и та, к которой прибёг Коркоран в гостиной, и та, пугающая, напоминающая о смерти Нортон, что высказал Коркоран в галерее — вовсе не казались Клэменту досужим вымыслом.

Однако впереди были ещё две недели...

Он пошёл искать мисс Софи. Просто, чтобы увидеть её. Чтобы убедить самого себя, что через совсем недолгое время он сможет добиться её. Но в музыкальном зале сидели милорд Хэммонд, его сестра, Морганы и Кэмпбелл. Он торопливо прошёл к комнатам Софи — но горничная сказала, что не видела мисс Хэммонд с тех пор, как она ушла на ужин. В недоумении мистер Стэнтон прошёлся по всем комнатам, заглядывал на балконы, обошёл весь дом — но не нашёл кузину. Поднял на ноги лакеев, которые тоже, осмотрев все закоулки, высказали мысль, что мисс Хэммонд вышла в парк, или гуляет в саду. К этому времени поиски Клэмента успели взбудоражить весь дом.

Пока лакеи ходили с фонарями по парку, саду и галерее, Доран и Коркоран успели облачиться в сапоги и охотничьи куртки. Доран пополнил запас коньяка, Кристиан тоже налил флягу до краёв. Он вслух методично обдумывал, что может им пригодиться в поисках — верёвки ли, горные молотки, топор? Все зависело от того, куда угораздило податься глупую девицу. Заметив их, выходящих из подвального в тусклом фонарном свете, Стэнтон спросил, куда они направляются? Доран нехотя ответил, что они поищут на болотах, ибо, возможно, мисс Хэммонд слышала его разговор с мистером Коркораном...

Клэмент поблел.

— Вы... — ненавидящим взглядом уставился он на Коркорана, — вы... вы специально сделали так, чтобы она слышала, вы хотели... — Он потерянно умолк.

Коркоран вяло ждал продолжения, но, не дождавшись, продолжил сам.

— И чего я, по-вашему, хотел? И не этого ли хотели вы и даже требовали от меня сами?

Стэнтон ринулся к Лысому уступу. Его настиг яростный крик Дорана, требовавший, чтобы он немедленно вернулся. По болотам, да ещё в туман, только безумный ходит в одиночку.

— Вернитесь, Клэмент, кому сказано? — Коркоран тоже был взбешён, его разгневанный голос, словно кнутом, рассёк темноту.

Но Стэнтон лишь с остервенением махнул рукой и исчез в темноте. Доран молча смотрел ему вслед, с трудом скрывая бешенство.

— Помяните моё слово, закончится тем, что нам придётся искать ещё и этого остолопа. — И так как не дождался возражения от Коркорана, тяжело вздохнув, закрепил на плече верёвку и ледоруб. Взяв фонарь, Доран резюмировал. — Пойдёмте.

У Лысого Уступа они остановились. Дождь мелко моросил, но вскоре перестал. Трава скользила под ногами, и тропы были размыты. Оба, поддерживая друг друга, спустились вниз. Везде, где хватало света фонарей, была лишь мокрая трава, серо-чёрные камни да старые коряги. На том месте, где недавно лежало тело Нортонa, ничего не было.

— Говорил же я вам, вздор всё, — удовлетворённо сказал мистер Коркоран, — дурочка наверняка либо в доме, либо рыдает в укромной беседке сада.

В эту минуту в небе сверкнула молния, спустя минуту прогремел гром и по траве снова зашуршали тяжёлые капли дождя. Оба торопливо двинулись к самому уступу, в небольшой грот, где часто укрывались от дождя и зноя пастухи: там даже оставались несколько поленьев и две охапки соломы.

— Куда побежал этот идиот? — Коркоран уже не скрывал раздражения. — Он ходит по земле с пренебрежением, а земля этого не прощает. Хватит ли у него ума обойти топь? Я видел, что последние ливни кое-где смыли ограждения. Надеюсь, он добрался до леса?

Доран развёл руками. После оскорбления, которое позволил себе Стэнтон в отношении своей сестры, он, и раньше-то не вызывавший симпатии, казался священнику просто животным. Разговор же Стэнтонa с Коркораном удивил его. Воистину, чудна и загадочна эта страсть, подчиняющая себе подобных Стэнтону, — тут Коркоран был прав в своём изумлении. Как могла любовь заполнить сердце бессердечного? Сейчас Доран не испытывал к Клэменту ни сострадания, ни жалости. Его всегдашнее сочувствие людям как-то неприметно кончилась. Неожиданно он понял, что не может простить Стэнтону именно унижения Бэрил, а это, воля ваша, подтверждало слова Коркорана. В чём-то он точно был прав. Да и не только в своих словах о его любви. Ведь в его приходе — и вправду, как в державе Датской, гнили завелось в последнее время немало...

Ливень припустил, не было и речи, чтобы идти на болота. Доран попытался разжечь костёр. Если бы не Стэнтон, по окончании дождя они могли бы подняться вверх по уступу, теперь же надо было ждать рассвета — и найти Клэмента. И это тоже раздражало.

Костер всё же разгорелся, и сразу в маленьком гроте потеплело. Коркоран улыбнулся.

— В поместье отца тоже был крохотный грот под осыпью холма. Сам холм я звал Дунсинаном, а сад — Бирнамским лесом. Как герой Дункан, я, семилетний, штурмовал холм, мстя негодяю Макбету. Эти вечера и ночи в имении странно памятны мне. Я часто разводил костёр в пещерке... Ночь. Где-то лаяла собака. Знаком диеза мелькнув в траве, цикада, словно повинувшись знаку Гекаты, начинала резать тишину своим звучным пиццикато. Так проходила полночь, и вспыхнувший хворост вспугивал желтоглазых сов, и ночь мира под вой псов Гекаты Пирфорос уходила на запад, под кров забытых кумирен... Моя кормилица и мисс Эллиот давно спали, не зная, что я опять удрал. Я там был счастлив. После университета я вернулся туда. Это была роковая ошибка. Никогда нельзя возвращаться в детство, Доран. Дом был совсем крохотным, холм — всего-навсего маленьким взгорьем, а мой Бирнамский лес оказался палисадником с несколькими деревцами. Я вырос.

Доран тоже поймал себя на каких-то детских воспоминаниях. Игра в разбойники на болотах... Джейн... Она поцеловала его тогда и сказала... впрочем, позже она выразилась яснее. Зачем вспоминать? Он любил её. Любил? Сейчас всё казалось таким далёким и иллюзорным. Джейн не была счастлива в браке, тот мужчина, которому она предпочла его,

был ей неверен и очень быстро заставил её пожалеть о сделанном выборе. Впрочем, а кто сказал, что с ним она была бы счастливее?... А был бы с ней счастлив он сам? Доран давно разглядел проявившуюся в Джейн с годами сварливость, неуступчивость и упрямую вздорность... Может, его счастье, что ему отказали? Мысли его плавно перетекли к дням сегодняшним. Мельница не может молотить утёкшей водой... Но судьба, словно нарочно, дразнит его такими разными, столь противоположными возможностями. Пустенькая бедная красавица Джейн — и мисс Бэрил. Но если его отвергла даже Джейн, то чего же ждать от мисс Стэнтон?

Дождь быстро кончился. Даже в темноте было видно, как наползает на лес и Чёртову топь молочно-белый туман. Неожиданно справа раздались чьи-то чавкающие шаги. Оба с надеждой поспешили на звуки, порадовавшись, что Стэнтон выбрался из леса живым и невредимым, освобождая их от труда искать его на болотах.

Увы, из мутной пелены показался Ледлоу — грузный человек лет шестидесяти. Он был в отчаянии — его ноги промокли, фонарь потух, посланный на поиски пропавших в ночи господ, он ещё и заблудился. Про себя он зло бормотал, что нанимался в Хэммондсхолл лакеем, а не псом-сенбернаром, а при его-то подагре и отдышке только по болотам и прыгать. Глаза его, однако, восторженно просияли, едва он заметил сквозь туман свет костра мистера Дорана. Слава Господу! Теперь он может сказать, что честно выполнил поручение — и с помощью обрётённых господ безопасно выбраться с этой мерзкой топи и добраться до камина!

Его ждало разочарование. Мистер Доран с прискорбием известил его, что они не смогли найти мисс Хэммонд, ибо хлынул дождь, и потеряли из виду мистера Стэнтон, который с Лысого уступа устремился куда-то в сторону Чёртовой топи. Ледлоу побледнел. Мисс Хэммонд нашли, пробормотал он.

Коркоран и Доран стремительно обернулись к нему.

— Где? Она жива? — два вопроса слились в один.

Ледлоу пояснил, что молодая леди найдена конюхом Родериком Уэстом. Она лежала без чувств в зарослях ежевики у выгона. Сейчас мистер Хэммонд срочно вызвал врача, мистера Джона Рэдклифа из Вудтона, и послал в Гластонбери за мистером Гилфордом. Мистер Рэдклиф уверил его сиятельство, что жизни мисс Хэммонд ничего не угрожает, хотя, конечно, она сильно повредилась. Мисс Стэнтон все время плачет, сэр.

Джентльмены переглянулись. Ледлоу между тем пожаловался на ревматизм и промокшие ноги. Доран понял его.

— До утра мы бессильны, Коркоран. Поднимемся, просушим Ледлоу, — предложил он, протягивая лакею свою фляжку с бренди, — дождёмся рассвета, возьмём подкрепление и утром разыщем Стэнтон.

Лакей возликовал и торопливо закивал, одобряя столь здоровое решение. Коркоран не возражил. Втроём, поддерживая на скользкой траве Ледлоу, они поднялись на Лысый Уступ. Ночь казалась крошечной. Его сиятельство встретил их на пороге, обняв обоих трепещущими руками. Судя по взволнованному виду графа, он уже не чаял увидеть их в живых. Милорд успокоился, но его лицо, с которого сошло выражение тревоги, было печальным и горестным.

— Боже мой, какое горе... Бедная девочка... я не могу понять, как она заблудилась там. Всё просто ужасно. Рэдклиф говорит, что поделать ничего нельзя. Я послал за Гилфордом. Он опытен, и я надеюсь...

Коркоран в который раз недоуменно переглянулся с Дораном.

— Ледлоу сказал нам, что никакой опасности нет!

Доран просто вопросительно смотрел на Лайонелла Хэммонда.

— Опасности для жизни, мой мальчик, опасности для жизни. Но её лицо... Она упала в ежевичный куст. Щека пропорота почти насквозь, повреждены лоб и губы. Глаза, по счастью, не пострадали. Я жду Гилфорда, как Бога.

Коркоран опустил на диван, вынул трубку и раскурил её. Доран сел рядом. Он опять не замечал в Коркоране ни малейшего раскаяния. Тот снова мог бы сказать о себе, что ни волеизъявлением, ни свободным деянием, ни помышлением не повинен в произошедшем. Глупые бабочки, влекущиеся светом свечного пламени — и сгорающие в нём... Виновато ли пламя? Теперь Патрик, начав доверять Кристиану безоглядно, правильно осмыслил путь мистера Коркорана. Совершенству действительно было не место в несовершенном мире. Море, погрязшем в плотских помышлениях, денежных расчётах, честолубивых притязаниях. Совершенство или гибнет, задавленное любовными глупостями и прагматичными мерзостями окружения, либо будет причиной гибели десятков ничтожеств. Живое порождение мёртвой утробы — Коркоран был слишком силён и истинен, чтобы уступить низости или позволить нелепым любовным бредням романтической глупышки восторжествовать над собой. И вот — становился палачом. Невольным, нечаянным — но смертельно опасным. Да, Коркоран был опасен на людских путях. Но... Но почему сам он ничуть не боится его? Ведь Кристиан прав, чёрт возьми, незаметно и неосознанно он, Доран, полюбил этого человека. Кристиан изменял его и усиливал. Почему этого человека обожает его сиятельство? Почему мисс Бэрил высказывается о нём тепло — но вовсе не считает его опасным для себя? Для кого он опасен?

В коридоре послышались странные звуки — надрывного плача, сиющегося сдержать боль. Доран поднялся и выглянул из гостиной. Рыдала мисс Стэнтон. К кухне, протиснувшись мимо него, подошёл Коркоран.

— Мы найдём его, Бэрил, около пяти утра рассветёт и...

Он замолчал. Мисс Бэрил, закрыв лицо платком, резко покачала головой. Она захлёбывалась слезами.

— Она была такой красивой! Как же это? А... где Клэмент? Он искал её...

Доран, успевший подойти, услышал последние слова.

— Мы потеряли его, мисс Стэнтон. Он кинулся к топи...

Её плач смолк. Доран снова упал в голубую бездну хрустальных глаз.

— Он... Он на болотах? Сейчас? Он там? — она бросила лучащийся слезами взгляд в темноту за окном.

— Мы надеемся, что он успел добраться до леса до того, как хлынул дождь. Он знает опасность топи, и переждёт ночь в лесу. — Доран говорил то, во что хотел верить сам. — Утром мы найдём его.

Бэрил смотрела на него, не видя.

— И что он увидит, Боже мой...

Доран, до того, как услышал от Коркорана, что влюблён в эту женщину, считал, что она разумна и мила. Сейчас, когда он осознал некоторую долю истины в его словах, взволновался. Но смирил биение сердца и спросил, как пройти к мисс Хэммонд? Бэрил указала на дверь в конце коридора.

Мисс Хэммонд спала. Мистер Рэдклиф использовал лауданум, смесь опиума и алкоголя,

иногда называемого опиумным вином. Часто его применяли как снотворное для заглушения боли и как успокоительное средство.

Доран ужаснулся. Лицо мисс Хэммонд было действительно изуродовано — мисс Бэрил несколько не преувеличивала. Глубокие царапины рассекали лоб и подбородок, щека была закрыта повязками. Дверь распахнулась, и в комнату вошли мистер Эдгар Гилфорд и граф Хэммонд. Все торопливо вышли, понимая, что их присутствие излишне.

— Несчастливая словно побывала в когтях дьявола, — проронил Коркоран. — Помню, кормилица мне говорила, что кусты ежевики имеют какую-то связь с нечистой силой. Но какую, я забыл.

— Наверное, что после Михайлова дня ежевику собирать нельзя, так как считается, что в этот день дьявола изгнали из рая, и он приземлился на колючий куст ежевики. Это старое поверье.

— О, бедный дьявол тоже, стало быть, поцарапался, — насмешливо бросил Коркоран.

Меж тем светало. Коркоран предложил взять с собой местных уроженцев, простолюдинов, они выносливей. Доран не спорил и вызвал грума Джона Найтли и конюха Родерика Уэста. Коркоран поинтересовался у последнего, как ему удалось найти мисс Хэммонд? Тот, несколько робея от красоты обратившегося к нему джентльмена, заметил, что искал вовсе не её — а не вернувшуюся с пастбища корову Чернуху, и вот случайно заметил на повороте тропинки в колючих кустах ежевики белую косынку мисс Софи, а потом и её саму разглядел — мисс Хэммонд в зелёном платье была. Он испугался — у мисс всё лицо в крови было.

— Как она могла в кустах-то очутиться?

— А там, милорд, тропинка по склону идёт, спуск крутой, поворот у куста резкий — если мисс бежала, и было темно, она могла на бегу влететь в куст.

Доран кивнул. Он так и думал. Глупышка подслушала разговор, пробудивший её от выдуманных грёз и вздорных заблуждений. Когда ей открылась истина — потеряла себя, и просто кинулась бежать от открывшейся истины, бежать без пути и вот — забрела в никуда... Впрочем, мисс Бэрил сказала, что ей и терять-то было нечего. Бедняжка не имела себя. По дороге он тихо обратился к Коркорану, спросив, почему мисс Хэммонд не привлекала его? Тот изумлённо окинул мистера Дорана взглядом сонных глаз, и на лбу его проступила едва заметная морщинка.

— А что же там могло привлечь, помилуйте?

— Вы считаете, что мисс Хэммонд — пустышка?

— Ну, обратного она не доказала. Я часто встречал такого рода существ — их нельзя полюбить, даже если попытаться. В них просто нечего любить. Через час ты исчерпываешь этих людей, просто выпиваешь — и вынужден с тоской смотреть в пустой бокал. Я не способен к иррациональной любви — любви ни за что. Такие, как я, не понимают, чем притягательны сильные страсти пустых людей. Мне жаль их, живущих в суетном волнении и смятении чувств, а они, должно быть, презирают меня за то, что я не знаю тревог и не способен к их дурацким страстям. Но это для меня не повод подражать Стэнтону.

Вчетвером они быстро миновали Лысый Уступ и спустя несколько минут оказались у Чёртовой топи. Ограждения её, хоть и пострадавшие от прошедших дождей, были видны. Следов Стэнтона нигде не было видно, хлипкая болотная тина присасывалась к сапогам, как спрут, ноги увязали по щиколотку.

Люди издревле сторонятся болот. Доран знал, что посреди топи часто вдруг появляется

странный звон в ушах, кружится голова, ноги становятся ватными. Необъяснимый страх сковывает и словно парализует душу. Двигаться закованный ужасом и болотной вязью человек уже не может и словно со стороны наблюдает за своей гибелью, пока болотная вода не начнёт заполнять лёгкие...

В нескольких десятках ярдов от топи грум заметил палку с набалдашником из слоновой кости — и Коркоран узнал трость Клэмента. Непонятно было, зачем он выбросил её — если же просто выронил, то это, по меньшей мере, говорило о том, что до леса он добрался. С проклятьями им тоже удалось достичь Бандитского леса. Найтли предложил разойтись и прочесать лес, но Доран воспротивился. Расходиться не следовало. Далеко уйти он не мог, скорее всего, направился к Жабьему болоту — ведь это единственный маршрут, который он знал, когда его сиятельство водил их на пикник в лес. Коркоран выслушал резоны Дорана и молча кивнул. Они, боясь в поисках пропавшего потерять друг друга, громко выкликали имя Стэнтона, шарили глазами по кустам.

Увы, пятичасовые поиски ни к чему не привели. Ни в лесу, ни на Жабьем болоте следов не было. Ближе к полудню ноги у Дорана стали заплетаться, от запаха болиголова страшно свело виски. На болотной кочке нога его соскользнула, и если бы не Коркоран, резким движением перехвативший его руку себе на шею и стремительно вытянувший из вязкой хляби, — быть бы преподобному похороненным совершенно безбожно.

Когда мистер Коркоран вытаскивал его, рубаха мистера Дорана треснула по спине, и тут растерянный Коркоран удивлённо присвистнул, заметив следы аскетических упражнений последнего. Однако, при посторонних этой темы не коснулся, отдав ему свою охотничью куртку. Едва не провалился в болото и Найтли, — и тогда стало понятно, что дальнейшие поиски вчетвером проводить бессмысленно — надо поднимать людей. Родерик Уэст был послан наверх доложить о неудаче милорду Хэммонду, грум отпущен отдыхать. Коркоран с Дораном остались на полчаса внизу — под Лысым Уступом, в гроте, без сил свалившись на солому.

— Будем логичны, Коркоран. Будь он жив — подал бы знак или откликнулся. Я нигде не заметил его следов. После такого дождя он мог сразу выйти на болото — и пиши пропало. Болото манит, кстати...

— Знаю, замечал. Но почему он не кричал? Засасывает медленно, можно успеть не одну трубку выкурить.

— Ваш братец человеком был, что и говорить, странным.

— Был? — мистер Коркоран сонными глазами взглянул на Дорана. — Вы, стало быть, уверены...

— А вы разве нет?

— Ну... не хотелось бы. Но теперь, когда мы одни, просветите меня, ради Бога, Патрик, что это за кровоподтёки на вашей спине? Вы возили дьявола на чёртову мельницу или это следы аскетических самоистязаний? Если последнее — то выходит, что в добродетель вы всё же верите — иначе не пытались бы усмирить плоть подобными методами.

На эту тему Доран говорить отказался. Аскетом он себя не считал, и обсуждать подобные темы не пожелал. Коркоран, впрочем, особо и не настаивал, но с ласковой улыбкой заметил, что Дорану надо бы жениться.

Глава 20. «Доколе извинять мерзость?»

Когда мисс Хэммонд пришла в себя, она увидела склонившуюся над собой Бэрил. Та заметила, что глаза Софи открыты, и улыбнулась ей. К Софи медленно возвращалось воспоминание минувшего дня — но детали путались, она не понимала, почему лежит в постели, что здесь делает Бэрил, потом постепенно осознала, что вчера случилось что-то ужасное. Но что? Голова словно отказывалась вместить какое-то понимание, — отталкивала его и силилась забыть, но оно неумолимо проступало. Наконец она вспомнила. Ночь, ниша галереи, страшные в своей безжалостности слова Коркорана... Но этого не могло быть! Он сказал кузену, что она безразлична ему, и он собирается в Италию.

Софи вспомнила, как побежала к Ближнему выгону, просто желая оказаться как можно дальше от этих жестоких слов, потом...

— Что со мной случилось? Почему... — она нащупала повязку на щеке.

Бэрил села на кровать, ласково взяла её руку. Она уже не плакала, боясь напугать Софи ещё больше.

— Ты, видимо, споткнулась в темноте, и упала в ежевичный куст.

— В ежевичный куст? — Софи недоумевала. Этого она не помнила.

— Тебе нельзя вставать, ты оцарапалась... немного, — Бэрил сделала над собой усилие, чтобы не заплакать. — Были доктора. Они говорят, что тебе нужен полный покой... И все будет в порядке. Главное, не вставать, много не разговаривать.

Доктор Гилфорд и вправду сказал, что царапины возле губ и на лбу могут сойти бесследно, но шрам на щеке останется. Но этого Бэрил говорить Софи не хотела. Просто не могла.

Между тем доктор принёс больной новые лекарства, мисс Бэрил вышла в коридор и тут заметила, что вернулись мистер Доран и мистер Коркоран — перемазанные и обессиленные, его сиятельство торопливо отдаёт распоряжения приготовить им ванны и вызвать всех слуг. Заметив её, Коркоран и Доран поднялись. Лицо Кристиана было мрачно, Доран выглядел ещё мрачнее. Они переглянулись, в итоге заговорил Коркоран.

— Сестрёнка... Мне так жаль. Мы не смогли найти Клэмента. Сейчас все люди мистера Хэммонда прочешут топь и болото, но надежды почти нет, разве что чудо...

Бэрил вначале просто не поняла сказанного. Клэмента нет? Его не нашли? Брат был для неё воплощением силы — безжалостной и неумолимой, был господином и хозяином, и мысль, что он мог погибнуть — не вмещалась в неё. Нет, он где-то на болотах, но живой. Ведь всего только ночь миновала. Нет, он где-то в лесу... Клэмент просто заблудился. Его найдут. Бэрил поделилась этими мыслями с джентльменами. Оба промолчали. Доран заметил, что Бэрил просто не верит сказанному. Что ж, возможно, его и найдут в лесу или на болоте. Их прочешут — и может, найдут...

Доран окинул взглядом мисс Бэрил, вдруг покраснел и торопливо вышел, накинув на спину перемазанную охотничью куртку. С ним произошло нечто непонятное. Всё это время он удивлялся: часы, проведённые с Бэрил, были для него временем отдыха и покоя — душевного и телесного, но вот теперь вдруг в нём, до предела истомлённом и измученном, поднялось яростное, почти не управляемое желание, чуть не сбившее его с ног. Он хотел эту женщину, хотел до безумия. Подмять под себя, овладеть и завладеть ею, оплодотворить её лоно, слиться в последнем содрогании... Доран ужаснулся своему порыву, едва сдержал

себя, и не помнил, как смог уйти.

В своей комнате, где уже была наполнена ванна, Патрик, торопливо заперев дверь, разделся. Зажёг светильник. Подошёл к зеркалу. Долго молча вглядывался в своё отражение, в мощные, напряжённые плечи, мышцы рук, жёсткие квадраты живота, озирал возбуждённую плоть, кровоподтёки на плечах и совсем свежие ссадины на запястьях. Он уже лет десять не видел себя в зеркале обнажённым. Наконец опустил в ванну, отдавшись благодетельному теплу. Дыхание его выровнялось. Он прикрыл глаза. Странно, но он не корил себя за пережитое искушение. И, что и вовсе поразило, не ощущал внутренней вины за него. «...не верящий в собственную любовь, сострадающий злу... Кто вы, Доран?», пронеслось в памяти. А, вот оно. Он просто... он просто вдруг поверил в собственную любовь. Поверил — и она едва не сбила его с ног. Но в этом не было ничего скотского. Патрик хотел Бэрил. Акт любви не может быть безличен. Безличен только акт скотства. Он любил. Доран с тоской оглядел детородный орган — напряжённый в порыве, который реализовать все равно не суждено. Но и это не унизило его. Мощь плоти ощущалось им теперь, как сила, стыд ушёл, в него вошла тишина. Он любил. Несмотря на боль и усталость, что-то в нём пело — пело григорианский хорал, слышанный когда-то двадцать лет назад.

Он любил.

...Милорд Хэммонд был просто убит. Последнее, что он помнил, это резкий выговор, что он сделал Стэнтону, сказав ему, если тот ещё раз посмеет оскорбить сестру — в тот же день навсегда покинет Хэммондсхолл. И вот на тебе... Но мистер Доран, освежённый ванной и переодевшийся, чётко и недвусмысленно сказал другу, что его слова никакого отношения к случившемуся не имеют. Мистер Стэнтон, если предположить, что он погиб, стал жертвой собственного упрямства и глупости. В одних ботинках, без снаряжения, в одиночку — ринулся бегать по топи, — кто виноват? Этот человек ни с кем не считался — глупо думать, что с ним посчитается болото. Поделом.

Граф опасливо покосился на друга и осторожно заметил, что в последнее время Патрик обнаруживает странную жёсткость в суждениях. Тот только пожал плечами. Хватит колебаний. Надоели ему вечные сомнения. Сегодня он опубликовал бы записку Нортону, отказался бы отпевать самоубийцу, и выбросил его тело воронам! И плюнул бы в физиономии всем, кто сказал, что он неправ! Однако... Ведь Коркоран тоже сказал, что сделает женщиной всякого, кто обвинит его хоть в чём-то! Правота Кристиана начала в полноте доходить до Дорана. Чего ради сгибаться перед этой низостью? Доколе извинять мерзость? Если поступаешь по-божески — плюй на все заповеди человеческие, на все прихоти суетного мира всего!

Хватит. Хватит с него этих слезливых глупостей. «Ветви, не приносящие доброго плода, срубают и бросают в болото...» Или куда там? А, в огонь. Доран почувствовал волчий голод, и пошёл в столовую, шатаясь и от странной, распиравшей его силы, и телесной усталости. Коркоран сидел за столом и совмещал, видимо, завтрак с обедом, уплетая за обе щеки. Доран молча уселся рядом и подтянул себе блюдо с холодной свининой и бутылку вина.

— У вас такое выражение лица, дорогой Патрик, словно вы обрели Господа...

Мистер Доран не стал спорить.

— Так и есть.

Мистер Коркоран преломил ломоть тёплого, только что выпеченного хлеба, отдав половину Дорану.

Между тем, поиски в течение всего дня никаких результатов не дали. Было решено назавтра вызвать людей из деревни и прочесать лес вторично. Доран не мог пойти со всеми — ему нужно было на воскресное богослужение.

...На сей раз Тихоня не встретил его на пороге, но, заприметив хозяина издали, остался сидеть на скамье у входа, поджав под лапки пушистый полосатый хвост. Он не узнал походку хозяина. Ночь мистер Доран спал как убитый, просто провалившись в сон как в копну сена. Наутро появился в храме — и тут же викарий Эдмунд Келтон известил его о новом дебоше столяра Джима Слоупера. Опять избил беременную жену. Митчелл снова пьян. Произошла склока старосты Джорджа Норриса с зеленщиком — всё из-за дочери...

Доран спокойно выслушал и перед службой вышел к прихожанам. Подошёл к Слоуперу. Молча вынул из сапога кнут и что было мочи огрел негодя, не успевшего протрезветь, по лицу наотмашь. Бил в беспощадной ярости, не слушая воплей Слоупера и криков прихожан. Велел викарию Келтону и капеллану Дирку вышвырнуть негодя за храмовую ограду, предварительно прокляв мерзавца от макушки до пят. Да прилипнет язык его к небу, да покроет его Господь чирьями гноящимися и струпьями от темени до ступней, да будет он попирает ногами навоз! Двум виноторговцам в деревне было обещано, что поляжет и скот их, и потомство их, если кто-то из них дерзнёт продать негодю хоть пинту вина. Вышвырнуты из толпы были и староста с зеленщиком: тот, кто не смог воспитать дочь целомудренной и сына нравственным — не будут предстоять пред Богом. Не место таким в храме Господнем! Если до полуночи украденные у Глории Дейли вещи не будут возвращены — вор да умрёт в полночь! И запретит он отпевать мерзкого жулика и выбросит его тело псам!

Протрезвевший на половине гневной речи отца Дорана звонарь Джосайя Митчелл испуганной крысой ринулся под куст живой изгороди, затаился там, и тем избёг яростного проклятия: отец Патрик просто забыл о нём. Подёнщик Шеннон и грум Белл стояли бледные, и испуг в их глазах спас их. Загнав остальных своих овец в храм, отделив их предварительно от зловонных козлиц и хищных волков, отец Доран начал службу. Он не ждал, что вразумление подействует, просто отводил душу.

Хватит ему терпеть мерзость в храме Господнем!

Вернувшись в Хэммондсхолл, Доран узнал от Коркорана, что новые поиски не увенчались успехом, зато без криков не обошлось. Мисс Хэммонд раздобыла где-то зеркало и заглянула-таки в него. С ней началась истерика, пришлось снова вызывать доктора Гилфорда. Когда Коркоран вяло повествовал о подробностях, к мистеру Хэммонду прибежал конюх. На Жабьем болоте на кочке был найден ботинок мистера Стэнтона! Нужны два багра — может, удастся пошарить по дну? Хотя никаких видимых провалов в трясине нет, но ведь они быстро затягиваются...

Милорд Хэммонд был окончательно убит новой находкой, не оставлявшей надежды, что Стэнтон жив.

— Боже мой, что происходит? Такие молодые... Полные сил... Несчастливая Софи, бедный Клэмент... Гилфорд дал ей снова успокоительное, но она, кажется, и во сне плачет...

Занятно, что мистер Кэмпбелл и мистер Морган не принимали никакого участия в поисках их друга, и вообще, панически боялись выходить на болота. При этом джентльмены не собирались покидать Хэммондсхолл. Оба они на минуту заходили в апартаменты мисс

Софи, когда стало известно, что она сильно поранилась. Вышли оттуда сильно побледневшими, и теперь Доран с ревнивой злостью заметил, что оба начали оказывать мисс Бэрил подчёркнутое и деятельное внимание. Мысли молодых людей проступали столь же отчётливо, как чёрные чернила на белой бумаге. Высказывая весьма мало интереса к исчезновению Клэмента, оба полагали, что, теперь, бесспорно, наследником имени и титула станет Коркоран, но мисс Бэрил становилась невестой предпочтительной и желанной, ведь, кроме денег дяди, она имела тридцать тысяч приданного и получала свыше сорока — состояние Стэнтон, умершего бездетным. Бэрил и Софи становились богатейшими наследницами графства, но увечье Софи заставляло их обоих предпочесть мисс Стэнтон. Как ни странно, этому предпочтению способствовало и то внимание, что неизменно оказывал кузине Коркоран, и её сдержанность в их отношениях, одержимая же влюблённость мисс Хэммонд в мистера Коркорана весьма уронила её в глазах мистера Моргана и мистера Кэмпбелла.

...Бэрил осознавала гибель брата медленно, сомневаясь и недоумевая. Она не знала обстоятельств, сопутствующих его исчезновению, но ни Доран, ни Коркоран не собирались просвещать её. Доран лишь бесновался, поминутно встречая теперь в коридорах друзей мистера Стэнтон, поджидавших Бэрил и приглашающих её то на прогулки в сад, то в галерею. Правда, та, потрясённая трагедией сестры и гибелью брата, почти не замечала их.

Сама мисс Бэрил ощущала странную неуверенность в себе. Брат, хоть и был жесток к ней, однако ограждал её от всех житейских тревог, сам оплачивал счета, занимался хозяйством, размещал капиталы, управлял имуществом. Сейчас она чувствовала, что почва уходит из-под ног. Она ничего не умела.

Несколько раз за день Доран терял мисс Бэрил — и находил на Лысом уступе. Найти тело мистера Стэнтон так и не удалось, и она со всё более пустующими глазами вглядывалась сверху в болотную топь. Он старался быть рядом с мисс Бэрил, она же упорно твердила, что не верит в гибель Клэмента. Бэрил и вправду не верила. Мозг отталкивал, отказываясь принять в себя, вместить ужасную мысль, что она теперь осталась совсем одна, что последняя её опора исчезла. Бэрил давно забыла все резкости брата, вспоминая лишь то, что позволяло думать о нём с любовью. Таких эпизодов было немного, но все же иногда брат проявлял и подлинную заботу о ней.

Между тем во вторник утром отца Дорана вызвали на приход. В записке Келтона говорилось, что его присутствие просто необходимо. Недоумевая, что могло случиться, Доран верхом около полудня добрался до храма. И, естественно, оказалось, что всё пустяки. Треклятого Слоупера обсыпало какими-то противными чирьями — по рукам, спине, ногам и заднице. И из-за такой безделицы его обеспокоили? Пусть идёт к аптекарю — он, отец Доран, гнойники врачевать не обучен. Но оказалось, в ночь на понедельник умер помощник конюха Джон Уэрсли. Сердечный приступ. Хватились его поздно вечером в понедельник, он утром должен был ехать в Гластонбери, все решили, что он там... а когда тело обнаружили, ну, засуетились, обряжали и все такое...

— Ну и отпели бы его по уставу сами, Эдмунд, вы же слышали, в Хэммондсхолле на болотах пропал джентльмен, и я занят...

— Так в шкафу у Уэрсли все скатерти и покрывала матушки Дейли нашли...

— Даже так... — мистер Доран нахмурился. — Я обещал, что выкину его собакам, кажется?

— Обещали, отец Доран.

— Ну, так и выкинуть. Не отпевать. Скажите, что я запретил. Хотят хоронить — пусть везут пятнадцать миль в Комли. Никто лошадей не оплатит — тем лучше. Скинуть в навозную яму. Больше, надеюсь, никаких происшествий не было?

Эдмунд Келтон ошарашено озирает своего настоятеля. То, что слово отца Дорана сбылось с такой пугающей точностью, наполнило души прихожан ужасом почти животным, и эти два происшествия стали притчей во языцех по всей округе, все только и говорили, что о проклятии отца Дорана, обрушившем на задницу злосчастного Слоупера тьму страшных гнойных чирьев и о каре, постигшей по слову его нечестивого вора. Местные торговцы с ужасом закрыли двери перед злополучным Слоупером — хотя вино и масло тому были необходимы теперь для наружного применения — на припарки к ягодицам. Звонарь Митчелл, трезвый, как стекло, смиренно поклонился отцу Патрику. Все убедились, что отец Доран — человек, безусловно, святой, решили переизбрать старосту и обходили третьей улицей лавку зеленщика, что привело к новым переменам на приходе: Джордж Норрис приказал сыну немедленно жениться на обещанной им девице.

— Я в Хэммондсхолл, — бросил, садясь на коня, мистер Доран, — беспокоить меня только в случае серьёзных событий, из которых самым значимым может быть явление Господа на облаках, а самым незначительным — землетрясение.

Глава 21. Последнее искушение мистера Дорана

Патрик уже дёрнул поводья, но остановился. У дороги стоял экипаж — довольно обшарпанный. Из него вышла женщина средних лет, одетая в скромное серое платье, которое носят обычно вторую половину траура, и вдруг окликнула его по имени. Он изумлённо озирает её и внезапно узнал. Спешился. Джейн последние годы жила в Бате, он слышал, что у неё постоянные склоки с супругом, доходило и до рукоприкладства. Теперь он понял, что Джейн овдовела.

— Патрик... это ты. — Интонация Джейн была не вопросительной, но скорее странно растроганной и сентиментальной.

Сам Доран с изумлением смотрел в лицо женщины, чей отказ быть его женой на четырнадцать долгих лет заморозил его сердце. Он почувствовал оторопь. Перед ним была постаревшая, растратившая всю привлекательность женщина, бледная, несколько отёчная, явно нездоровая. Доран не знал, что ей сказать и сожалел, что остановился.

— Дерек умер... ещё в январе.

— Примите мои соболезнования, миссис Рейнольдс, — он обратился к ней подчёркнуто официально, неожиданно почувствовав, что она пытается говорить с ним, как встарь. Это ему не понравилось. Он изменился глубже, чем замечал сам. Ещё месяц назад он мог бы и расчувствоваться, но сейчас окаменел в молчании и — презрении. — Надеюсь, оставленное супругом состояние, которое по-прежнему пятикратно превосходит мой годовой доход, поможет вам утешиться в потере.

Зачем он сказал эти жестокие слова, одновременно говорящие, что он ничего не забыл, а значит, — и не смог простить? Но разве он не простил? Доран удивился. Простил. Давно. Сейчас он больше всего хотел только одного — оказаться подальше от неё, в Хэммондсхолле. Зачем же он так?

Джейн побледнела.

— Я думала, ты простил. Я ошиблась тогда, пойми, и жалела об этом.

Доран испугался. Испугался Бог весть чего, почти отпрянул. Он не хотел ни извинений, ни признаний. Он не хотел её — не только как женщину. Он не хотел ни видеть её, ни слышать о ней. Поэтому и оттолкнул — сразу, интуитивно и бездумно. Эта тень прошлого, вдруг ожившая и на что-то притязующая... аминь, рассыпья. Он давно не любил её. Доран вздохнул и лучезарно улыбнулся — он любил другую. Ту, которая не польстится на деньги, кроткую, женственную и разумную.

— Есть поступки, Джейн, у которых необратимые последствия. Да и мне не двадцать три, а тридцать семь. Извини, мне нужно ехать. — Доран буквально взлетел в седло и стегнул коня.

Две мили до Хэммондсхолла миновали быстро, но этого времени ему хватило, чтобы осмыслить то, что Доран давно знал по Писанию, но впервые ощущал в собственной жизни. Неизреченно велика милость Господня — и только мы, по глупости нашей, не всегда сразу понимаем это. Если мы не получаем того, чего желаем — возблагодари за это Господа, глупец, возблагодари Господа. Бог не соединил его с Джейн. И он скорбел об этом, скорбел долгие годы. Но сейчас понял, что Господь просто уберёт его — от глупой любви неопытного щенка, от брака с расчётливой и циничной особой, от сломанной жизни.

Слава Богу за всё...

Его приезд в имение был ознаменован сообщением мистера Коркорана о том, что два грибника из деревни нашли мистера Стэнтон. Доран напрягся. Бедняжка Бэрил... Ему так хотелось бы уберечь её от ужаса похорон брата. Доран смог только спросить, где нашли тело? Мистер Коркоран, к его непомерному изумлению, ответил, что Клэмент жив, хотя и находится между жизнью и смертью. Вывих стопы, растянуты связки, перелом правой ноги в голени, его страшно лихорадит — сказались три ночи на земле, переохлаждение и голод. Его занесло за Бандитский лес в имение соседа, сейчас мистер Гилфорд и мистер Редклиф — оба здесь, опасаются худшего, хотя и пытаются обнадежить графа. Мисс Бэрил ухаживает за братом как лучшая из сиделок, мечется между ним и сестрой.

— Положение, видимо, отчаянное. Я предложил свои услуги — травы, отвары — и они были приняты. Дело плохо: обычно врачи пренебрежительно отказываются от помощи — пока уверены в успехе.

— Три ночи на земле... Как он вообще выжил?

— Он не может говорить. Но его нашли на куче валежника.

Доран поморщился. Он не любил столь явных свидетельств человеческой глупости.

— Идиот, прости меня, Господи.

Мистер Коркоран не оспорил это суждение.

Почти пять дней Стэнтон плавал в забвении, сменявшемся время от времени лихорадочным бредом. Обстановка в поместье была невесёлой. Несмотря на ревностную заботу мисс Стэнтон о сестре, Софи была в отчаянии. Доран, внимательно вглядевшись в увечье, счёл, что шрам будет не настолько ужасным, как все полагали, и тоже попытался успокоить девушку. *Beauty lies in lover's eyes.* ^[12] Но мисс Хэммонд только плакала. При этом она ни разу не вошла в спальню Клэмента, пропускала мимо ушей все разговоры о его здоровье. Изменилось и её отношение к мистеру Коркорану. Она ощущала, что её любовь, медленно переплавляясь в горниле болезни, превращается в самую яростную ненависть. Софи понимала, что теперь мистер Коркоран уже никогда не полюбит её, и новое осознание, что жизнь её навсегда загублена уродством, в котором она начала винить кузена, ибо себя винить ни в чём не привыкла, заставляло Софи желать смерти — и себе, и ему. Тут она заметила, что сестра подлинно пользуется симпатией мистера Дорана, и мысль о том, что уродина Бэрил сумела кому-то понравиться, в то время как ей остаётся только ненавистное одиночество, вливало новую горечь в её мысли. Софи видела ласковую заботу и беспокойство священника о кузине, почему-то чувствовала зависть, и начала ненавидеть и сестру, игнорируя её усердную заботу о себе.

Мистер Коркоран, не изображая скорби, делал, однако, все, чтобы помочь брату. Некоторые предложенные им средства, изумляя мистера Редклифа, полностью сняли воспаление связок на ноге, облегчили больному ночи, одолели лихорадку. Но перелом на ноге из-за раздробленной кости срастался медленно, и Гилфорд сразу был вынужден огорчить его сиятельство. Ходить мистер Стэнтон, даже если удастся одолеть внутреннее воспаление, сможет с трудом, сильно хромая.

Но и это было не самым страшным. Врачи опасались худшего — чахотки.

Мисс Бэрил была в отчаянии. Отчасти это было горе от ума. Она внимательно слушала разговоры врачей, которые, употребляя латинские термины, были искренни друг с другом в выражении своих страхов и опасений, разумеется, даже не подозревая, что сидящая у постели больного сестра понимает их. Мисс Стэнтон же, услышав роковые и пугающие слова *tachycardia*, *pyopneumothorax*, *pyonephrosis*, *febris*, *dysphagia*, *denutritio* и *cachexia*,

побледнела, но дала волю слезам только когда осталась наедине с мистером Дораном и братом, не заметив на пороге графа Хэммонда и господ Кэмпбелла и Моргана.

— Они говорят, что при учащении сердечного ритма и лихорадке наблюдаются гнойные прорывы в плевральную полость, возможен разрыв внутренних слоёв аорты, накопление и выделение гноя в почках, у него истощение, затруднение глотания и потеря веса. Но самое главное — они боятся чахотки! — зарыдала она.

— Они сказали вам, что боятся чахотки? — изумился Коркоран. — Как они посмели? Врачи обязаны...

— Не мне, — всплеснула руками Бэрил, — они говорили друг другу, что если минует febris, возможен tuberculosis pulmonis! А ведь наша мать... у неё тоже были слабые лёгкие... — Бэрил снова зарыдала.

Коркоран онемел. Образование для женщин он, в общем-то, одобрял. Но знание латыни полагал теперь избыточным. Милорд Хэммонд, который уже знал диагноз от Гилфорда, побледнел. Приятели мистера Стэнтон в ужасе попятились и вышли из залы.

— Они подлинно опасаются, что Клэменту придётся доживать свой век на итальянских курортах... — обронил его сиятельство. — Будь проклят тот день, когда я прислал ему приглашение.

Доран так не думал. Этот день был, в его понимании, благословенен. Сам он никуда не отлучался из Хэммондсхолла, послав на приход распоряжение обойтись без него. Доран, вопреки мнению своих прихожан, совсем не ощущал себя святым, терзался угрызениями совести из-за того, что во имя личных интересов манкирует делами прихода, однако старался не оставлять мисс Бэрил ни на минуту, как мог, успокаивал. В её присутствии чувствовал себя спокойным и уверенным в себе, ночами мечтал, что наберётся мужества и скажет ей о своей любви, но встречая её, при одной мысли об объяснении, терял уверенность и чувствовал, что язык прилипает к гортани. Он мучительно боялся отказа.

Вскоре возникло обстоятельство, которое кое-что изменило.

В результате длительного частного разговора мистера Коркорана с его сиятельством, граф сделал необходимые распоряжения, кои были оглашены на вечерней трапезе. Наследником титула становился мистер Клэмент Стэнтон — граф уповал, что это известие придаст сил больному, приданое племянниц равнялось семидесяти тысячам фунтов, в итоге Бэрил становилась одной из завиднейших невест графства. Семьдесят тысяч получал и мистер Коркоран — дядя не согласился, как тот настаивал, вовсе не упоминать его в завещании. Мисс Морган, услышав эти распоряжения, почернела с лица и завистливо покосилась на мисс Бэрил, по обе стороны от которой сидели теперь, беся до дрожи Дорана, мистер Морган и мистер Кэмпбелл. Мисс Хэммонд все ещё не выходила из спальни.

При этом милорд Хэммонд неожиданно после трапезы попросил друга зайти к нему.

В курительной, где они уединились, его сиятельство несколько минут молчал, не зная, как начать разговор. Ему всегда казалось, что они с Дораном подлинно близки, но сейчас чувствовал себя неловко, пытаясь выяснить интересующие его обстоятельства. В конце концов, граф все же спросил Патрика, что он скажет по поводу происходящего? Мисс Бэрил его племянница и теперь, пока Клэмент недееспособен, ответственность за неё падает на него самого и на Кристиана. Иметь в родне господ Кэмпбелла и Моргана — людей без гроша за душой и предосудительного поведения — не хотелось бы...

— У меня состоялся частный разговор с Кристианом, которого, надо сказать, тоже немало раздражают ухаживания вышеупомянутых господ за его кузиной. Собственно говоря,

он этот разговор и затеял. Племянник заметил, что скорее съест свой цилиндр, чем допустит, чтобы мисс Бэрил стала женой негодяя. — Милорд Лайонелл внимательно наблюдал за другом. Если то, что ему показалось — верно, то лучшего часа для откровенного разговора не найти.

Но Доран молчал. Он действительно любил графа Хэммонда — давно, ровно и преданно, не раз убеждаясь в его благородстве. Но, оказывается, были вещи, о которых он не мог говорить ни с кем. Снова и снова ловил себя на невозможности слов, сам не понимая, что с ним. Его сиятельство, видя его состояние, не настаивал.

Легче всего Дорану было с Коркораном, он понимал все без слов, читал в нём, как в книге. Теперь Патрик недоумевал, как мог сомневаться в этом человеке, подозревать его в какой-то низости. Он любил его, при виде его испытывал удивительное, смущающее его самого чувство светлой и искренней радости. Коркоран был чудом, живым воплощением Истины, подлинным человеком.

Но происходило и ещё нечто настолько странное, что Доран вовсе терял дар слова. Клэмент Стэнтон поправлялся мучительно медленно, но, к радости мисс Бэрил, каждый день приносил пусть ничтожное, но улучшение его состояния. К удивлению Патрика и Кристиана, ежедневно перестеливавших ему постель, обмывавшим его и кормившим, тот не остался равнодушен к их заботам. Его смущали их услуги, он стыдился собственной слабости, но благодарил и кузена, и отца Дорана со слезами на глазах, чем, в свою очередь, выводил из равновесия их обоих. Войдя в его спальню под вечер с подносами, оба переглянулись и опустили глаза: Клэмент целовал руки Бэрил, называя своей милой сестрёнкой...

...Сам Стэнтон, в истерике и злости убежав на болота, пришёл в себя достаточно быстро — как только выгорел фонарь и он оказался в страшной, непривычной лондонскому жителю лесной чаще. Хлипкий мочак пугающе расплывался и проваливался под ногами, звуки топи ужасали, странные огни то загорались, то гасли над смердящими метановыми парами. Он понял, что сглупил — мисс Софи здесь не было, да она и не могла пойти сюда. Внезапно хлынул дождь, размывший последние следы, растерянный и испуганный, он укрылся под древесной кроной, но все равно вымок до нитки. После того, как шум дождя затих, решил вернуться, но обратной дороги в темноте не нашёл. Когда рассвело, он попытался разыскать тропинку, но заблудился, споткнулся, слетел с холмистого взгорья и растянул щиколотку. Некоторое время ещё пытался двигаться ползком, но ноги подвели снова, он не заметил камня на склоне, и упал в ручей, повредив голень. Силы оставляли его, голодный, мокрый, продрогший и обессиленный, он уже не на что не рассчитывал. У него хватило сил нагрести валежника и просто упасть на него.

Потом пришло забытьё — и с ним тягостные видения. Сначала это были просто обрывки недавно случившихся событий. Вспомнилась и злая угроза Кристиана и его слова о мисс Хэммонд. Где она, безоглядно влюблённая в Коркорана, совсем потерявшая голову? На него она никогда не смотрела так, как на кузена... Разговор с Кэмпбеллом... «В обществе поговаривали всякое. Уронили и известный намёк, что наследство Чедвика было платой за определённые услуги, оказанные ему Коркораном, и говорили, что они сродни тем, что добился Никомед Вифинский от Цезаря...» Всплыла в памяти и оплеуха, что с тёмными от ярости глазами закатил ему Коркоран... Кэмпбелл не вызвал Коркорана... Бэрил. Извинившись перед сестрой по требованию Коркорана, он сорвал на ней зло позже, наедине, а заметив, что она слишком-то задета его словами, разозлился ещё больше, едва не ударив

её...

Он несколько раз терял сознание, но когда приходил в себя, снова и снова проваливался в тёмные воспоминания. Жизнь погасала, уходила из него. Всё вдруг показалось пустым, мелким, незначительным — и Софи, и устремления, что занимали его — титул, деньги, поместье...

В нём потекли совсем иные, пугающие мысли, ибо в каждом есть глубины, куда он боится заглянуть, бездны, которых он страшится. Теперь бездна подошла так близко, что он не мог не вглядеться в неё. Он остался наедине с собой, и это стало подлинным кошмаром, он не был готов к подобному. Быть перед лицом себя самого: без прикрас, без защиты — страшно, опали тысячи вещей, которыми он закрывался от пугающего самопознания. Теперь из бездны вставали чудовища. Сколько злобы, сколько лжи, жадности, вражды, сколько холодного безразличия, сколько жестокости... Господи, зачем он жил? Зачем он оказался на этой земле, если сейчас, погибая, ему нечего вспомнить, кроме мерзости? Он догадывался, что его друзья — откровенные подонки. Но почему верил их словам? Да потому, что мыслил также — как подонки. Хладнокровно был готов отдать сестру за подонка, хладнокровно копил деньги, урезывая во всем сестру — но не самого себя. Все, чего он искал — было благом только для него, — и кого бы он ради этого не растоптал? Но зачем все это? Он умрёт. Обречён. Господи, кто завтра вспомнит о нём? Дружки проронят пару слов за обедом с деланным сожалением. И всё. И всё?

Клément был прижимист, нужды никогда не знал, и добивался титула и поместья, в основном, из-за неприязни к брату, но главное — ради Софи. Ему искренне казалось, что она тогда не сможет ему отказать. Но когда он, опережая события, сказал ей об этом, то увидел, что её чувство к нему ни на волос не изменилось. Он не был любим ни бедным, ни богатым. Но почему? Почему он не мог получить её любовь? Почему его не любили?... А за что его было любить? А заслуживал ли он любовь? Хоть чью-нибудь любовь? Этот странный, пугающий, какой-то перекошенный вопрос, неведь откуда всплывший в болотных видениях в лесу, больше всего томил и изнурял его. Что в нём было достойного любви? Он раскрылся самому себе в таком уродстве, что подлинно изумился. Ужас и боль видения зла в себе повергли в прострацию. Когда его случайно нашли, он снова был без чувств, очнулся только у себя в спальне, когда ощутил прохладную руку Бэрил на своём горячем лбу.

Забота брата и отца Дорана, которого он до тех пор едва замечал, была подлинным облегчением — он действительно смущался услугами сиделок, но мужскую помощь, деятельную, понимающую, скупую на эмоции, принимал, точнее, был вынужден принимать. Беспомощность страшно ударила по нему, пережитый в лесу ужас дал понимание хрупкости и уязвимости жизни. Удивляло и бесчувствие приятелей. Клément знал — слышал об опасности, ему угрожающей, но почему Коркоран и Доран плевали на эту угрозу?

Бэрил... Теперь Клément понял, почему в пансионе её называли сокровищем. Чувство вины перед ней, осмысленное в долгие часы в лесу, теперь возвращалось бесконечным стыдом. Что он творил, Господи? Его сиятельство, сделавший ему резкий выговор, столь обозливший его, был тысячу раз прав. Сегодня сам Клément не находил слов, чтобы выразить отвращение к себе. Безразличие слепо. Если человек безразличен тебе, никогда его не познать. А ведь безразличие, холодность, беспечность, наша способность пройти мимо человека — неизмеримы. Мы закрываемся этим безразличием от самых близких людей и остаёмся слепы, а злая нелюбовь превращает в уродливое и самое прекрасное, которое мы не

способны увидеть...

Коркоран сказал ему, что именно он, Стэнтон, наследует и титул, и имение. Клэмент выслушал это известие молча, глядя в потолок.

... В тот вечер Коркоран перед сном предложил Дорану выпить, и несколько расслабившись от коньячных паров, посетовал, что, хоть нагло и самонадеянно мнил себе знатоком в человеках, оказался последним глупцом. Кто бы мог подумать? Откуда? Почему? Как происходит эта непонятная метаморфоза человеческой души, совершенно пустой и жалкой ещё вчера, но ныне становящейся способной воспринять всю любовь мира? Да, скорби и горести, болезни и беды — вот что подлинно исцеляет нас, врачуя и укрепляя души, наполняя их светом любви, и воистину на этой земле есть только одно настоящее чудо — чудо преображения человеческой души. Все остальное — фокусы и выкрутасы.

— Опять же, удивительно, — философствовал Коркоран, — почему две души в почти равных испытаниях проявляют себя столь различно? Я всегда как-то по-новому удивлялся этой встрече со скорбью... Она — суд и спасение, но почему иные пустые души никогда и ничего не вмещают, и там, где смягчается камень, вдруг каменеет вата? И ничему нет предела — ни благородству, ни низости. Но я вынесу отсюда понимание, что человек непоправимо испорченным не бывает никогда. — Коркоран вздохнул, потом, болезненно поморщившись, продолжил, — знаете, Доран, я всегда несколько боюсь заглянуть другому в глаза, и тем самым дать ему повод взглянуть в глубины моей души. Тут и целомудрие, но и отторжение, и трусость. Сколько мне нужно мужества, чтобы сказать тому же Стэнтону — не лги, скажи мне, что тебе страшно, одиноко и ты не веришь, что даже твой брат отзовется на твою боль.... Не отстраняй меня... Наше призвание — быть слугой ближнего, и все, что у меня есть, я должен быть готов отдать ему и никогда не упоминать о том и никакой благодарности не ожидать. Подлинно и жертвенно полюбить человека — это самое высшее, что нам дано. И как я слаб в этом! Оказывается, нужно гораздо больше мужества, чем это принято думать, чтобы назвать себя своим настоящим именем... Самонадеянный, горделивый дурак, вот я кто.

На следующее утро мисс Бэрил по просьбе мистера Коркорана пыталась было поговорить с мисс Софи, попросить навестить Клэмента. Ведь брат едва не погиб, и то и дело повторял в забытии её имя. Бэрил выслушали с откровенной неприязнью, и резко отказали. Мисс Софи возненавидела теперь мистера Коркорана, но ничуть не полюбила мистера Стэнтон. Мисс Бэрил ничего не сказала, лишь бросила мимолётный взгляд на сестру, чья щека была стянута чем-то, напоминающим издали кровавого паука или багровую сороконожку. Она подумала, что мисс Софи не хочет, чтобы брат видел её столь обезображенной, но Софи в добавление к отказу сказала, что её нисколько не интересует мистер Стэнтон и попросила оставить её в покое.

Мисс Бэрил в спальне Стэнтон передала её слова кузену. Клэмент, к этому времени проснувшийся, услышал, как его брат сквозь зубы пробормотал, что душа сестры Софи вовсе не так пуста, как ему казалось. Болото, ей-богу. А ведь как пылко учила она его любить людей! Доран, вошедший в комнату, услышав слова мисс Стэнтон и реплику Коркорана, вздохнул, поняв, что вчерашняя сентиментальность и покаянное настроение мистера Коркорана были, видимо, следствием простого размягчения винными парами, и ныне вместе с оными парами и испарились. Мисс Бэрил тоже не поддержала суждение кузена.

— Полно вам, кузен, она просто в отчаянии, ведь лицо так обезображено! Может, со временем, шрам побелеет, и не будет так ужасен...

— С её лицом, дорогая Бэрил, ничего страшного не произошло, — на нём просто проступила её душа, только и всего.

— Мистер Коркоран!

— Я не прав? — Кристиан поднял кверху брови.

— Вы не понимаете, что значит для женщины утрата красоты!

— Красота женщины, дорогая кузина, в душе, если у женщины душа ангела, какая разница, как она выглядит, а в душе нашей дорогой сестрицы Софи — пауки да сороконожки.

— Не говорите так... — Мисс Бэрил молила, — она ведь любит вас...

— Наша Софи никого и никогда истинно полюбить не сможет, потому что является просто куклой — из кожи, волос и пакли внутри. Истинная любовь — самопожертвование, но такие, как она, умеют только требовать жертв и желать, чтобы ими восхищались. Её никогда не интересовало, что нужно объекту её любви. Она знала только то, в чем нуждалась сама.

Мисс Бэрил вздохнула. У неё не было слов осудить жестокость мистера Коркорана, но сам он решил, что её молчание — знак согласия с ним.

— Вы же сами знаете, что я прав, Бэрил.

— Я бы сказала, что если у моей сестры что-то и неладно с душой, — устало проговорила мисс Стэнтон, глядя в окно, — то мои братья не считаются с приличиями и позволяют себе излишне резкие высказывания.

Доран составил принесённые микстуры на стол и, ухмыляясь, вышел, мистер Коркоран тоже весело прыснул.

— Какая отповедь! Да, резкостью суждений мы с вашим братцем схожи. — Кристиан перестал улыбаться и уже серьёзно продолжил, — надо все-таки уговорить её зайти к нему. Ведь он кинулся разыскивать её на болотах, был так обеспокоен, неужели у неё нет ни чувства родственного долга, ни благодарности за его заботу и беспокойство о ней?

— В таких вещах она, как мне показалось, ещё менее сентиментальна, чем вы, кузен.

Тот ничуть не обиделся.

— Вас послушать, милая Бэрил, так я просто чудовище.

Мисс Бэрил снова вздохнула, опять рассмешив мистера Коркорана. Клэмент слушал сестру и кузена с закрытыми глазами, молчал. Он не притворялся спящим, просто открыть глаза не было сил. Странно, но он понял, прекрасно понял, о чем они говорили. Они считали Софи ничтожной и пустой бездушной куклой, утверждали, что она не может любить. Что за вздор? Как такое может говорить Коркоран, в которого Софи влюбилась до безумия? Но почему Софи все ещё ни разу не зашла навестить его? Что они называют любовью? Клэмент понимал, что не любим Софи, но ведь он думал, что ненавидим Коркораном. Но откуда проступили в том и братская забота, и помощь, и любовь? В последние дни, в дни болезни, он сам не переставал удивляться потаённому, но столь ощущаемому попечению брата о себе... Тот заботился о нём не как лакеи, которые явно брезговали его слабостью, но брат и отец Доран делали все, чтобы по-настоящему облегчить ему и боль, и слабость, и бремя болезни. И Бэрил... сестра проводила у его постели дни и ночи... И это притом, сколько вытерпела она от него за последние годы... А ведь он никогда не любил сестру. Странно всё.

Между тем Коркоран сменил тему. Мистер Морган и мистер Кэмпбелл, как он заметил, оказывают ей весьма большое внимание, не так ли? Мисс Бэрил покраснела и опустила голову.

— Они... они не очень... милосердны, — тихо заметила она.

— Что? — брови мистера Коркорана взлетели вверх.

— Они выражали сожаление, что брат не погиб на болотах, тогда бы я унаследовала и его состояние.

— Выражали сожаление вслух?

Бэрил вздохнула.

— Когда Клэмента принесли, они сидели за картами в гостиной и, забыв, что я на балконе, высказали сожаление, что тот не погиб. Но если Стэнтон не выживет, мистер Кэмпбелл выразил готовность жениться на мне. Семьдесят тысяч дяди, тридцать моих и сорок Клэмента, ведь если он умрёт бездетным, все унаследую я, — тогда он готов повести меня к алтарю.

Мистер Коркоран неожиданно пошёл красными пятнами, но молчал, закусив губу. Мисс Бэрил же, глядя в пол, продолжала.

— Мистер же Морган проявил великодушие и сказал, что даже в случае, если Клэмент выживет, он готов жениться. Видимо, его устроят и сто тысяч фунтов.

Тут Коркоран в конце концов обрёл дар речи.

— И если они посватаются, вы примите предложение кого-либо из них? После того, что слышали... А впрочем...

Мисс Бэрил снова отвела глаза.

— Я... я не могу рассчитывать... — она едва не плакала, — что же мне, в аду мартышек нянчить? Без семьи... Я не нужна Клэменту, женись он — не буду нужна никому. Он сам хотел выдать меня за кого-то из них.

Коркоран резко перебил. Глаза его напугали мисс Бэрил.

— Я понял, сестра. Ваша скромность делает вам честь, но смирение не должно приводить в ад. — Коркоран замолчал, закрыв на мгновение глаза, потом посмотрел прямо на неё. — Так как Клэмент сейчас недееспособен, обещайте мне, как брату, что вы не примите предложение этих джентльменов без того, чтобы не посоветоваться со мной. Может статься... И мистер Гилфорд, и мистер Редклиф утверждают, я говорил с ними, что угрозы жизни Клэмента уже нет. Может, господа и передумают. — Он помедлил. — Но почему бы вам не принять предложение более достойного человека? Например, мистера Дорана? Он небогат, но и друзья вашего брата куда как не богачи...

Мисс Бэрил изумлённо воззрилась на него.

— Мистер Доран никогда...

— Никогда... что?

Мисс Бэрил опустила глаза и пожала плечами.

— Он никогда не говорил... Правда, Софи шутила... Но это...

Коркоран торопливо кивнул.

— Помните же о моей просьбе.

...Трудно было сказать, насколько обезобразил зарубцевавшийся шрам внешность мисс Софи. По мнению господ Кэмпбелла и Моргана, это был просто кошмар. Милорд Хэммонд считал, что мистер Гилфорд сделал все возможное, и когда цвет рубца изменится, он будет почти незаметен. Мистер Коркоран говорил, что не видит во внешности мисс Хэммонд никаких перемен, Дорану тоже теперь казалось, что все не так уж страшно. Мисс Стэнтон реагировала как женщина — памятуя былую красоту кухни, ей казалось, что шрам

подлинно безобразит лицо мисс Софи.

Через двенадцать дней после того, как нашли мистера Стэнтон, он уже мог сидеть, и отец Доран в заказанном у медиков кресле вывез его на террасу. Клэмент попросил оставить его в галерее на полчаса — здесь было тихо и безветренно. Доран, укрыв его пледом, ушёл. Стэнтон, оставшись один, растерянно смотрел на скамью, где он всего две с небольшим недели назад имел столь памятное объяснение с братом. Все казалось каким-то иллюзорным, точно небывшим.

Он хорошо расслышал слова Бэрил о своих друзьях — и ни на минуту не усомнился в их правдивости. Они нисколько не были бы огорчены его смертью и с удовольствием прибрали бы к рукам его деньги. Он задумался. Но ведь это его друзья. Он сам пригласил их, он всегда понимал их. Неглупые и рассудительные, они практично и разумно рассуждали и ныне. Что же не так? Речь идёт о его жизни? Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты. Сколько веков этой максиме? Понимание, что его друзья — безжалостные подлецы, не ударило и не удивило. Ведь он уже сказал то же самое о себе.

...Мисс Софи вышла из портала галереи неожиданно — прямо на него. На мгновение их глаза встретились. Стэнтон похолодел. Софи с отвращением взглянув на него, торопливо развернувшись, ушла. Клэмент оторвал руки от поручней кресла, ему показалось, что они заledenели. Он не ожидал увидеть её здесь, и был совсем не подготовлен к этому. Бэрил и Коркоран говорили ему об увечье Софи, но он не представлял, как она покалечилась. Но сейчас был потрясён — но вовсе не её уродством. Шрам выделялся, но он не очень испугал Клэмента. Он чувствовал, снова рисуя перед глазами только что состоявшуюся встречу, что испугало совсем не лицо Софи. Как это обронил Коркоран? «С её лицом ничего страшного не произошло, — на нём просто проступила её душа, только и всего, а в душе нашей дорогой сестрицы — пауки да сороконожки...» Странно, но именно это он и увидел! В глазах этой девушки была странная пустота, которую чувствуешь, стоя под дулом пистолета. Он с неожиданным страхом задумался, что, собственно, он знает о ней? Только то, что она была красива и не любила его. Снова всплыли в памяти слова Коркорана, спокойно и рассудочно уроненные в разговоре с Бэрил. «Наша Софи никого и никогда истинно полюбить не сможет, потому что является просто куклой — из кожи, волос и пакли внутри...»

Стэнтон задумался, не отрывая глаз от портала галереи, куда ушла Софи.

...Не только мисс Хэммонд, но и господа Морган и Кэмпбелл не обременяли себя вниманием к больному. Мисс Морган тоже боялась заходить к мистеру Стэнтону, услышав от брата, что Клэменту угрожает чахотка. Но тем больше внимания она уделяла подлинному объекту своих симпатий, мистеру Коркорану. Несчастный случай с мисс Софи она восприняла с ликованием, уж теперь-то мистер Коркоран и глядеть-то на Софи не захочет! Она удвоила внимание к мистеру Коркорану, причём до такой степени, что временами он переставал быть джентльменом.

Ему хватало забот и без навязчивой дурочки.

Отец Доран, замечая их вместе, невольно вспоминал злое откровение мистера Коркорана о желании обесчестить и обрюхатить сестру Моргана. Было заметно, что он всё же не собирается реализовывать высказанное намерение. Мистер Коркоран с тоской выслушивал новую порцию глупостей, на которые мисс Розали, и вправду, была неистощима, бросал что-то туманное и малопонятное для девицы и торопливо покидал её.

Но вот через день после того, как Коркоран беседовал с кузиной у одра Клэмента, отец Доран обнаружил в беседке в саду рыдающую мисс Морган. Девица стенала столь жалобно,

что отец Патрик не мог не подойти и не спросить её, что случилось? Сквозь рёв бедняжка выдавила, что брат был прав, когда предупреждал её! Этот мистер Коркоран чудовище, просто чудовище! Доран похолодел. Неужели... Коркоран всё же... отомстил, позволил себе нечто непотребное?... Меж тем девица, не переставая рыдать и горестно повизгивать, сообщила, что мистер Коркоран... Он сам только что сказал ей, что женится на мисс Стэнтон! Что не собирается уезжать, но собирается жениться на кузине!

Девица рыдала взахлёб.

Доран отошёл на соседнюю скамью и тихо сел. Нет. Он не хотел верить. Этот человек, которого он подлинно полюбил и который так изменил его душу, наполнил такой силой... Нет. Он уже подозревал его в низости — и оказывался неправ. Сейчас он не хотел его подозревать. Коркоран кристально порядочен и ведь он знает... Коркоран раньше него самого понял, что он, Доран, полюбил Бэрил. Нет, этого не может быть. Но... почему низость? Коркоран неизменно тепло, с любовью говорил о кузине, он мог... тоже полюбить Бэрил. Любой, кому откроется её душа, не может не полюбить её. Доран вздохнул. С этим человеком ему не тягаться. Сердце его зашлось болью. Он не мог, не мог потерять Бэрил. Ему вспомнился молящий Коркорана коленопреклонённый Стэнтон. Он, Доран, тоже готов был сейчас...

...Но Коркоран благороден. Он не хотел видеть унижения Клэмента. И что ему его, Дорана, унижение? Господи, сжался! Неужели он должен потерять Бэрил — сейчас, когда подлинно полюбил её и осознал себя? Или все-таки «хитрый пройдоха»? Если Коркоран женится на мисс Бэрил Стэнтон, он станет одним из богатейших людей королевства. Чертовщина... Просто чертовщина. Нет. Это Человек неба... Он не может быть подлецом. Он, Доран, любит его. Любит. Патрик поймал себя вдруг на странном чувстве — стоило ему дурно подумать о Кристиане, как он слабел, из него уходила сила. Стоило поверить в его истинность — становилось легче дышать. Но сомнения, как вязкое и липкое марево, напоздали на душу. Изнемогший и обессиленный, он боролся. Он спросит Коркорана сам — обо всём. Доран поднялся, ощущая мучительную тяжесть на душе. Он боялся приближать развязку. Но и неведение было невыносимо. Он пошёл, и каждый шаг отзывался болью в онемевших ногах, повернул в аллею и — остановился. Навстречу шли мистер Коркоран и мисс Бэрил Стэнтон. Он покачнулся и неосознанно свернул в прогал аллеи.

Его догнал голос Коркорана, злобный и резкий.

Глава 22. «С какой же безраздельностью весь мир заволокли грубые начала...»

— Не уходите, Доран. Где вас носит? Я искал вас.

Тот молча окинул их взглядом.

— Зачем? — Доран все же подошёл к ним и тут заметил, что мистер Коркоран выглядит... весьма странно. Глаза его метали искры, крылья носа раздувались, на лбу пульсировал нерв. Коркоран плюхнулся на скамью, не дожидаясь, пока присядет Бэрил. Это был не поступок джентльмена, но было заметно, что мистеру Коркорану сейчас плевать на хорошие манеры.

— Полчаса назад мистер Кэмпбелл, как я и опасался, сделал предложение моей кузине мисс Бэрил, — зло обронил Коркоран. Доран побледнел, — а час тому назад руку и сердце, к сожалению, не имея возможности приложить к ним промотанное состояние, предложил ей мистер Морган. Памятуя, что мистер Стэнтон болен, и едва ли может сейчас дать ей дельный совет, мисс Бэрил обратилась за советом, кого ей предпочесть, ко мне.

Мисс Бэрил смотрела на него жалобно, улыбаясь робко и болезненно. Она видела, что мистер Коркоран подлинно взбешён, обозлён до белого каления, была испугана, но не могла понять причин этого гнева. Доран на негнущихся ногах подошёл ближе. Коркоран же продолжал, с трудом сдерживая ярость.

— Моя кузина неопытна в житейских делах и совет брата ей будет как нельзя кстати. Если же мои слова не убедят вас, Бэрил, возможно, вам поможет совет отца Патрика. Сядьте, Доран, Бога ради, не нервничайте меня, что вы тут столбом стоите? — отрывисто бросил Коркоран, сам он при этом вскочил. Тяжело вздохнул и решительно заговорил, нервно расхаживая между двух скамеек, как тигр по клетке. — Я расскажу вам, дорогая сестра, о претендентах на вашу руку. Это поможет вам сделать правильный выбор. Здесь важно не ошибиться, — зло прошипел он. Резко выдохнув, Коркоран продолжил. — Мистер Морган и мистер Кэмпбелл были наследниками имущества моего друга графа Раймонда Чедвика, о чём вы уже, я полагаю, слышали. Я дал слово милорду Чедвику без весомых оснований не позорить его родню. Но сейчас на весах моя родня, и эти основания я считаю весомыми, к тому же у меня были и другие основания пересмотреть свои обязательства по этому вопросу.

Коркоран судорожно сглотнул.

— Мы познакомились с его сиятельством графом Раймондом Чедвиком в «Атенеуме» десять лет назад, — продолжил он, — между нами возникло своего рода přátельство, быстро ставшее с его стороны — покровительством и наставничеством, с моей — а я был совсем молод — уважением и привязанностью. Не имевший детей, одинокий и несколько эксцентричный, граф увлекался театром и сделал все, чтобы увлечь меня. Но это детали, и едва ли они будут вам интересны.

То, о чём я хочу рассказать вам, случилось пять лет назад, первого марта, я хорошо запомнил эту дату. До этого Чедвик предложил поставить у нас «Гамлета». Он дал мне и первые уроки театрального мастерства. В этот день у нас в клубе была генеральная репетиция. Я до этого странно робел, мне казалось, мои реплики никуда не годятся, я просто обречён осрамиться. Но выйдя на сцену на генеральной, я с изумлением понял, что меня вдруг что-то подхватило, и это что-то... не знаю, как объяснить. Это что-то... играло мной. Словно какой-то незримый демон подмостков вселился в меня. Я чувствовал в себе

необычайную силу, лёгкость, слияние со сценой, потерю чувства времени и места. Я видел, что и все остальные заметили, что творится что-то странное. Чедвик был в восторге, все — Биллинхем, Тилни, Уэст, Уилкинс — смотрели на меня с изумлением.

Коркоран плюхнулся на скамью рядом с Бэрил.

— После репетиции Чедвик сказал, что премьеру надо назначить на следующее воскресенье — и не желал слушать никаких моих возражений. Я же был в полном недоумении. Пережитое смутило и разозлило меня. Я не люблю... и в этом я, наверное, тоже Гамлет... Я не флейта, и не люблю, когда на мне пытаются играть, тем более, непонятно кто. Видя моё состояние, Чедвик, когда мы шли по Риджент-стрит, предложил мне заночевать у него, пообещал показать свои гербарии, что собирал в Индии, их привезли ему из его поместья в Суссексе. Я согласился: мне не хотелось оставаться одному, я хотел выбрать время, поговорить о пережитых ощущениях, надеялся, он объяснит мне, что произошло. В десяти шагах от парадного оказалось, что два фонаря у его дверей не горят. Когда же мы подошли к ступеням — из темноты выскочили какие-то голодранцы. Они не ожидали увидеть двоих, но ринулись на Чедвика. Я разбил одному лицо и свалил на землю, ударил тростью по голове другого. Третий убежал. На шум драки из дома выскочили лакей Чедвика и его экономка, я поднял графа. По счастью, он упал в сугроб и, хоть у него было повреждено запястье и болело плечо, серьёзно он не пострадал. Он распорядился, чтобы мы скрутили двоих негодяев, и велел, к моему удивлению, запереть их в погреб. Через час, успокоившись и придя в себя, граф велел Линси вытащить одного, зарядил, к моему ужасу, пистолет и приставил к виску незадачливого бандита. Он требовал сказать, кто нанял их. Я смотрел на него в немом изумлении, ибо был уверен, что это просто разгулявшаяся чернь, у которой не хватило нескольких пенсов на похмелье. Но Раймонд оказался прав. Бандит не знал имён — ему, разумеется, не удосужились представиться, но, согласитесь, Патрик, родинка над губой и рассечённая бровь — приметы нечастые. Я тогда, помнится, подумал, что мне нет дороги в криминал. Если уж родинку заприметили, то меня опознают с десяти шагов.

Мисс Бэрил встала и снова опустилась на скамью. Отец Доран окаменел, но губы его шевелились.

— Вы хотите сказать, Кэмпбелл и Морган наняли... головорезов... убить Чедвика?

Коркоран пожал плечами.

— Один до этого проигрался в пух, другой был давно разорён. Они просто решили поторопить судьбу. Негодяям было приказано не убить, но избить старика. Они рассчитывали, что после тот протянет недолго, при этом все сочтут нападение делом рук лондонских бродяг.

— Бог мой... — мисс Бэрил в ужасе смотрела в землю.

— Самое печальное, точнее, саркастично скорбное во всей этой истории, — проронил Коркоран, — так это то, что за месяц до этого старейший друг Чедвика, их полковой врач, сказал, что осталось ему недолго. Я не понимал, почему Чедвик так спешил с премьерой. Премьера состоялась седьмого марта, а восемнадцатого Чедвика не стало. За несколько дней до его смерти, — он уже не вставал с постели, — я пришёл навестить его. Раймонд смотрел в лицо смерти как солдат и спросил меня, что ему оставить мне? Я... не хотел... но глупо было и лгать, утешая. Я попросил оказать мне в завещании четыре его акварели и индийские гербарии — на память о нём.

Коркоран помрачнел.

— Я помню, что Раймонд усмехнулся и пообещал, что я получу их. Мы заговорили о недавнем происшествии, Чедвик сказал, что мне не отец. И не призрак. Я не должен мстить. Речь идёт о его родне и ему не хотелось бы позорить её. Он уже сделал всё, что нужно. Не поняв его слов, я подумал было, что он донёс в полицию на Кэмпбелла и Моргана, тем более что Линси сказал мне, что негодяев забрал вызванный милордом констебль. Но я не мог поверить, что Чедвик поступил так, тем более что ни Моргана, ни Кэмпбелла не беспокоили. На прощание Чедвик бросил: «С какой же безраздельностью весь мир заполонили грубые начала...» Он потребовал дать ему слово, что я никогда не выйду из его последней воли. Я не совсем понял его, подумал даже, что он бредит, но пообещал.

После похорон душеприказчик милорда Чедвика вскрыл его завещание. Семейная вотчина отошла дальнему родственнику в Суссексе, было несколько мелких распоряжений — слугам, а весь капитал и дом на Риджент-стрит «со всеми гербариями и акварелями», как было сказано, получал я. В завещании было ещё несколько строк. Публичное оглашение их было невозможно, и именно эти строки, я думаю, помешали этим господам оспорить завещание в суде. Милорд Чедвик писал, что постыдные содомские склонности мистера Стивена Нортон не позволяют ему упомянуть его в завещании, а почему лишены наследства мистер Кэмпбелл и мистер Морган — они могут осведомиться у полицейского констебля Чарльза Донована.

Насколько понимаю, никто из них этого не сделал.

Мисс Бэрил молча смотрела в землю. Доран потрясённо слушал. Сказанное косвенно подтверждалось тем обстоятельством, что ни Морган, ни Кэмпбелл действительно не обращались в суд, не пытались оспаривать завещание, никогда не апеллировали к самому мистеру Коркорану. Едва он появлялся, эти господа становились меньше ростом. В случайно услышанных разговорах они костерили его на чём свет стоит, но публично ни разу не затронули. Коркоран не лгал, понял Доран.

Между тем Коркоран продолжал говорить, раскачиваясь как пьяный. Доран видел, что глаза его были мутны и словно хмельны.

— Вот и вся история. Разумеется, для этих джентльменов это был удар. Я же в полной мере понял милорда Чедвика. Он и вправду отомстил — изящно и остроумно, хоть и не погамлетовски. Ну и, разумеется, по «Атенеуму» и другим клубам долго гуляли слухи. Некоторые, исполненные благородного негодования, спрашивали меня, не собираюсь ли я «восстановить справедливость»? Даже если я не дал бы Чедвику слово не выходить из его последней воли, я и тогда не дал бы им ни гроша. Признаюсь как на духу, Доран, — повернулся он к священнику, — порой я... Чедвик запретил, но я думал... просчитывал варианты... Я хороший стрелок и фехтовальщик. Я мечтал «отправить отравленную сталь по назначению...» Но потом подумал... — Он умолк, уставившись в землю, помолчав с минуту, тяжело вздохнул и продолжил:

«Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налётом мысли бледным,
И начинания, задуманные мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия...»

Я сгруппировался. Сгруппировался, ибо невольно, неосмысленно, бездумно двинулся по пути Гамлета, слишком слитого в сознании с Чедвиком. Порождению мёртвой утробы, подумал я, как легко мне нести в мир смерть. Вокруг меня и впрямь всегда было много смертей. Я — искушение, ибо надобно быть искушениям, но видит Бог, я не искушал. Искушались мной. Нет, решил я, «отмщение Господу — и Он воздаст». Даже если я не доживу, и не увижу — Он воздаст... — Глаза Коркорана налились слезами, — Несчастный, смертельно больной Раймонд! Только потому, что одному не пошла карта, а другой имеет склонность к гульбе... «С какой же безраздельностью весь мир заполонили грубые начала...»

Коркоран повернулся к Дорану.

— Гамлет не хочет мстить, Доран, ибо отторгает месть как неверие в промысел Божий. Но когда я приехал сюда — я подумал... Я увидел в этом некий промысел. Здесь, на моём пути... Сжался, Господи, сжался надо мной... Я говорил себе, что у меня извращённое, преступное и болезненное чувство чести, что возмездие может покарать, но и справедливый мститель, отомстив, станет убийцей — когда ты уничтожаешь врага, ты уничтожаешь свою душу... Но я не могу их видеть, я не могу больше. Ад — это место, где на земле пребывают люди, снедаемые жаждой мести, — Коркоран страшно потемнел лицом. — Когда вы передали мне, Доран, *что* эти джентльмены имеют наглость говорить обо мне и Раймонде Чедвике. Они обвинили мистера Чедвика в том, что он совратил меня, — зло пояснил Коркоран для мисс Бэрил, и та побледнела до синевы. — Я понял, что... — Коркоран судорожно сглотнул, — ну да ладно, пережито. Я все ещё хотел признать негодяев недостойными мщения, но глумление и надругательство над чужими страданиями не должно быть прощаемо. То, что я рассказал вам, Бэрил, непременно узнают все. Я приложу к тому все старания и не покину страну, пока не обелю милорда Чедвика. Остались свидетели, лакеи Чедвика, экономка, констебль Донован. Я обвиню — и докажу обвинение. — Голос мистера Коркорана смолк.

Доран кинулся к нему и что было силы встряхнул за плечи — ему стало страшно: глаза Кристиана меркли. Тот вздрогнул, опустил голову вниз, потом снова поднял глаза. Он словно проснулся. Несколько минут приходил в себя, потом снова заговорил.

— Теперь вопрос к вам, Бэрил. Всё это я нигде ещё не оглашал. Но вы дороги мне, сестра, и этот весьма веский повод заставил меня сказать правду. Кого из этих двоих господ вы хотите видеть своим мужем?

Глаза мисс Стэнтон были сухи и пусты. Доран поднял глаза на Коркорана. Всмотрелся в лицо снова. Его все-таки одурачила эта глупая девица?

— Between two evils tis not worth choosing.^[13] Я не выйду ни за кого.

Коркоран удовлетворённо кивнул.

— Через неделю я покину Хэммондсхолл, сестра, и мне не хотелось бы оставлять вас без попечения...

Доран вскинул на мистера Коркорана недоумевающие глаза. Черт возьми, что происходит? Он собирается уезжать? Кто же лжёт?

— Я могу дать вам, дорогая кузина, совет предпочесть более достойного человека, чем те, о ком я вам рассказывал. Я говорил, что мистер Доран, на мой взгляд, будет вам достаточной опорой. Правда, я хотел бы просить вас не оглашать вашу помолвку до того часа, когда я покину имение, — обронил он так, словно всё уже было решено. — Дело в том, что я вынужден был сообщить мисс Морган, что твёрдо решил жениться на вас, ибо это было единственной возможностью провести последние дни в Хэммондсхолле в покое. Если она

узнает, что я солгал...

Доран встал. Нет, он не имел ничего против сказанного Коркораном, тем более что сразу поймал взгляд мисс Бэрил — в нём была недоуменная застенчивость, но не отторжение, вопрос, но не отказ. Он и вправду сватается к ней, спрашивали эти глаза, и Доран вдруг понял, что ему не откажут. Сердце его зашло в ликование. Коркоран походя сделал за него то, чего он сам мучительно боялся, ибо отказ женщины долгие четырнадцать лет был его страданием, страхом и болью. Дыхание его, спёртое и судорожное, выровнялось. Одновременно конец подозрений и сомнений на счёт Кристиана сразу словно очистили его душу от наслоений накипи последнего дня, стало легче дышать и в глазах просветлело. Он и подлинно, стало быть, любил этого человека, если дурное подозрение на его счёт причинило ему *такую* боль. Теперь же ему хотелось только одного — остаться наедине с мисс Бэрил, признаться в том, что скрывать уже почти не было сил.

Но мистер Коркоран считал иначе — и не собирался считаться с сентиментальными любовными порывами мистера Дорана. Он предложил сопровождать мисс Бэрил в её апартаменты и известить господ женихов об отказе невесты. После чего хотел обратиться к ним с вопросом, не затянулось ли их пребывание в Хэммондсхолле излишне долго? Они, конечно, гости мистера Стэнтон, он не вправе их выгонять, но физиономии их ему надоели.

Доран поморщился. Они — гости его сиятельства. Коркоран зло блеснул глазами, вонзил ногти в ладони, присутствие мисс Бэрил сковывало его в ответе, и он промолчал. Но Коркоран второй раз лишал мерзавцев того, что было для них наиболее значимым, снова оставив их без гроша, и, вспомнив это, пришёл от этой мысли в прекрасное расположение духа. Он наслаждался происходящим и торжествовал, и в этом плохо скрываемом ликованием был сговорчив и покладист как ягнёнок. Втроём они поднялись по лестнице в апартаменты мисс Стэнтон и мистер Коркоран, как заметил Доран, со злобным и сладострастным удовольствием сообщил джентльменам, что мисс Бэрил Стэнтон, его кузина, предпочла им другого жениха — мистера Патрика Дорана. Доран снова бросил осторожный взгляд на мисс Стэнтон, снова не заметил никаких возражений с её стороны, и окончательно возликовал.

Мистер Гилберт Морган, расположившийся в креслах напротив мистера Чарльза Кэмпбелла, пил в это время вместе с ним лёгкое белое вино, стоявшее на столе. У него хватило самообладания выслушать новость с достоинством и удалиться. За ним следом — с лицом перекошенным и расстроеным — вышел и мистер Кэмпбелл.

После этого Коркоран счёл наконец возможным оставить мистера Дорана наедине с мисс Бэрил. Они вышли на балкон. Доран в эти дни в мечтах говорил ей слова любви, но сейчас растерял их. Молол какой-то вздор о том, что долго мечтал о семье и постарается быть ей хорошим мужем, что хотел бы детей... много. Сколько даст Бог. Твердил, что недостоин её ума и души, но сделает все, чтобы она была счастлива. Удивительно, но мисс Бэрил, особе весьма разумной, кажется, нравился весь этот вздор, и она, поднимая на него глаза, улыбалась. Потом они направились в парк, в ту беседку, где и раньше часто сидели. Говорили — и не могли умолкнуть.

Стемнело как-то совсем неожиданно. Издали они заметили, как с болот вернулся мистер Коркоран, возится в своём подвальчике.

Глава 23. «Ныне отпускаеши, Господи, раба твоего...»

Вдруг произошло нечто совсем уж странное. Они увидели Коркорана, несущегося к ним, как угорелого, и что-то кричащего. Доран вздохнул. Он так хотел покоя и тишины — именно сейчас, когда рука Бэрил покоилась, наконец, в его руке. Но не тут-то было. Мистер Коркоран, и всегда-то бледный, сейчас был полупрозрачным, почти призрачным.

— Беда. Доран, Бэрил... — он приложил руку к груди, пытаясь отдышаться. — Кто-то влез в мой подвал. Все перевернуто.

— Там было что-то опасное?

— Правильней сказать, что было мало неопасного. Откуда ключ, чёрт возьми, я же всё запер?!..

Мисс Бэрил и Доран поднялись.

— Вы хотите сказать, что у вас что-то украли, мистер Коркоран?

— Весьма вероятно...

— Не кошка ли? Валериана...

— Нет, не похоже. Кто-то там лазил. Я боюсь, Доран. Ничего не пейте и не ешьте, пока все не выяснится, немедленно предупредите графа. Бэрил, бегите же, бегите к ней, остановите. Если успеете...

Мисс Бэрил не поняла его.

— Остановить кого?

— Мисс Софи, конечно. Я подозреваю, что это она.

Мисс Стэнтон поняла и ужаснулась.

— Нет! Она... она... она верит, что... Она не сделает этого... — Бэрил опрометьк кинулась в дом.

Доран ужаснулся, поняв, чего боится Коркоран.

— А понять что пропало, вы не можете?

Мистер Коркоран потерянно покачал головой.

— Я заготовил много эндемиков, несколько десятков вытяжек, но я всегда запирали подвал, — и не думал об опасности. Бутыли все похожи, только кодировка разнилась. Но всё же, если я прав насчёт кухни, то будем логичны, что за смысл ей травить графа или Клэмента? Она может отравить либо меня — либо себя.

Мужчины торопливо двинулись за мисс Бэрил, как вдруг из главного входа в Хэммондсхолл спинами вперед, растопыбив руки, словно арлекины, спотыкаясь, вылетели два лакея. За ними на террасе появилась мисс Морган и завизжала так, что у Дорана застыла в жилах кровь. Неужели они опоздали? Звук был высокий и пронзительный и казался не визгом, но полётом над ухом оперённой медью стрелы. Мужчины ринулись к кричащей девице — Доран из желания заткнуть её орудий рот, Коркоран же — из чистого любопытства. Дорану удалось схватить мисс Розали за плечи и основательно встряхнуть. Визг прекратился, но девица захлебнулась воздухом и тут неожиданно ринулась на мисс Бэрил, тоже остановившуюся в удивлении у порога. Изумлённый Коркоран успел перехватить мисс Розали, но она с необыкновенной ловкостью вырвалась. Доран, однако, сумев понять, что она пытается посчитаться с мисс Стэнтон, закрыл её собой, и мисс Морган, снова завизжав, вцепилась в его сюртук. Доран решил было, что она, всё ещё считая,

что Коркоран решил жениться на мисс Бэрил, хочет расправиться с воображаемой соперницей — но почему публично? Девушка глупа, как гусыня, слов нет, но это уже было слишком даже для гусыни.

Но ситуацию прояснило появление милорда Хэммонда, который, бледный и трясущийся, появился у входа.

— Патрик, Кристиан, помогите, Бога ради...

Коркоран, сделав знак Дорану не выпускать девушку, кинулся к дяде, но тот замахал руками, сиюминутно отдышавшись. Наконец он смог проговорить, что помощь нужна не ему... Молодые люди... им плохо.

Коркоран и Доран потрясённо переглянулись. Нужно было бежать наверх, но как оставить мисс Бэрил одну наедине с сумасшедшей фурией? В итоге, лакеям было поручено держать мисс Морган, а мисс Бэрил, Доран и Коркоран поспешно поднялись на два лестничных пролёта в апартаменты джентльменов.

В коридорной галерее Доран, к своему облегчению, увидел мисс Хэммонд — живую и невредимую.

Коркоран вбежал в гостиную первым и замер. Чарльз Кэмпбелл сидел на ковре, скребя ногтями по горлу, Гилберт Морган судорожно хватал ртом воздух. В комнате стоял омерзительный запах рвоты. В эту минуту в комнату влетела мисс Морган, которую не сумели удержать двое лакеев, и снова завизжала. Коркоран сделал к ней два шага и, размахнувшись, наотмашь хлестанул по щеке. Доран видел, что, хоть эта мера была для Коркорана вынужденной, он испытал от неё подлинное удовольствие, чтобы не сказать худшего — сладострастное наслаждение. Секунду на его лице сохранялось выражение постельного упоения, мужского счастья. Визг смолк.

— Если вы способны соображать хоть немного, — проронил Коркоран со вздохом, расставаясь с пароксизмом наслаждения, — вы должны спокойно сказать мне, что произошло. Но при малейшем визге, предупреждаю, я разможу вам голову.

Нельзя сказать, чтобы угроза мистера Кристиана дошла до мисс Морган, но оплеуха её вразумила.

«Брат и Чарльз ждали в апартаментах этой Бэрил и отравились! Вот что произошло!» Мистер Коркоран, приметно содрогнувшись, приказал девушке сосредоточиться. Но сам отвлёкся на минуту, чтобы открыть окно — запах в гостиной был непереносимым. Затем продолжил выяснение загадочных обстоятельств. «Чтобы отравиться — надо выпить отраву, объяснил он дурёхе, но как в гостиной мисс Стэнтон могла оказаться отравой? Не она ли сама её и подлила?», проронил он в неожиданном для него самом прозрении. Мисс Морган, демонстрируя зачатки интеллекта, не оспорила это предположение, но категорически отвергла мысль, что хотела, чтобы этой дрянью отравился её брат! Мистер Коркоран остановился и замер с открытым ртом, потом странно сверкнув глазами, нервно трепещущий, задал новый вопрос. «Стало быть, услышав от него, что он собрался жениться на мисс Бэрил, она решила её отравить? Налила что-то ей в вино? Это она влезла к нему в лабораторию?»

Мисс Морган кивнула.

Коркоран с минуту снова хватал ртом воздух и смотрел на мисс Морган так, как если бы она на его глазах обернулась дубовой колодой или пурпурным единорогом. При мысли, что он, не подумав, подверг смертельной опасности сестру, у него на некоторое время отнялся язык, но потоки рвоты и спазмы в желудках лежащих на полу джентльменов привели его в

чувство. Коркоран чуть отдышался, помахав белой рукой под носом, и продолжил расспросы, стараясь держать себя в руках.

«Она забралась к нему в подвал... но где она взяла ключ?» В ответ он услышал, что никакого ключа мисс Розали нигде не брала, просто сунула в замок шпильку, покрутила — и дверь открылась! Мистер Коркоран снова судорожно сглотнул, хватился за горло, растянул шейный платок. Потом мягко попросил ответить мисс Розали, что она там взяла? «Откуда взяла мисс Морган „эту дрянь“? „Дряни“ у него там было много. В колбе какого цвета была „дрянь“? Где она стояла?» Но тут же поняв, что задавать мисс несколько вопросов подряд — значит непосильно перегружать её слабые мозги, велел принести колбу. Она бросила на него пустой взгляд и вышла. Глаза Коркорана помутнели. Доран почувствовал, как Бэрил взяла его под руку и, дрожа, прижалась к нему. Её трясло. Доран обнял невесту, Коркоран же медленно опускался на колени, вцепившись в волосы. Его белые пальцы на фоне черных волос выглядели особенно бледными. Он что-то шептал, но что — Доран не слышал. Он хотел уйти и увести мисс Бэрил от смердящего запаха в гостиную, но тут вернулась мисс Розали, она принесла бутылку темно-коричневого стекла, но Коркоран не услышал её шагов.

Доран окликнул его, обнимая Бэрил, боясь и на минуту оставить её. Коркоран вздрогнул, поднял глаза и увидел колбу в руке мисс Морган. Он вскочил, отобрал у дурочки бутылку, разобрал какие-то цифры на этикетке. Глаза его вспыхнули, и он, сильно покачнувшись, почти рухнул в кресло, руки его тряслись, пальцы непроизвольно дёргались. Несколько секунд он молчал, потом смирив дыхание, поднялся и схватил мисс Морган за горло, требуя, чтобы она призналась ему, что ещё она брала у него и кому подливала? Если можно было верить полузадушенному бормотанию мисс, то больше ничего и никому. Мистер Коркоран вытер пот с бледного лба. Он отдавал распоряжения свистящим шёпотом, дыхание его прерывалось.

— Бэрил, ничего не ешьте и не пейте. Запритесь изнутри в спальне и не открывайте, пока не услышите голос мой или Патрика. Патрик, соберите всё, что стоит в гостиной у Бэрил. Надо выбросить. Мистер Рэдклиф был утром здесь, но уехал. Вызовите его и мистера Гилфорда, коронёра, плотника. Успокойте скорее его сиятельство. Нельзя, чтобы он волновался.

— Так им ничего не угрожает? Тогда зачем коронёр? Кристиан, Бога ради, за пять недель — третий скандал! Давайте обойдёмся. Пойдите. А плотник-то зачем?

Коркоран несколько секунд озирает его пустыми глазами. Потом слова Дорана дошли до него.

— А? Какой плотник? Доран, мне жаль портить ваш брачный настрой, я понимаю, что вы мысленно уже наследников делаете, но нам придётся повозиться. Гилфорд должен засвидетельствовать произошедшее.

Доран снова не понял.

— Что Гилфорд... должен сделать?

— Если честно — получить пару гиней за визит, вот и все. Симптомы появляются через несколько часов — смотря от дозы, разумеется, а кто знает, сколько настойки идиотки плеснула в бутылку с вином? — Он поднял тёмную ёмкость на свет, — судя по всему, пинту. Это не обезвреживается ни танином, ни кофе, не адсорбируется активированным углём. Я хотел провести исследования, Гаэтано говорил, что водные и солевые вытяжки обладают сильным гемолитическим действием. Поторопитесь же, Доран, и, ради Бога, заприте куда-нибудь эту идиотку! Не то она может и что-то ужасное натворить. Чёрт, что у меня с

ногами? Не держат.

Доран не понял и половины сбивчивой речи Коркорана, но поторопился послать за врачом и коронёром.

Надо заметить, что мистер Коркоран был верен себе и нисколько не изображал скорбь, но был в эти дни как-то странен. Тщательно проследив, едва ноги стали держать его, за уничтожением в комнате мисс Бэрил всех бутылок с вином, безжалостно вышвырнув все в Чёртову топь, куда не поленился сходить, Коркоран несколько часов провёл в домовой церкви Хэммондсхолла. Доран, заглянув туда, ужаснулся. Коркоран распростёрся на полу перед алтарём то ли в обмороке, то ли в странной истерике, так как руки и плечи его нервно подрагивали. Поднявшись, Коркоран пополз до гостиной, свалился на диван — и разбудить его удалось только ближе к утру, когда в доме были уже и врач, и коронёр.

Тёмные круги под глазами его исчезли, Коркоран отоспался, снова похорошел, выглядел как по приезду, и улыбался, даже когда спал. Он всеми силами успокаивал графа, по-прежнему проявлял заботу о брате, возился с коронёрским следствием, отвечал на все вопросы, пытался даже беседовать с мисс Морган вместо мистера Ринтона, но мало что получалось. Дважды в день нежился в ванне, не ходил на болота, ел самые экзотические блюда. «Кто уповал на Господа — и был постыжен?» — эту фразу Коркоран мурлыкал поминутно.

По счастью, на третий день больным стало легче, симптомы отравления утихли. Доран вздохнул с облегчением. Врачи пророчили выздоровление. Успокоился и граф Хэммонд, который с истинной радостью воспринял и последовавшую сразу за новым прибытием врачей новость — о помолвке мистера Дорана. Это сообщение позволило ему пережить новую драму весьма спокойно — Доран объяснил ему все шокирующие обстоятельства, и то, что оба джентльмена стали жертвой глупости сестрицы одного из них, позволило мистеру Хэммонду считать, что это дело его не касается. Зато мысль о том, что его друг теперь породнится с ним и его дети станут его внучатыми племянниками, была весьма приятна. Мистер Коркоран тоже поздравил — ибо забыл это сделать раньше — и мисс Бэрил, и Дорана. При этом сразу после поздравлений с заботливым интересом осведомился о состоянии здоровья отравившихся джентльменов.

— Им полегчало, — Доран был подлинно рад, ибо ему до чёртиков надоели нелепые эксцессы в Хэммондсхолле. Через две недели должна была состояться его свадьба, о которой он грезил теперь день и ночь, и ни о чём так не мечтал, как побыстрее выпроводить друзей мистера Стэнтон из имения. После рассказа Коркорана Доран испытывал к ним только отвращение. — Видимо, обошлось. Подумать только, Бэрил могла бы сама выпить... Или я, или вы...

Коркоран истерично взмахнул руками.

— Не говорите об этом, Бога ради. У меня руки трястись начинают. Это милость Провидения, исправляющая наши ошибки. Я идиот, Доран, мне стыдно смотреть Бэрил в глаза. Чёрт возьми, это урок мне на будущее: никогда не забывать об опасности глупости, которая может сотворить такое, что просто парализует любой ум. Эта дурочка досаждала до отвращения, и я подумал, что если сказать ей, что я намерен жениться на другой, она успокоится и отстанет. Трижды идиот! Играть с огнём менее опасно, чем с глупой бабёнкой! Кто это сказал, что есть женщины, поистине заставляющие удивляться, что не нашлось никого, кто бы их придушил?... О, мудрец! Я и помыслить не мог, чем это может обернуться. Нет, всё, разумеется, сложилось восхитительно, но ведь это милость

Провидения! — Коркоран порозовел. — Но подумать только, эта фурия открыла дверь — шпилькой! Шпилькой, Доран! — он снова чуть не взвизгнул. — Вы только посмотрите на эту резьбу! — Коркоран вынул ключ и потерянно уставился на него, — я делал бы дубликат с воска — два дня. А эта... открыла шпилькой! — он оторопело развёл руками.

Но в остальное время мистер Коркоран отнюдь не предавался отчаянию, он разгрёб свои завалы и гербарные прессы, собрался в дорогу, несмотря на все просьбы Дорана остаться на свадьбу. Уговаривал его остаться и Стэнтон, чувствовавший себя намного лучше. Известие о помолвке сестры и случайном отравлении приятелей он воспринял очень спокойно — постарался Коркоран, подмешавший ему в вино успокоительной настойки, нагло мотивируя это тем, что больному нельзя волноваться по пустякам.

Но приглашение на свадьбу отверг.

— Теперь мы породнимся, Патрик, и конечно, будем видеться чаще. Я даже готов, если вы предложите мне эту честь, крестить вашего первенца. Но сразу после похорон я уеду — меня, клянусь, действительно ждут дела в Болонье. Я должен читать лекции с половины сентября, кроме того... Что вы так смотрите на меня, Доран? — осёкся он.

Доран действительно оторопел.

— После... после каких похорон?

Коркоран смутился.

— Я... хотел сказать... после. Просто оговорился.

Патрик Доран внимательно взгляделся в Кристиана Коркорана. Тот покраснел, пошёл пятнами, поспешил уйти. Неожиданно Доран понял, что Коркоран солгал. И вовсе он не оговорился. Он сказал то, что думал. Это понимание было столь явственно, что Доран растерялся. Человек этот, оказывается, подлинно лгал нечасто, если слова лжи в его устах столь резко отличались от обычно роняемых им. Но почему он лгал? Зачем? После каких похорон он уедет? Стэнтон уже с их помощью вставал, сидел несколько часов на шезлонге балкона, опасения врачей о чахотке, по счастью, не подтвердились, ел с аппетитом и, как надеялся теперь Редклиф, через месяца два-три мистер Стэнтон сможет полностью поправиться. Правда, он вряд ли сможет иметь детей, парализовав ужасом Дорана, проронил Гилфорд.

Выздоровливали и мистер Морган с мистером Кэмпбеллом.

Увы, граф и доктора обнадёжились напрасно. Улучшение было совсем непродолжительным. Мистер Коркоран напроорочил верно. Смерть мистера Моргана и мистера Кэмпбелла после короткой ремиссии наступила на шестой день, несмотря на все усилия мистера Рэдклифа и мистера Гилфорда.

— Вы это знали? Вы знали, что они обречены? — вопрос Дорана был задан Коркорану в сарае, где тот присматривал за работой плотников, давая дурацкие советы по скреплению крышек гробов гвоздями. Было слишком заметно, что наглый шалопай откровенно ликует, упивается случившимся, несмотря на все высказываемые вслух вежливые сожаления и слова скорби. Шельмец ни чуточки не скорбел. — Вы всё знали, вы же сразу сказали про плотника.

Теперь мистер Коркоран не лгал. Он выглядел как сытый кот, налакавшийся сливок.

— Ещё бы я не знал, Доран. Никто не выживал от этой дьявольской отравы, но я не знал, как действует вытяжка бледной поганки в сочетании с вином. Вдруг вино повлияло бы на вирулентность яда? Надежда не покидала меня, я свято верил, что отравленная сталь дойдёт по назначению, славил Господа за милости его, но... просто несколько...

сомневался. Нет, сомнения искусительны и грешны, тем более — сомнения в Божественной справедливости, и клянусь вам, молясь ночами, я верил. Ведь рядом стояла бутылка с экстрактом пустырника, а слева — та самая настойка мистера Нортон, что столь хорошо отчистила перед смертью его кишечник. Что бы было, если бы дурочка схватила их? Страшно подумать!

— Не спрашиваю, не сожалеете ли вы о случившемся, и не жаль ли вам несчастных...

— Ну, ещё бы! Зачем и задавать столь идиотские вопросы, Доран? Но теперь — молитвы мои исполнены. Мне здесь больше делать нечего. Стези мои определены. В это чёртово время единственный способ сохранить себя — уйти от суеты. Хватит с меня морганов, кэмпбеллов, нортонов. Этих джентльменов упокоить в их имениях нельзя, ибо имения давно пущены по ветру. Они будут похоронены здесь. — На лице мистера Коркорана проступило выражение торжествующее. — До похорон я никуда не уеду, Доран. Я должен это видеть...

— Господи, Кристиан... Вы хоть вслух не высказывали бы подобные мысли.

— Это ещё почему?

Доран молча смотрел на смеющегося Коркорана, Святого в миру, Гамлета шестого акта. Махнул рукой. Этого человека не изменить... да и надо ли менять? Он рассмеялся.

— Вы неисправимы, Коркоран.

— «Сколько времени человек пролежит в земле, пока не сгниёт, если он не сгнил раньше смерти — ведь нынче много таких гнилых покойников, которые и похороны едва выдерживают...»

— О, Господи, ну как вы можете?

— Полно, Доран, моё ликование — праведно, оно есть уверение в силе и мощи длани Господней! Но, подумайте, разве это — не зов? Разве избавление меня от оплаты моих векселей — не призыв? И вы ещё удивляетесь, что я спешу в Италию?

— Но ведь ваш монах не назвал вас другом...

Коркоран улыбнулся.

— Гаэтано сказал больше, Патрик. «Arrivederci presto, fratello mio, aspetto ti...»^[14] — вот что он ответил мне.

Мистер Доран хотел было отремонтировать свой приходской дом и привести туда супругу, но мистер Хэммонд и слышать об этом не хотел. Он оставался хозяином Хэммондсхолла, и весьма желал, чтобы друг, ставший его племянником, и милая Бэрил жили вместе с ним. Раньше он не очень желал продлить свои стариковские дни, но теперь мечтал дожить до тех пор, пока гостиные и залы имения наполнятся детскими голосами — и так как его желание было исполнено Господом, здоровье его сиятельства улучшилось и особых тревог мистеру Гилфорду не внушало. Иные люди живут тогда, когда хотят жить, и мистер Хэммонд был из их числа.

Сам мистер Доран был счастлив. Характер Бэрил был ангельским, а после венчания под брачными одеждами невесты обнаружились некоторые дополнительные прелести, которые неизмеримо кружат голову и напрягают плоть мужчин, не имеющих склонностей, подобных тем, что были у мистера Нортон. В результате с плеч и спины мистера Дорана исчезли кровоподтеки, а плотские порывы, за кои он склонен был наказывать себя, воплотились теперь в супружеском долге, который он исполнял неукоснительно и ревностно, с нерастраченным юношеским пылом. Обетование же Господа, данное мистеру Дорану, тоже оказалось выполненным полностью, чего он совсем не ожидал и на что никогда не рассчитывал: семя его размножилось, а душа обрела покой.

Миссис Доран в браке была счастлива. Муж не только оказывал ей неизменное уважение, но и даже при детях, а Господь сделал её матерью двух сыновей и двух дочерей, всегда называл её «любимой». Памятуя, что она была готова ради того, чтобы просто быть хоть кому-то нужной, смириться даже с побоями, станет понятным, что счастье было для неё подлинным чудом, о котором она не могла и мечтать.

Мистер Клэмент Стэнтон, будучи объявлен наследником графского титула и имения, постиг, сколь отличны наши исходные жизненные планы от тех, что предлагает жизнь. Он получил то, о чём мечтал, но понял, что мечты его были глупы. Любовь к мисс Хэммонд ушла из его сердца — ушла неожиданно для него самого. Он с удивлением оглядывал теперь это странное существо с ледяными глазами, озлобленное на весь мир и ненавидящее людей. Сам Клэмент странно смягчился, был неизменно ласков с сестрой и зятем, всем сердцем привязался к племянникам — детям Бэрил.

Мисс Софи Хэммонд после свадьбы сестры уехала в Лондон. Её ничего не привязывало к Хэммондсхоллу: она ненавидела мистера Коркорана и мисс Бэрил, не любила мистера Стэнтон, презирала нового брата — мистера Дорана, и испытывала неприязнь к дяде. Ей нужно было заводить новые связи, но в свет она выходила редко — мешало уродство, и ей пришлось довольствоваться ненавистным одиночеством, которое удавалось сделать менее тягостным только с помощью компаньенок. Те, однако, часто менялись: выдержать общество мисс Хэммонд было нелегко: ядовитые и злобные замечания об окружающих, роняемые ею поминутно, вначале утомляли и раздражали, а после начинали угнетать и нервировать. Приданое мисс Хэммонд было значительно и могло бы привлечь потенциальных женихов, и шрам на щеке, со временем побелевший, был не столь уж заметен, но за это время в мисс Хэммонд слишком явно проступили раздражительность и неприязнь к людям, отпугивающие всех претендентов, и репутация её в обществе была хуже некуда. Один из джентльменов, к которому обратилась сваха с предложением познакомиться

его с девицей, имеющей семьдесят тысяч фунтов, оживился, но, узнав имя предполагаемой невесты, помрачнел и проронил, что мужчины не настолько глупы, чтобы ради денег жениться на ведьмах.

К несчастью, его слова были расслышаны в обществе, найдены остроумными и часто повторялись.

Мистер Коркоран выполнил своё обещание и, так как мистер Доран очень просил его об этом, стал крестным отцом первенца Бэрил и Патрика, названного в его честь Кристианом. Коркоран по-прежнему работал в Италии, пропадал в Пьемонте, при этом совершенно не менялся, оставаясь все тем же бесшабашным шалопаем и властолюбивым эгоистом, одновременно был неординарен, глубок, умен и нравственен, но, главное, естественен.

Окончательно он исчез через шестнадцать лет после описанных событий. Правда, дважды в год от него мистеру Дорану приходили открытки из Пьемонта — к Рождеству и на Пасху.

Короткие и лаконичные, без обратного адреса.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Примечания

Вот где жмёт башмак! (*англ.*)

Землей, текущей млекоом и медом (*англ.*)

Дворянство обязывает (лат.)

От столба к шесту (англ.)

«Они меня истерзали, сделали смерти бледней —
одни своею любовью, другие — враждой своей...»

(нем.)

Кровь гуще воды... (англ.)

«Хвалите, отроки, Господа, хвалите имя Господне. Да будет имя Господне
благословенно отныне и до века...» (лат.)

«Кто, как Господь наш, в вышних живущий и на смиренных взирающий на небе и на земле,
Поднимающий с земли нищего и от гноища возвышающий убогого,
Чтобы посадить его с князьями, с князьями народа Своего...»

(лат.)

Я ощущаю в этих темных, величественных лесах
Что-то царственное и религиозное:
Именно эта таинственность тишины и одиночества
Заставляла галлов долго верить,
Что боги говорят лишь в чаще леса...

(фр.)

Воздать должное даже дьяволу... (*англ.*)

У маленьких кувшинов большие ручки... (*англ.*)

Красота — в глазах любящих... *(англ.)*

Из двух зол выбирать не стоит (*англ.*)

До скорой встречи, брат мой, я жду тебя... (ит.)